

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2020

VESTNIK RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, Methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Alexander V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Sociology), professor, RAS corresponding member, head, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Politics), professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Politics), professor, head, Department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor of the Department of Political Sociology, dean, Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, head, Department of History of Foreign Philosophy, dean, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art History), professor, Department of Cinema and Modern Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Department of Applied Sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, dean, Faculty of the History of Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art History), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Alexander V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Bialystok, Poland
Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany
Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy chief editor*)
Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University, Tokyo, Japan
Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art History), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia
Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Tsyrukun Nina A., Dr. of Sci. (Art History), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia
Shevchenko Irina O., Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Execute editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)
I.O. Shevchenko, Cand. of Sci. (History), associate professor (RSUH)
E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Звегинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ
Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств

- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор политических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова
- И.О. Шевченко*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- И.О. Шевченко*, канд. ист. наук, доц. (РГГУ)
- Е.А. Колосова*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)
- О.В. Китайцева*, канд. социол. наук, доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

- Андрей Б. Паткуль*
Кризис программы построения научной онтологии
и проблема «поворота» в философии Мартина Хайдеггера 12
- Владимир П. Вишняков*
«Философский Лютер»: конфессиональный исток
герменевтики фактичности Мартина Хайдеггера 26
- Руслан А. Лошаков*
Между эго и миром: Владимир Соловьев – Декарт – Гуссерль 42
- Федор А. Докучаев*
Феномен и его субъект. Проблема «принимающего»
в философии Жана-Люка Марриона 61

Социология: теоретические и эмпирические исследования

- Марина Ю. Милованова*
Социально ориентированные некоммерческие организации
как агент социальных изменений и нового социального дизайна
современной России 74
- Ирина В. Воробьева*
Трудовые мигранты в России: проблемы занятости
иностранцев 85
- Андрей А. Хохлов*
Конспирологические теории как феномен медиавоздействия
на общественное сознание 96
- Надежда В. Солодникова*
Особенности потребительского поведения подростков:
социологический анализ 105
- Вера В. Гаврилок*
Рецензия на коллективную монографию: Как живешь интеллигенция?
Социологические очерки / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр
социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с. 119

Искусствоведение

<i>Людмила Ю. Лиманская</i>	
П.П. Рубенс: «Автопортрет в окружении друзей из Мантуи». Проблемы интерпретации	127
<i>Елена О. Графова</i>	
Образы женщин-цветов, женщин-бабочек в художественном опыте искусства Италии и Франции эпохи модерна	139
<i>Мария Т. Майстровская</i>	
Выставка как жанр пластического искусства: “Chanel”	155

CONTENTS

Philosophy. History of Philosophy

- Andrei B. Patkul'*
The crisis of the program for building a scientific ontology
and the issue of "turn" in the philosophy of Martin Heidegger 12
- Vladimir P. Vishnyakov*
"Philosophical Luther". Confessional source
for Martin Heidegger's hermeneutics of facticity 26
- Ruslan A. Loshakov*
Between ego and world. Vladimir Solov'ev – Descartes – Husserl 42
- Fedor A. Dokuchaev*
Phenomenon and his subject. The concept of the recipient
in the philosophy of Jean-Luc Marion 61

Sociology: theoretical and empirical researches

- Marina Yu. Milovanova*
Socially oriented non-profit organizations as an agent of social changes
and new social design in modern Russia 74
- Irina V. Vorob'eva*
Labor migrants in Russia. Issues of the foreign workers employment 85
- Andrey A. Khokhlov*
Conspiracy theories as a phenomenon of media impact
on public consciousness 96
- Nadezhda V. Solodnikova*
The peculiarities of consumer behavior of teenagers.
Sociological research 105
- Vera V. Gavriljuk*
Review of the collective monograph: How are you, intelligentsia?
Sociological essays / Zh.T. Toshchenko (ed.). Moscow:
Center for Social Forecasting and Marketing, 2018. 360 p. 119

Art Studies

<i>Lyudmila Yu. Limanskaya</i> P.P. Rubens. "Self-portrait surrounded by friends from Mantua". Interpretation issues	127
<i>Elena O. Grafova</i> Images of women-flowers, women-butterflies in the artistic experience of the art of Italy and France in the Art Nouveau Age	139
<i>Maria T. Maistrovskaya</i> Exhibition as a genre of plastic art: "Chanel"	155

Философия. История философии

УДК 111.1

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-12-25

Кризис программы построения научной онтологии и проблема «поворота» в философии Мартина Хайдеггера

Андрей Б. Паткуль

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, a.patkul@spbu.ru*

Аннотация. В статье отмечается, что одной из характерных черт т. н. «поворота» в хайдеггеровской интеллектуальной биографии является его отказ от первоначального плана построения научной философии. Отрицание такой ее формы означает в этом случае отказ от построения запланированной философом трансцендентальной онтологии, с которой научная философия им изначально отождествлялась. При этом цель статьи состоит в том, чтобы показать, что сам «поворот» является следствием имманентного кризиса программы построения научной философии у Хайдеггера. В задачи же ее входит выявление внутренних мотивов этого кризиса. В качестве результата исследования было установлено, что у Хайдеггера горизонт понимания бытия вообще релятивизируется смыслу бытия определенного сущего. Показательно, что релятивизация смысла бытия вообще смыслу бытия определенного сущего (онтологическая релятивизация) в онтологии Хайдеггера не означает релятивизации сущего как такового этому сущему (онтическая релятивизация), как нередко понимают замысел философа. Далее, в фундаментальной онтологии горизонтная схема, общая для всех горизонтных схем, оказывается невозможной, а стало быть, здесь является затруднительным дать ответ на вопрос о смысле бытия вообще – в отличие от ответа на вопрос о смысле того или иного способа бытия, например бытия в наличии, понимаемого на основании горизонтной схемы презентации. Наконец, в фундаментальной онтологии различные модусы бытия, выделяемые здесь, не находят взаимно однозначного соответствия структурным элементам его смысла, т. е. не получают достаточного онтологического основания для своего, пусть фактически уже проводимого, выделения. В статье указывается также, что кризис программы научной философии не является случайным событием или, тем более, результатом ошибки, допущенной Хайдеггером. Напротив, его следует понимать как необходимое следствие той изначальной установки, в которой философ разрабатывал свою фундаментальную онтологию.

© Паткуль А.Б., 2020

Ключевые слова: трансцендентальная онтология, научная философия, фундаментальная онтология, темпоральность, горизонтные схемы, смысл бытия, поворот, Мартин Хайдеггер

Для цитирования: Паткуль А.Б. Кризис программы построения научной онтологии и проблема «поворота» в философии Мартина Хайдеггера // Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 12–25. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-12-25

The crisis of the program for building a scientific ontology and the issue of “turn” in the philosophy of Martin Heidegger

Andrei B. Patkul'

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
a.patkul@spbu.ru*

Abstract. The article notes that one of the characteristic features of the so-called “turn” in Heidegger’s intellectual biography is his rejection of the initial plan for the creation of scientific philosophy. The denial of such a form means in that case a refusal by the philosopher to construct the planned transcendental ontology, with which the scientific philosophy was initially identified by him. Moreover, the purpose of the article is to show that the “turn” itself is a consequence of the immanent crisis of Heidegger’s program of building scientific philosophy. Its tasks also include identifying the internal motives of that crisis. As a result of the study, it was found that Heidegger’s horizon of understanding of being in general is relativized to the meaning of being of a certain being. Revealingly that the relativization of the meaning of being in general to the meaning of being of a certain being (ontological relativization) in Heidegger’s ontology does not mean the relativization of the being as such to that being (ontic relativization), as is often taken for the philosopher’s conception.

Further, in the fundamental ontology, a horizontal scheme, common to all the horizontal schemata, turns out to be impossible, and therefore, it is difficult here to give an answer to the question about the meaning of being in general – in contrast to the answer to the question about the meaning of a particular way of being, for example, being in existence, understood on the basis of a horizontal scheme of presentation. Finally, in fundamental ontology, the various modes of being identified here do not find a one-to-one correspondence with the structural elements of its meaning, that is, they do not receive a sufficient ontological basis for their, albeit actually already carried out, isolation. Also the article mentions that the crisis of the program of scientific philosophy is not a random event or, moreover, the result of a mistake made by Heidegger. On the contrary,

it should be understood as a necessary consequence of the original attitude in which the philosopher developed his fundamental ontology.

Keywords: transcendental ontology, scientific philosophy, fundamental ontology, temporality, horizontal schemas, meaning of being, “turn”, Martin Heidegger

For citation: Patkul', A.B. (2020), “The crisis of the program for building a scientific ontology and the issue of “turn” in the philosophy of Martin Heidegger”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-12-25

Исследователями нередко отмечается, что на рубеже 20–30-х гг. минувшего века в философском мышлении Мартина Хайдеггера произошла значительная трансформация. Изменение это принято обозначать посредством термина «поворот» (Kehre): причины и особенности такого «поворота» и по сей день составляют одну из самых интригующих загадок мирового хайдеггероведения. Споры вокруг этой проблемы ведутся на самые разные лады; и не в последнюю очередь речь в них заходит о том, действительно ли у Хайдеггера имело место некоторое изменение взглядов, а если и имело, то настолько оно представляло собой радикальную трансформацию исходной теоретической позиции этого мыслителя. (Одну из классических постановок проблемы можно найти в: [Richardson, 1963]). К сожалению, в рамках данной статьи нет никакой возможности включиться в данные дискуссии. Но здесь будет вполне уместно акцентировать одно событие интеллектуальной биографии этого мыслителя; событие, которое по крайней мере косвенно подтверждает, что определенное преобразование хайдеггеровской философии все же состоялось. В настоящей работе будет рассмотрен *принципиальный отказ Хайдеггера от того, чтобы построить философию в форме науки*, а именно в качестве трансцендентальной онтологии.

Таким образом, в *задачи* настоящей статьи входит, *во-первых*, показать, какое место в общей картине предполагаемого «поворота» у Хайдеггера занимает его отказ от научной формы философии, а *во-вторых*, выявить причины, которые, вероятно, могли бы обусловить такой отказ. Общая же *цель* ее состоит в том, чтобы обосновать тезис о том, что кризис программы построения научной философии у Хайдеггера является одной из возможных, а в качестве возможной – одной из наиболее вероятных причин «поворота» в его мышлении. Эти задачи и цель и обуславливают структуру предлагаемой вниманию читателя статьи.

Начать рассуждения можно с того, что в самом общем виде констатировать следующее: «поворот» в хайдеггеровском мышлении по преимуществу мог бы быть опознан в качестве его отказа от того, чтобы исследовать смысл бытия вообще – в той мере, в какой оно рассматривалось им в качестве данного в понимании человеческого сущему, и перехода к прямому изъяснению истины самого бытия, понятой в качестве его несокрытости.

Этот отказ и приводит к радикальной смене у Хайдеггера той фундаментальной перспективы, в которой исходно ведется философское исследование. Дело в том, что согласно изначальному ключевому тезису философа (тезису онтологической дифференции), сущее – это все то, что в том или ином отношении *есть*, бытие же не есть, но оно дано. Сфера данности бытия – это *понимание*; соответственно, бытие всякий раз дается как *понимаемое* (см.: [Хайдеггер 2001, с. 12]).

Данное обстоятельство, впрочем, предполагает, что для того, чтобы бытие могло бы быть понято, а стало быть, вообще дано, уже должна существовать некоторая инстанция, которая осуществляет понимание. Этой инстанцией у Хайдеггера оказывается некоторое сущее; а именно человеческое существо (*Dasein*), способом бытия которого является *экзистенция*, т. е. открытость для этого сущего в его бытии бытия – как его бытия, экзистенции, так и бытия любого другого сущего (см.: [Хайдеггер 1997, с. 12–15]). Таким образом, у него до «поворота» бытие и его данность предполагают в определенном смысле фактическое уже-существование определенной онтической сферы. Хотя, разумеется, в онтологической перспективе бытие выступает априори по отношению и к ней.

Для Хайдеггера до «поворота» весь ход философского исследования определяется его целью – постановкой вопроса о *смысле* бытия вообще и нахождением конкретного ответа на него. Поскольку же бытие, смысл которого является искомым в философии, способно иметь место исключительно как данное, а данность его предполагает онтическое существование некоторого сущего, онтологическая конституция которого позволяет вообще бытию быть данным, то исследование смысла бытия как такового требует, с точки зрения философа, упреждающего исследования тех предопределяющих возможность данности в понимании бытия онтологических структур, которые конституируют бытие понимающего бытие сущего. Такие структуры характеризуются Хайдеггером как *экзистенциалы*; а их феноменологическая экспликация, упреждающая собственно раскрытие смысла бытия вообще, получает наименование *экзистенциальной аналитики* того сущего, бытие которого они конституируют, – человеческого *Dasein*. Отсюда видно, что философское

исследование носит в хайдеггеровской онтологии *трансцендентальный характер*, ибо оно предваряется здесь принципиальным прояснением условий возможности данности его предмета. Онтология Хайдеггера – это именно *трансцендентальная онтология*. По словам С.Г. Крауэла, у Хайдеггера, «...если вопрос спрашивает о причине или основании “для” сущего в целом, то в “Бытии и времени” это основание может быть понято только трансцендентально» [Crowell 2000, p. 317]. Как таковая эта онтология обращена к *трансценденции* человеческого *Dasein*, делающей возможным понимание бытия вообще. Поскольку же онтология как прояснение и конкретизация смысла *бытия* должна быть упреждена прояснением бытийных структур некоторого *сущего*, то в случае с философией Хайдеггера до «поворота» с полным правом говорят об *онтическом фундировании онтологии*.

В этом смысле сам «поворот» у Хайдеггера можно интерпретировать именно как отказ от онтического фундирования онтологии. После «поворота» путь философской мысли идет уже не от размокнутости некоторого, пусть и преимущественного, сущего к смыслу бытия, но, наоборот, начинается во всегда уже некоторым образом состоявшейся *несокренности* бытия, из которой и сама трансценденция человеческого сущего только и может быть понята. Ф.-В. ф. Херрман конкретизирует это следующим образом:

Это преодоление совершается за счет того, что отношение *Dasein* к проясненности (*Enthülltheit*) как истине бытия больше не полагается в качестве превосхождения, трансценденции сущего, но что трансцендентально положенное различие бытия и сущего, а вместе с ним [и] трансценденция, перепрыгиваются тем прыжком мышления, который является «вступлением в событие *Dasein*» [Herrmann 1994, s. 30].

Так, после поворота Хайдеггер вовсе не отказывается от рассмотрения человеческой экзистенции, но только смотрит на нее в свете уже раскрывшей себя определенным образом истины бытия как несокренности. «Поворот» Хайдеггера оказывается равным образом и *обращением* терминов пути философского мышления. Сам философ говорит о нем как о «попытке мыслить бытие без оглядки на обоснование бытия из сущего» [Хайдеггер 1993, с. 391]. Ричард Полт уточняет этот ход мысли Хайдеггера следующим образом: «Но Хайдеггер, как мы увидим, пытается проложить путь к мышлению о событии, которое порождает предельное условие трансценденции, событие, служащее источником самого времени» [Polt 2015, p. 233].

Показательно, что ход онтического фундирования онтологии, равно как и само онтологическое исследование, мыслился

философом как *наука*, а именно как *теоретически-понятийная* экспликация смысла бытия. Об этом, к сожалению, очень часто забывают интерпретаторы философии Хайдеггера, особенно в русскоязычном философском пространстве. Однако относительно философской онтологии в своих лекциях «Основные проблемы феноменологии» (1927) он недвусмысленно утверждает: «Философия есть наука о бытии. Мы будем понимать в дальнейшем под философией научную философию и не иначе» [Хайдеггер 2001, с. 15]. Впрочем, уже через совсем незначительный промежуток времени в своем курсе «Введение в философию» (1928/1929) он говорит нечто совсем противоположное: «На вопрос, является ли философия некоторой наукой, следует упреждающе ответить: нет, философия не является какой бы то ни было наукой» [Heidegger 1996, s. 14]. Нет никаких сомнений в том, что хронологически такое изменение хайдеггеровской позиции относительно научности философии совпадает, в общем, с периодом, когда формируется и его отказ от онтического фундирования онтологии. Мотив же разделения философии или наследующего ей у позднего Хайдеггера «мышления» и науки будет в ходе дальнейшей интеллектуальной биографии мыслителя только усиливаться. В этой связи можно вспомнить слова В.В. Биbihина о написанном уже после поворота труде Хайдеггера «Работы по философии»:

Философствование в “Beiträge” утрачивает черты метода. Больше того, Хайдеггер настаивает, что в той мере, в какой философия все еще остается пересказом, воспоминанием прежде продуманного и развивающим это строительство, она помеха самой себе. Вхождение в колею доступной общепонятности, когда философию сделалось возможно передавать от каждого каждому, стало ее концом [Биbihин 2009, с. 495–496]. (См. также, напр.: [Хайдеггер 1991, с. 137]).

Правда, остается еще неизвестным, является ли такой хронологический параллелизм отказа от онтического фундирования онтологии и размежевания философии и научной формы у Хайдеггера случайным или все же он закономерен. Известную помощь в прояснении данного вопроса могли бы оказать признания Хайдеггера, сделанные им в курсе лекций «Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество» (1929/30), которые все же склоняют считать, что отказ от онтического фундирования онтологии и отказ от научной формы философии у Хайдеггера представляют собой две стороны одного и того же события. А именно таковым можно было бы считать последовательное *разочарование Хайдеггера в онтологии* как модальности имени дела в философии с ее соб-

ственным предметом – бытием, которое все же сохраняется у него в качестве ведущей темы мышления даже после «поворота». Чтобы не быть голословным, можно привести следующие высказывания философа:

Может быть, вверяя онтологии проблему различия бытия и сущего и именуя ее в этом контексте, мы тем самым заранее парализуем ее проблематику. В конце концов, нам надо, наоборот, развернуть эту проблематику *еще радикальнее*, рискуя дойти до той точки, когда *всю онтологию, как она мыслится, придется отвергнуть как недостаточную метафизическую проблематику* [Хайдеггер 2013, с. 540–541].

Следует спросить, почему опознание онтологии как «недостаточной метафизической проблематики» может свидетельствовать о взаимосвязи хайдеггеровского отказа от онтического фундирования онтологии и научной формы философии. Наиболее вероятный ответ на данный вопрос состоит в том, что *онтология как способ философского раскрытия бытия и есть наука*, в ее онтическом фундировании предполагающая *дискурсию*, которая также в известном смысле является *рекурсией* – рекурсией мысли от факта данности бытия к его смыслу, который поэтому и раскрывается только научно-дискурсивно через прояснение таких условий возможности данного факта. Таким образом, отказ от онтического обоснования онтологии мог быть мотивирован у Хайдеггера его разочарованием в онтологии вообще, а это разочарование, в свою очередь, – теми апориями, с которыми столкнулась попытка философа придать исследованию бытия форму науки. Здесь представляется допустимым обозначить только некоторые из них.

Итак, *во-первых*, можно предположить, что фундаментальная трудность науки о смысле бытия вообще заключается в том, что она пытается считать смысл бытия *вообще с определенного* сущего и смысла *его* бытия. Собственно, подобный упрек выставлялся в адрес Хайдеггера едва ли не с момента его заявления о своей собственной онтологической позиции. Показательный пример в этой связи можно обнаружить, скажем, у Николая Гартмана, который заявляет относительно хайдеггеровской фундаментальной онтологии следующее:

Следствием этого подхода является изначальное понимание всего сущего как относительного человеку. Сущее так или иначе – его. <...> Тем самым вопрос о сущем как сущем одновременно снимается. Подразумевается только лишь сущее, как оно существует для меня, дано мне, понято мною [Гартман 2003, с. 151].

Однако этот воспроизведенный Н. Гартманом стандартный упрек в адрес Хайдеггера несправедлив. Ведь, если брать позицию последнего непредвзято, то сущее, которое не есть человеческое существо, *не релятивизируется* у Хайдеггера человеку. Но все же, на другом уровне, релятивизация в онтологии Хайдеггера, безусловно, имеет место. Этот уровень – онтологический. Ибо Хайдеггер предполагает, что сущее существует безотносительно к человеку, но смысл бытия сущего может быть открыт только в бытии человека и через это бытие, а потому относителен ему. Формально в этом, казалось бы, нет никакой трудности: ведь и сам Хайдеггер заявляет, что в имени дела в своем бытии с самим этим бытием (экзистенция) человеческому существу со-открыто и бытие сущего вообще, в том числе бытие того сущего, которое не существует по способу экзистенции. Это, однако, не должно само собой означать, что тем самым человеческое сущее искажает и на свой лад – произвольно или непроизвольно – трансформирует якобы в себе «объективный» смысл бытия иных сущих. Проблема состоит в другом. А именно сам ход науки демонстрирует, что отношение смысла бытия понимающего бытие сущего и смысла бытия вообще содержит в себе фундаментальную двусмысленность. Смыслом бытия человеческого существа оказывается, согласно Хайдеггеру, экстатическая *временность* (*Zeitlichkeit*), тогда как смыслом бытия вообще – *темпоральность* (*Temporalität*); и двусмысленность их отношения состоит в том, что, с одной стороны, темпоральность не тождественна временности, но, с другой стороны, темпоральность есть не что иное, как сама *«временность с точки зрения единства принадлежащих ей горизонтов»* [Хайдеггер 2001, с. 408]. Сказанное требует разъяснений. Дело в том, что, по мысли Хайдеггера, смысл бытия понимающего бытие сущего составляет временность, состоящая из таких своих структурных элементов, как экстазисы, отличающихся принципиально от замкнутых в себе моментов «теперь», которые представляют собой структурные элементы времени в его традиционном понимании. Экстазис временности есть всегда уже вовне себя; он распахнут. То направление, в котором он распахнут, и называется Хайдеггером горизонтом, или *горизонтной схемой*, а также *экстемой* экстазиса временности; стало быть, приведенное выше хайдеггеровское определение темпоральности означает, что таковая является самой временностью как единством разомкнутых экстазисов, однако, взятой также в аспекте единства тех направлений, в которых эти экстазисы распахнуты. Но это как раз и показывает, что любая возможность научного раскрытия темпоральности как смысла бытия вообще в силу такой онтологической ее релятивности ко временности «скатывается» к экспликации структуры

последней – так как конститутивные элементы темпоральности могут быть поняты и изъяснены исключительно как аспекты элементов временности. Содержательно анализ темпоральности не способен обнаружить ничего, кроме того, что уже содержится в учении о временности с ее схематизмом. Это особенно хорошо видно на примере хайдеггеровского анализа понятия *презенции* как горизонтной схемы экстазиса настоящего, обуславливающего понимание бытия как бытия под рукой, соответственно, бытия в наличии (см.: [Хайдеггер 2001, с. 403–416]). Так или иначе, проект научной онтологии начинает пробуксовывать при переходе от раскрытия смысла бытия человеческого сущего к смыслу бытия вообще.

Во-вторых, соотнесение смысла бытия вообще со смыслом бытия понимающего бытие сущего приводит и к тому, что в ходе научно-онтологической экспликации не удастся подобрать общую схему, на основании которой понималось бы бытие вообще в отличие от определенных его модусов. А это означает как раз, что главный вопрос научной онтологии так и остается в ней без ответа – конкретный смысл бытия так здесь и не определяется. Дело в том, что, согласно Хайдеггеру, каждый особенный модус бытия понимается на основании соответствующей этому модусу горизонтной схемы некоторого экстазиса временности, т. е. снова отсылает к смыслу бытия понимающего бытие сущего и его структуре. Так, например, бытие в смысле бытия в наличии понимается экзистирующим сущим постольку и только постольку, поскольку в смысл бытия *этого сущего* уже входит экстазис настоящего с присущей ему горизонтной схемой презенции. Структура же временности в целом, хотя и представляет собой определенного типа единство трех экстазисов и принадлежащих им горизонтов, сама *не имеет единой конечной схемы, на которую она была бы – как временность – направлена как таковая*. В таком случае пришлось бы онтологически предполагать горизонт всех возможных горизонтов, каждый из которых декларируется Хайдеггером в качестве конечного горизонта, *уже не имеющего никакого горизонта для себя* и являющегося достаточным для понимания бытия. Но каждый из этих горизонтов дает возможность понимать бытие только в определенном его виде или модусе; основание же для понимания бытия в его единстве, или бытия вообще научная философия оказывается неспособной обнаружить. И эта неспособность показывает себя не как недостаток и промах самой науки, но как затруднение, протекающее из характерного устройства того смысла, который эта наука открывает в качестве темпоральности у бытия.

Впрочем, *в-третьих*, если приглядеться, то можно увидеть, что на деле онтологическая наука у Хайдеггера едва ли смогла бы

справиться и с задачей обоснования дифференциаций модусов и деривативов бытия, исходя из единой экстатически-горизонтной структуры темпоральности. В самом деле, «выведение» различных модусов и деривативов бытия из структуры его единого смысла упоминается Хайдеггером в качестве одной из, но далеко не второстепенных, задач научной онтологии. Поэтому можно было бы предположить, что общий ход его науки был бы направлен следующим образом: от анализа экзистенциальных условий понимания бытия некоторым сущим к идее бытия вообще, а от идеи бытия вообще – к анализу различных способов бытия, принадлежащих различным областям сущего. В конечном счете онтологический анализ таких способов мог бы послужить для разработки того, что Хайдеггер в полном соответствии с феноменологической традицией называет *региональными онтологиями* (см.: [Heidegger 1995, s. 36]). Таким образом, экзистенциальная аналитика понимающего бытие сущего могла бы играть роль *наведения* на онтологический принцип (темпоральность), из которого потом *выводились* бы (разумеется, герменевтически, а не в смысле формальной дедукции) все прочие модификации бытия. На исключительно структурном уровне это кажется оправданным. Так, каждая горизонтная схема экстазиса временности, а также их различные комбинации и модификации могли бы служить основанием для понимания бытия в качестве такого-то и такого-то, как, например, уже неоднократно упоминавшаяся здесь схема презенции служит, согласно Хайдеггеру, онтологическим основанием для понимания бытия в качестве подручности или наличности. Однако при более детализирующем взгляде обнаруживается, что число возможных комбинаций элементов темпоральности совершенно не соответствует и даже заведомо не может соответствовать числу модификаций бытия – пусть только тех, что в разрозненном и не сведенном в единую классификацию виде упоминаются в онтологических произведениях Хайдеггера. Более того, именно потому, что наука не может идти здесь путем формального выведения, она и не имеет права априори дедуцировать из структуры темпоральности все и абсолютно все возможные модификации бытия. Все, что она может себе позволить при своей герменевтической «дедукции», – это подвести некоторое готовое понимание особого способа бытия под открытый ею заранее элемент структуры темпоральности или комбинацию таких элементов. Сами же представления о дифференциации способов бытия носят дофилософский и стихийно-исторический характер, они уже фактически должны сформироваться – так, чтобы наука только каждый раз *ad hoc* подыскивала каждому из них адекватное онтологическое основание в структуре темпоральности. Допустимо ли такое *ad hoc*

подведение считать наукой, сложно сказать, хотя нельзя и не признать, что оно нередко блестяще удавалось Хайдеггеру. Впрочем, даже если бы онтологическая наука и имела бы право пользоваться формальной дедукцией и, тем более, даже если бы благодаря этому методу она поставила бы во взаимно однозначное соответствие фактически выделяемые модификации бытия и структуры темпоральности, это едва ли можно было бы считать выполнением исходной онтологической задачи именно в силу формальности этого решения. Дело в том, что сами горизонтные схемы в науке не получали бы никакой содержательной экспликации, а отличались бы они друг от друга только названиями и формальным положением в структуре темпоральности. Но такой «формализм» едва ли смог бы привести что-то новое в понимание того, почему такая-то схема обуславливает понимание именно такого-то способа бытия. В лучшем случае все ограничивалось бы тавтологией, наподобие той, что презентация служит основанием для понимания бытия как наличного, т. е. находящегося в настоящем постольку, поскольку она является схемой экстазиса настоящего. Поэтому не должно вызывать удивления то, что Хайдеггер, насколько это известно, так нигде и не предложил полноценного исследования какой бы то ни было иной схемы экстазисов временности, помимо презентации.

В любом случае выделенные здесь три причины отхода Хайдеггера от проекта создания научной философии и онтического фундирования онтологии едва ли могут послужить для исчерпывающего объяснения этих трансформаций в его мысли и, так или иначе, хайдеггеровского «поворота» в целом. Но вместе с тем эти причины являются весьма вескими; в том числе и потому, что демонстрируют, что «поворот» не только не мог быть осуществлен без отказа от научной формы философского мышления, но и кризис самой этой формы во многом оказался мотивирующим для осуществления «поворота» на деле. А именно такого «поворота», который был вызван действительным прохождением пути науки о бытии, приведшим к опознанию того факта, что бытие, возможно, вообще не коррелирует со смыслом, онтическим условием которого и выступает фактическое экзистирование человеческого существа, но является тем *сверх-смысленным*, в нескрытости чего смысл – в том числе и смысл самого экзистирования – еще только и может быть обретен. К.Ф. Гетман отмечает, что у Хайдеггера «...идея тезиса об универсальном смысле противоречит сущностному результату фундаментальной онтологии» [Gethmann 1974, s. 282]. Это происходит потому, что, по словам Ж. Грондена, «стремясь очертить смысл бытия, фундаментальная онтология как раз и предположила его *понятность*» [Гронден 2011, с. 162]. Но такое предположение обна-

руживает себя в качестве предпосылки, правда, только тогда, когда исходящая из него наука (о смысле бытия) развернута до своих возможных пределов. «Понятность» бытия именно через науку обнаруживает свою непонятность, ту непонятность, в силу которой бытие как «сверх-смысленное» требует уже не дискурсивно-понятийного подхода, рекуррирующего к нему от условий возможности его данности, но изъяснения его в его несокрытости – изъяснения в слове мыслителей и поэтов.

В любом случае становится очевидным, что отказ от онтического фундирования онтологии, равно как и отказ от научной формы философии вообще – это не случайность, не ошибка или прихоть Хайдеггера как того, кто инициировал разработку онтологии как науки о смысле бытия. Гронден подчеркивает, что «поворот» – как переход от временности к *темпоральности* – на самом деле уже намечался в универсуме «Бытия и времени» [Гронден 2011, с. 130]. Другое дело, что в итоге он был осуществлен Хайдеггером совершенно иначе – в отказе от «цисцендентального» (М. Брелаге, К.Ф. Гетман), т. е. обратного трансцендентальному, движения науки от темпоральности к сущему как таковому и в целом. Сама эта наука показала, что ее границы имплицированы в ее идее, но эксплицированы они могут быть только по прохождении всего ее пути: от сущего понимающего бытие и его экзистенциально-онтологической конституции к смыслу бытия вообще. Поэтому

различие между запланированным и фактическим поворотом, тем самым, следует охарактеризовать негативно, прежде всего, в том смысле, что фактическое продвижение фундаментальной онтологии не ведет к значащей в синтезе теории трансцендентально-онтологической истины [Gethmann 1974, s. 282].

В этом плане сама наука в ее насколько возможно полной осуществленности указывает за эти границы – на то, что ей уже не подлежит, на истину того бытия, смысл которого она искала, заявившую себя как несокрытость, всегда уже включающую в себя также и тенденцию к сокрытию.

Литература

- Бибихин 2009 – Бибихин В.В. Хайдеггер: от «Бытия и времени» к «Beiträge» // Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009. С. 493–519.
- Гартман 2003 – Гартман Н. К основоположению онтологии / Пер. с нем. Ю.В. Медведева; под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2003. 639 с.

- Гронден 2011 – *Гронден Ж.* Поворот в мышлении Мартина Хайдеггера / Пер. с фр. А.П. Шурбелева. СПб.: Русский Мирь, 2011. 252 с.
- Хайдеггер 1991 – *Хайдеггер М.* Что значит мыслить? / Пер. с нем. А.С. Солодовниковой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 134–145.
- Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
- Хайдеггер 2001 – *Хайдеггер М.* Основные проблемы феноменологии / Пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Изд-во ВРФШ, 2001. 445 с.
- Хайдеггер 2013 – *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество / Пер. с нем. В.В. Библихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013. 591 с.
- Crowell 2000 – *Crowell, S.G.* Metaphysics, Metontology, and the End of Being and Time // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000. Vol. 60, no. 2 (March). P. 307–331.
- Gethmann 1974 – *Gethmann C.F.* Verstehen und Auslegung. Das Methodenproblem in der Philosophie Martin Heideggers. Bonn: Bouvier Verlag Herbert Grundmann, 1974. 415 S.
- Heidegger 1995 – *Heidegger M.* Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919–1944. Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. 3. Aufl. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1995. 436 S.
- Heidegger 1996 – *Heidegger M.* Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919–1944. Bd. 27: Einleitung in die Philosophie. Frankfurt a.M.: Vittorio Klostermann, 1996. 404 S.
- Herrmann 1994 – *Herrmann F.-W. v.* Wege ins Ereignis: zu Heideggers “Beiträgen zur Philosophie”. Frankfurt a.Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1994. 409 S.
- Polt 2015 – *Polt R.* From the Understanding of Being to the Happening of Being // Division III of Heidegger’s Being and Time. The Unanswered Question of Being / L. Braver (ed.). Cambridge, MA; London: The MIT Press, 2015. P. 219–239.
- Richardson 1963 – *Richardson W.J.* From Phenomenology to Thought. The Hague: Martinus Nijhoff, 1963. 764 p.

References

- Bibikhin, V.V. (2009), “Heidegger: From ‘Being and Time’ to ‘Contributions’”, *Rannii Khaidegger: Materialy k seminaru* [Early Heidegger. The Materials to the Seminar], Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, Moscow, Russia, pp. 493–519.
- Crowell, S.G. (2000), “Metaphysics, Metontology, and the End of Being and Time”, *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 60, no. 2, March, pp. 307–331.
- Gethmann, C.F. (1974), *Verstehen und Auslegung. Das Methodenproblem in der Philosophie Martin Heideggers*, Bouvier Verlag Herbert Grundmann, Bonn, Germany.

- Grondin, J. (2011), *Povorot v myshlenii Martina Khaideggera* [The Turn in the Martin Heidegger's Thinking], Shurbelev, A.P. (transl. from French), Russkii Mir, St. Petersburg, Russia.
- Hartmann, N. (2003), *Kosnovopolozheniyu ontologii* [Ontology: Laying the Foundations], Medvedev, Yu.V. (transl. from German), Nauka, St. Petersburg, Russia.
- Heidegger, M. (1991), "What does it mean – thinking?", *Razgovor na proselochnoi doroge*. [A conversation talk on the country road], Solodovnikova, A.S. (transl. from German), Vysshaya shkola, Moscow, Russia, pp. 134-145.
- Heidegger, M. (1995), *Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919-1944. Bd. 25: Phänomenologische Interpretation von Kants Kritik der reinen Vernunft. 3. Aufl.* Vittorio Klostermann, Frankfurt a.M., Germany.
- Heidegger, M. (1996), *Gesamtausgabe. II. Abteilung: Vorlesungen 1919-1944. Bd. 27: Einleitung in die Philosophie.* Vittorio Klostermann, Frankfurt a.M., Germany.
- Heidegger, M. (1997), *Bytie i vremya* [Being and Time], Bibikhin, V.V. (transl. from German), Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Heidegger, M. (2001), *Osnovnye problemy fenomenologii* [Basic Problems of Phenomenology], Cherniakov, A.G. (transl. from German), Izdatel'stvo VRFSh, St. Petersburg, Russia.
- Heidegger, M. (2013), *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Mir – konechnost' – odinochestvo* [The Fundamental Concepts of Metaphysics. World, Finitude, Solitude], Bibikhin, V.V., Akhutin, A.V. and Shurbelev, A.P. (transl. from German), Vladimir Dal', St. Petersburg, Russia.
- Herrmann, F.-W. v. (1994), *Wege ins Ereignis: zu Heideggers "Beiträgen zur Philosophie"*, Vittorio Klostermann, Frankfurt a.M., Germany.
- Polt, R. (2015), "From the Understanding of Being to the Happening of Being", in Braver, L. (ed.), *Division III of Heidegger's Being and Time. The Unanswered Question of Being*, The MIT Press, Cambridge, MA, USA; London, England, pp. 219-239.
- Richardson, W.J. (1963), *From Phenomenology to Thought*, Martinus Nijhoff, The Hague, Netherlands.

Информация об авторе

Андрей Б. Паткуль, кандидат философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; a.patkul@spbu.ru

Information about the author

Andrei B. Patkul, Cand. of Sci. (Philosophy), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7-9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; a.patkul@spbu.ru

«Философский Лютер»:
конфессиональный исток герменевтики фактичности
Мартина Хайдеггера

Владимир П. Вишняков

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vishnyakov.v.p@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается концепт герменевтики фактичности из ранних работ Мартина Хайдеггера. Изначально фактичная жизнь рассматривалась М. Хайдеггером в рамках феноменологического метода. Ключевое значение в прояснении данного концепта имеет анализ раннехристианского религиозного опыта, раскрывающий структуру до-теоретического уровня существования. Связь с религиозным опытом, интерпретация посланий апостола Павла, обращение к аргументации Аристотеля о линейности времени и «теологии креста» М. Лютера позволяют выделить в герменевтике фактичности проект «философского спасения», выраженный в артикуляции подлинного существования Dasein. М. Хайдеггер восстанавливает понимание человеческого существования как радикально уникального и конечного, что становится основанием такого проекта. При этом три темы в фундаментальной онтологии Dasein («падшесть», «совесть» и «бытие-к-смерти») оказываются укорененными в богословской антропологии М. Лютера. В результате в ранних работах М. Хайдеггера можно реконструировать его собственную секулярную версию эсхатологического ожидания конца дней, призванную заменить метафизическую «сотериологию», восходящую к Платону и Пармениду. Основные положения такого проекта оказываются философским прояснением настроенности на мир, характерной для раннего христианства, и имеют конфессиональные истоки в протестантской теологии креста М. Лютера.

Ключевые слова: М. Хайдеггер, М. Лютер, герменевтика фактичности, фактичная жизнь, философия религии

Для цитирования: Вишняков В.П. «Философский Лютер»: конфессиональный исток герменевтики фактичности Мартина Хайдеггера // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 26–41. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-26-41

“Philosophical Luther”.
Confessional source for Martin Heidegger’s
hermeneutics of facticity

Vladimir P. Vishnyakov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vishnyakov.v.p@gmail.com*

Abstract. The article discusses the hermeneutics of facticity from Martin Heidegger’s early works. Initially, M. Heidegger considered the factual life in the framework of phenomenological method. His analysis of the early Christian religious experience revealed the structure of pre-theoretical existence level and had key importance in clarifying that concept. The connection with religious experience, the interpretation of Apostle Paul’s Epistles, the appeal to Aristotle’s arguments about the linearity of time and the “theology of the cross” by M. Luther allowed German thinker to highlight in hermeneutics of facticity a project of “philosophical salvation” expressed in the articulation of Dasein’s authentic existence. Heidegger restores the understanding of human existence as the radically unique and finite, and that becomes the basis for such a project. At the same time, three themes in the fundamental ontology of Dasein (“fallen-ness”, “conscience” and “being-to-death”) are rooted in the theological anthropology of M. Luther. As a result, in the early works of M. Heidegger, one can reconstruct his own secular version of the eschatological expectation of the end of days, designed to replace the metaphysical “soteriology” having its origin from Plato and Parmenides. The main concepts of such a project are a philosophical clarification of the worldview characteristic of early Christianity, and it has its confessional source in M. Luther Protestant theology of the cross.

Keywords: M. Heidegger, M. Luther, hermeneutics of facticity, factual life, philosophy of religion

For citation: Vishnyakov, V.P. (2020), “‘Philosophical Luther’. Confessional source for Martin Heidegger’s hermeneutics of facticity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 26–41, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-26-41

*...Хайдеггер воспринимал себя... кем-то
вроде философского Лютера в западной
метафизике.*

[Heidegger/Luther 1994, p. 171]

В 1920–1921 гг. Мартин Хайдеггер обратился к герменевтике фактичности как предметному полю и подлинному методу, позволяющему обрести «новое начало» в философии. В определенной

степени это был отклик мыслителя на «дух времени» и «кризис наук», который выразился в критическом анализе изначальных понятий, являющихся основанием конкретных дисциплин. Фактичность – это концепт, применяемый М. Хайдеггером для анализа изначального опыта, дотеоретического уровня повседневной жизни. Он указывает на жизнь в подвижной и дорефлективной изменчивости. Термин «фактичность» (Faktizität) первоначально появился у И.Г. Фихте, который использовал его для описания нашей встречи с «грубым» лицом реальности, не поддающейся рациональному мышлению [Kisiel 2003, p. 28]. Согласно Хайдеггеру, понимание фактичности возможно с помощью особой герменевтики, под которой он подразумевает такую «интерпретацию фактичности, в которой фактичность встречается, становится видимой, осознанной и выраженной в понятиях»¹. В герменевтике фактичности метод и предмет совпадают. Она усматривает и описывает структуры, связывающие различные уровни бытия в подвижной и хрупкой жизни человека – изнутри самой человеческой жизни. Синонимами герменевтики фактичности являются: фактичная жизнь, фактичное понимание и феноменологическое исследование, а также «пранаука о жизни и переживании», «изначальная наука о фактичной жизни», «онтологическая феноменология» [фон Херрман 2000, с. 33].

Настоящим прорывом в раскрытии данного концепта стало обращение М. Хайдеггера к особому типу опыта – фактичности религиозной жизни ранних христиан. Философ проанализировал тексты посланий апостола Павла и Августина, а также Мартина Лютера. В лекционных курсах по философии религии, прочитанных в начале 1920-х годов во Фрайбурге («Введение в философию религии», «Августин и неоплатонизм»), М. Хайдеггер раскрывает особенное переживание жизни и восприятие времени в изначальном христианстве, феноменологически проясняет структуру настроенности на мир, которая подразумевается в религиозном опыте.

От подлинного христианства к подлинной философии

Анализ М. Хайдеггером посланий апостола Павла выявил особое («кайрологическое») понимание времени в ожидании Второго Пришествия и «наиболее документированный исторический пример понимания “фактичной жизни”» [Sommer 2005, p. 27]. Пропо-

¹ Heidegger M. *Ontologie (Hermeneutik der Faktizität)*, Frühe Freiburger Vorlesung. Gesamtausgabe. Bd. 63. Frankfurt a.Main, 1988. S. 20.

ведь апостола отвечает беспокойству, нуждам и заботам фессалоникийцев. Ее смысл сфокусирован на том, как нужно понимать грядущее Пришествие Христа в качестве момента актуализации смысла (Vollzug) веры, не скрытого содержанием (Gehalt) проповеди и отношением (Bezug) к проповеднику. Сама речь Павла является действием, а не теоретической спекуляцией. Он воспринимает себя как страдающего собрата других верующих, и в событии проповеди община обретает свою действительность: фессалоникийцы становятся христианами.

М. Хайдеггер показывает, что Павел не рассматривает Второе Пришествие и его время как наличные сущности, потому что его ожидание не связано с определенным днем: «Ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью» (1Фес. 5:2). Отступники (*ἀπολλύμενοι*) думают, что могут дожидаться пришествия Христа, но истинные христиане (*σωζόμενοι*) настраиваются на неопределенность грядущего, понимая его как указание на то, *как* они должны жить: в открытости неожиданному, неконтролируемому и неподдающемуся расчету целостному событию (*καίρως*). Христиане – это те, кто относится к миру так, как если бы они к нему не относились. Хайдеггер интерпретирует ожидание Второго Пришествия как признак фактического (исторического) существования: христианская жизнь означает стояние перед Богом в преданности, которую нужно постоянно обновлять.

Согласно М. Хайдеггеру, Августин, подобно апостолу Павлу, также приблизился к пониманию жизни из перспективы фактичности. Для Августина вопрос об актуализации веры трансформируется в прояснение «блаженной жизни» (*beata vita*) – коррелята праведности. Он рассматривает *beata vita* не с точки зрения ее содержания, как нечто во внешнем мире, но в действительности ее поиска. В лекционном курсе «Августин и неоплатонизм» М. Хайдеггер историзирует концепцию блаженной жизни, показывая, как люди связаны с содержанием *beata vita*, ожидая и надеясь на нее. В заботе об истинной блаженной жизни человек постоянно сталкивается с искушением следовать удобным тенденциям (такими, как три вида похоти – *concupiscentia carnis*, *concupiscentia oculorum* и *ambitio saeculi*), в конечном итоге он также должен столкнуться с вопросом, кто он есть в действительности. Вопрос становится неотложным в проявляющемся конфликте, когда человек видит, что он предпринимает то, чего внутри себя не хочет (что не соответствует содержанию его веры), и наоборот, желает того, что сам не может исполнить (т. е. актуализировать свою веру). Это накладывает бремя душевных мук (*molestia*) на человеческую природу, и оно относится к самой фактичности человеческого существования.

М. Хайдеггер считает, что философия (как деятельность) должна начинаться именно с этого аспекта фактичности, а не с теоретических понятий, таких как «тело», «душа», «смысл», «разум» и т. д. При этом у Августина обнаруживаются две противоположно направленные тенденции: подход к поиску Бога из жизненной фактичности, а также и отход (падение) от фактичности в теоретическую установку. Это позволило М. Хайдеггеру выразить конфликт между адекватным описанием религиозного опыта и фальсифицирующей это описание неоплатонической онтологией, которая в модели видения («созерцания») Бога как наличного (прекрасного и благого) сущего помещает Его в иерархию бытия и тем самым заслоняет фактичность веры. Вследствие чего было бы ошибкой думать, что мы можем достичь подлинного христианства, просто следуя за Августином.

Решение переосмыслить существование в перспективе раннехристианского опыта, отделенного от неоплатонического влияния, объясняет также интерес М. Хайдеггера к текстам Аристотеля и к богословию Мартина Лютера, который уже реализовал подобный проект в конфликте с католической церковью и схоластической философией. Возникает характерный для феноменологии М. Хайдеггера герменевтический круг: критическое преодоление (деструкция) онтологии Аристотеля как «мудрости мира сего», в своей сущности, направляется *theologia crucis* М. Лютера, и оно же, в свою очередь, позволяет «аристотелизировать» само лютеранское богословие, чтобы феноменологически осмыслить фундаментальные человеческие переживания в раннем христианстве.

Герменевтика фактичности и феноменологическое прочтение Аристотеля

Свою «программную схему» деструкции онтоотеологии Аристотеля М. Хайдеггер представил в рукописи “*Natorp Bericht*” (1922 г.). Его специфическая «направленность взгляда» была, в свою очередь, определена «заостренным взглядом Лютера на фактичность жизни и ее неотвратимую конечность» [Grossman 2001, p. 204]. По М. Хайдеггеру, для истолкования человеческого бытия Аристотель выбрал предметное поле, в котором люди занимаются производством (ποίησις), т. е. изготовленное сущее. Кроме того, основным феноменом для понимания существования для греческого философа стало движение (и подвижность производства), а не фактичность жизни, направляемая заботой. Вследствие этого приоритет получает теоретическое отношение к бытию, в котором дви-

жение достигает своего предела, – «мудрость» (σοφία) как «чистое всматривание» (θεορία) в необходимое сущее, которое «не может быть другим». В результате понимание божественности исходит из физической концепции κίνησις (как онтологическая радикализация сущего-в-движении²).

В “Natorp Bericht” М. Хайдеггер показывает, как преодолеваются примат мышления над опытом, действительности над возможностью, идея неподвижного перводвигателя и θεορία как действие божественной части души. Подобно тому, как Лютер увидел дела плодами, растущими на древе веры, М. Хайдеггер обнаруживает за подвижностью изготовления фундирующий феномен – заботу. Он находит в термине «рассудительность» (φρόνησις) максимальное приближение к подвижности фактической жизни. Рассудительность соединена с заботливостью об изменчивом сущем и временностью человеческого существования (Dasein), содержит практическую (не теоретическую) истину и направлена на ἑσχατόν, «то есть на крайнее, в котором каждый раз заостряется... конкретная ситуация»³. Забота раскрывается в обхождении с предметами, так что фактическая жизнь движется в самоистолкованности, раскрывая и скрывая мир (в теоретической установке). Она не протекает как индифферентный процесс: в ней есть склонность к падению (Verfallenheit) в мир и от-падению от себя (в модусах искушения, успокоения и отчуждения). Это приводит к тому, что жизнь проживается не лично, но в некоем «усредненном значении», в чужих мнениях, привычках и традициях. Dasein отчуждается от себя, забывая о своей способности и ответственности выбирать собственный способ бытия. Жизнью отдельного человека живут безымянные «люди» (das Man), и тогда, по сути, она проживается «ником».

Наиболее очевидной склонность к падению становится в отношении к смерти. Мысль о ней не приносит ни успокоения, ни облегчения, но только страх и беспокойство, поэтому Dasein старается ее избегать и отодвигать, что означает отказ от себя. Альтернативой является принятие мысли о смерти и своей обеспокоенности ею. Так смерть выявляет временный смысл и конечность человеческого бытия. Таким образом, не теоретическое мышление (cogitatum) характеризует существо Dasein, которым «я» всегда являюсь, но понимание, что «я» есть moribundus (смертный, умирающий) [Courtine 1990, p. 310].

² Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля. СПб., 2012. С. 136.

³ Там же. С. 131.

*Философская «сотериология»:
уникальность и временной смысл Dasein*

Раскрытие временного характера герменевтики фактичности дает возможность М. Хайдеггеру, пусть и неявно, сформулировать проект спасения человеческого существования. В данном случае под концепцией спасения понимается «философское спасение» – секулярная сотериология «философов и ученых», в которой предполагается, что среди сущего можно обнаружить некое автономное и истинное бытие, доступное познанию. Понятно, что для М. Хайдеггера спасение не заключено в интеллектуальном созерцании высшего объекта, идеального «что», но в «как», в особом способе бытия Dasein – экзистенции. «Спасти» конечную человеческую жизнь в философском смысле – значит показать возможность подлинного, максимально индивидуализированного бытия в мире.

Философ проанализировал и использовал аргументацию Аристотеля, чтобы исключить идею о циклическом времени, несовместимую с подлинной христианской жизнью. По мнению М. Хайдеггера, Аристотель, определяя время как линейное, подготовил основание для различных видов эсхатологии. Тем самым становится видимой связь текстов греческого философа с посланиями апостола Павла, Августина и др. Анализ М. Хайдеггером *καιρός* («исполнения» времени) и *φρόνησις* (рассудительности как целостного понимания) деконструирует концепцию Аристотеля и направлен уже на целостное время конечной и единожды проживаемой жизни, в которую Dasein оказалось помещено («заброшено»). «[Временность] не является количеством или таким следованием по очереди, но экзистенциально фактическими скачками...», – поясняет М. Хайдеггер в примечании к “Natorp Bericht”⁴.

Поворот к такому пониманию отчетливо проявился в лекционном курсе и публичной лекции «Понятие времени» 1924 г. (*Der Begriff der Zeit*), где М. Хайдеггер сформулировал трехступенчатую аргументацию для эсхатологического понимания времени. Во-первых, человеческое существование (Dasein) имеет временный смысл и отождествляется со временем. Во-вторых, изначальным феноменом времени (понятого экзистенциально и исторично, а не как характеристика мира) является будущее. Это имеет внутреннее отношение к способу, которым человек относится к своей собственной конечности:

⁴ *Хайдеггер М.* Феноменологические интерпретации Аристотеля. СПб., 2012. С. 74.

Основной характер временного существования заключается в том, чтобы становиться будущим. Поэтому различие между подлинным временным существованием (бегущим-к) и неподлинным временным существованием («падением») должно стать видимым в отношении к способу быть будущим⁵.

В-третьих, из двух способов существовать в будущем один индивидуализирует Dasein, делает его личным и уникальным, открывая возможность подлинного существования. Именно он становится центральным для «сотириологического» проекта Хайдеггера.

Понятие «уникальности», «моментальности» или «ежеминутности» (Jeweiligkeit) – важный термин, который характеризует концепцию фактичности у М. Хайдеггера и модифицирует линейное время Аристотеля. Он позволяет указать того, «кто» может спастись (точнее, как мы увидим дальше, спасти себя сам). Философ пишет:

Фактичность – это обозначение, которое мы будем использовать для характеристики «нашего» собственного существования Dasein. Точнее, это выражение означает: *в каждом случае «это» Dasein в его бытии-здесь, «пока», в особое время (...в темпоральной специфике... задерживаясь на некоторое время, не убегая, в бытии-здесь-дома-в, бытии-здесь-вовлеченным-в...), поскольку оно есть, по способу его существования «здесь» в виде бытия-в⁶.*

М. Хайдеггер связывает уникальность Dasein с мыслью, что человеческое существование всегда есть свое (точнее, «мое» – je meines, Jemeinigkeit, – в частности мысль о собственной смертности «по существу упорядочена структурой Jemeinigkeit» [Courtine 1990, p. 309]). Так что Jeweiligkeit выражает не только текучую моментальность, но и основу для собственной идентичности и, в конечном счете, как это сделано в «Бытии и времени», возможность как подлинного (eigentlich), так и неподлинного (uneigentlich) существования. Временность Jeweiligkeit раскрывается как личная и неповторимая, выбирающая в будущем возможности, которые становятся «моими» (je meines) – и возможность «спасения» для Dasein связана с признанием смерти как своей предельной и достоверной, хотя и неопределенной возможности⁷.

⁵ Heidegger M. Der Begriff der Zeit, Gesamtausgabe, Bd. 64. Frankfurt a.Main, 2004. S. 81.

⁶ Ibid. S. 7.

⁷ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 334.

Герменевтика фактичности и theologia crucis Мартина Лютера

Вероятно, М. Хайдеггер впервые соприкоснулся с текстами немецкого реформатора (комментариями на Послание к Римлянам) еще в 1908 или 1909 г., когда, по иронии судьбы, учился в католической семинарии⁸. В дальнейшем цитирование охватывает все написанное Лютером с 1516 по 1545 гг., при этом наиболее интенсивное взаимодействие, по-видимому, имело место в конце 1910-х и начале 1920-х гг. Философ приобрел в 1921 г. полное издание произведений М. Лютера на деньги, выделенные Э. Гуссерлем, который, в свою очередь, надеялся, что он может стать «связующим звеном между философией и протестантской теологией»⁹. В 1921–1923 гг. М. Хайдеггер вместе с Ю. Эббингаузом изучал лютеровские тексты. В этот же период философ готовил статью о средневековой антропологии и онтологии Лютера (но не издал ее). Также М. Хайдеггер прочитал две гостевые лекции на семинарах Р. Бультмана – в 1924 г. (о проблеме греха у Лютера) и в 1927 г. (по комментарию Лютера на Послание к Галатам). В письме своему другу Х. Фон Зодену (от 23 декабря 1923 г.) Бультман охарактеризовал Хайдеггера как «совершенного протестанта». Философ и современные ему протестантские богословы (Р. Бультман, К. Барт, Ф. Гогартен) воспринимали «эсхатологию как основную черту раннехристианской веры и тем самым как основную черту религиозности»¹⁰, и это соответствовало позиции Лютера, который также стремился восстановить подлинный христианский опыт для своего времени.

М. Хайдеггер и М. Лютер проводят различие между философией и теологией. В статье «Феноменология и теология» Хайдеггер относит теологию к онтическим наукам, изучающим наличное сущее (*positum*). Ее предмет – вера или христианская жизнь вместе с различными сущностями, которые в ней появляются (грех, Библия, воплощение и откровение и др.). Эти сущности доступны только верующим, однако экзистенциальная аналитика Хайдеггера ставит задачу истолкования любого конкретного образа жизни (поскольку присутствие является «онтически-онтологическим

⁸ Pöggeler O. Heideggers Luther-Lektüre im Freiburger Theologenkonvikt // Heidegger und die Anfänge seines Denkens / A. Denker, H.-H. Gander, H. Zaborowski. Vol. 1. Heidegger Jahrbuch. München: Karl Alber, 2004. S. 192.

⁹ Пеггелер О. Новые пути с Хайдеггером. СПб.: Владимир Даль, 2019. С. 613.

¹⁰ Там же. С. 617.

условием возможности всех онтологий»¹¹). Христианская жизнь является одним из таких особых способов существования, и это один из источников, на которые М. Хайдеггер опирается в герменевтике фактичности.

Для немецкого философа любой аспект христианской жизни находится в пределах человеческих возможностей (эта мысль оказалась привлекательной для Р. Бульмана). При этом экзистенциальные структуры должны предусматривать более широкое содержание, чем предметная область сущностей веры. Другими словами, если все главные теологические понятия включают понимание фактичной жизни (*Dasein*), то обратный переход от выявленных в герменевтике структур фактичности к теологическим концептам (таким, как вера, грех и т. п.) является неоднозначным и проблематичным. Однако это асимметричное отношение не является препятствием для использования идей М. Лютера в раскрытии способов присутствия *Dasein*.

Рассмотрим, какие концепции *theologia crucis* были усвоены и феноменологически прояснены М. Хайдеггером. Известная и определяющая черта богословия М. Лютера заключается в том, что греховность настолько глубоко пронизывает и искажает нашу природу, что мы даже не можем это осознать. В своей лекции 1924 г. для семинара Р. Бульмана М. Хайдеггер подчеркивает радикальность понимания греха М. Лютером. Философ указывает, что «фундаментальная тенденция Лютера обнаруживается в следующем: повреждение (*corruptio*) бытия человека никогда не может быть схвачено достаточно радикально, он утверждает это противоположно схоластике, в которой повреждение (*corruptio*) всегда минимизируется» [Supplements 2002, p. 106]. После грехопадения состояние изначальной праведности (*status iustitiae originalis*) утрачено окончательно. В той же лекции М. Хайдеггер подчеркивает, что мы не должны думать о грехе как о чем-то, что сказывается «о нас», мы должны думать о грехе как о своей сути: «Бытие человека как такового – это грех... Таким образом, грех не прикрепляется к моральным качествам человека, а скорее к его реальному ядру. У Лютера грех – это концепт существования» [Supplements 2002, p. 108]. Динамика греховности соответствует описанию падения как конститутивной характеристики фактичного существования (*Dasein*): один грех порождает другой, возникает неверие, страх, ненависть, отчаяние и бегство от Бога, что означает повреждение разума (от Него убежать нельзя). Человек в состоянии греховности не хочет знать правду о себе, – что он стремится наслаждаться (*frui*)

¹¹ *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 13.

собой, а не Богом, – и это означает отпадение и отчуждение от себя. Д. ван Бюрен полагает, что М. Хайдеггер вывел термин «падшесть» (Verfallenheit) непосредственно из текстов Лютера [Heidegger/Luther 1994, p. 170].

М. Хайдеггер разделяет с М. Лютером понимание человеческого существования как связанного с *Anfechtung* (tentatio), то есть с «искушением», «судом» и «скорбью». *Anfechtungen* представляют собой столкновения *Dasein* со смертью, тревогой и совестью, и они приводят *Dasein* к подлинности, а христианина – к вере. М. Хайдеггер понимает смерть (Tod) как конец возможностей *Dasein*, а не просто физическую гибель (Verenden) или конец существования (Ableben): «смерть есть возможность прямой невозможности присутствия»¹². Согласно М. Хайдеггеру, наша смерть является тем, что мы всегда проходим в одиночку, и поэтому решительное «бытие к смерти» есть способ, позволяющий индивидуализировать существование – найти перспективу, из которой можем рассматривать свою жизнь независимо от других. Философ также обнаруживает идею подобного отношения к смерти в текстах М. Лютера:

Призыв смерти приходит ко всем нам, никто не может умереть за другого. Мы можем кричать в чужие уши, но каждый должен готовиться к моменту смерти, потому что тогда ни я не буду с тобой, ни ты со мной¹³.

Согласно М. Лютеру, знание своей конечности и индивидуальности как раз и является подготовкой спасения. Более того, он считает (поскольку человек остается грешником, обличаемым заповедями закона) возможным и даже необходимым испытывать чувство смерти многократно: «Фактически, чем более зрелым и убежденным христианином является человек, тем больше зла, страданий и смерти выпадает на его долю»¹⁴. Для М. Хайдеггера осознание смерти является ключом к обретению подлинности. Открывая курс по Аристотелю 1921 г., философ намеревался процитировать Лютера: «Прямо из чрева матери мы начинаем умирать» [McGrath 2006, p. 171].

¹² *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 250.

¹³ *Luther M.* Acht Sermonen D. M. Luthers, von ihm gepredigt in der Fastenzeit 9.–16. März 1522 // *Ausgewählte Schriften. Band I.* 2. Aufl. / K. Bornkamm, G. Ebeling (hrsg.). Frankfurt a.Main: Insel, 1983. S. 271–307.

¹⁴ *Лютер М.* Избранные произведения. СПб.: Андреев и Согласие, 1994. С. 34.

Падение Dasein является всеохватывающим, как и грех. Поэтому необходимо понять, как можно с помощью философских аргументов обосновать подлинный способ человеческого присутствия. На пути к нему приходится преодолевать постоянное сопротивление: мы всегда вовлечены в какие-то собственные (je meines) проекты, рефлексия над ситуацией всегда запаздывает, поскольку она требует разрыва с обычной практической вовлеченностью. Поэтому Dasein должно быть призвано к выбору и пробуждено – самой собой. М. Хайдеггер находит у М. Лютера мысль о том, что наша совесть призывает нас к себе. Она напоминает нам, что мы всегда подчиняемся божественному суждению, что наш путь к спасению проходит через праведность перед Богом. В диалектике Лютера в момент «глубочайшего проклятия из полного отхода от Бога совершается обращение к Нему» [Шенборн 2003, с. 284]. Совесть для М. Лютера, как непосредственное осознание нашей греховности, есть присутствие Бога (coram deo), а также некое место, где мы можем видеть себя как личность. По словам Герхарда Эбелинга (который консультировался с М. Хайдеггером в 1961 г. для второго тома своих Lutherstudien),

[Лютер] не следует идеалистической интерпретации совести как независимого голоса в сердце человека, который дает ему независимость и, таким образом, основу для автономии. Он имеет в виду, что человек, в конечном счете, является слушателем, тем, кто схвачен, обвинен и подвергнут суду, и по этой причине его экзистенциальное существо зависит от того, какое слово достигает и затрагивает его внутреннее бытие [Ebeling 1970, p. 119].

Для М. Хайдеггера совесть является призывом из глубины самого человеческого присутствия (к себе самому) перед неизбежностью смерти, что оно «должно, т. е. *повинно* из потерянности в людях извлечь себя к самому себе»¹⁵.

Далее, мы можем увидеть не только усвоение основных понятий, но и смыслового ядра theologia crucis. Согласно М. Лютеру, существует два основных способа быть человеком: во грехе (согласно закону) и в вере (согласно Евангелию). При этом существование в вере не является ни статичным, ни совершенным. Христианин – это одновременно rescuator et justus (грешник и праведник):

...живущий в нас ветхий человек (ветхий Адам) со всеми своими грехами и злыми вожеланиями, путем ежедневного сокрушения и покаяния должен быть погружен под воду и умерщвлен и... вместо

¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 287.

него должен возрастать новый человек, который будет жить вечно в праведности и чистоте перед Богом¹⁶.

Эта концепция также философски модифицируется М. Хайдеггером. Подобно тому, как праведники в эсхатологической перспективе являются оправданными по вере, но в настоящем и прошлом остаются грешниками, также и Dasein, забегая в подлинном модусе к смерти как к своей самой предельной возможности, сосуществует в подлинном модусе «я буду» и (в бытии виновным) во временных модусах «я есть» и «я был»¹⁷.

По М. Лютеру, обменяв свою праведность на человеческий грех, Христос также связал внешнюю сущность христианина с его ближними: «как наш Небесный Отец, во Христе, бескорыстно пришел к нам на помощь, так же ... и каждый должен стать как бы Христом для другого, чтобы мы могли быть Христами друг для друга и Христос мог быть един во всех...»¹⁸. Подобным образом в своем подлинном модусе бытия Dasein не крадет или рассеивает чужие возможности, но помогает другому стать прозрачным для себя, помогает освободиться¹⁹, поскольку подлинное Dasein свободно. Праведники объединяются в церкви («городе Бога»), так и человеческое присутствие сохраняет безличную экзистенциальную структуру «они» (das Man) и связи с другими в «судьбе» (Geschick), сосуществующей со стремлением к подлинности, и получает возможность «*быть мгновенно-очным для “своего времени”*»²⁰.

Таким образом, ведущие темы герменевтики фактичности М. Хайдеггера («падшест», «совест» и «бытие-к-смерти» как возможность обретения подлинного существования) имеют свои онтические корни в богословской антропологии Лютера. Все они могут быть поняты как влияние главной интенции М. Лютера, заключающейся в замене «теологии славы» (theologia gloriae) на «теологию креста» (theologia crucis). Именно истолкование Распятия и Воскресения Христа (Нового Адама) является основанием доктрины оправдания верой. Эта эсхатологическая «драма в Самом

¹⁶ Лютер М. Объяснение крещения // «Краткий Катехизис» / Книга согласия. Вероисповедание и учение Лютеранской церкви. М.: Фонд «Лютеранское наследие», 1996. С. 320.

¹⁷ М. Хайдеггер. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. С. 337.

¹⁸ Лютер М. Избранные произведения. СПб.: Андреев и Согласие, 1994. С. 46.

¹⁹ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. С. 122.

²⁰ Там же. С. 384–385.

Боге» («милостивый Бог против гневного Бога нам во благо»), когда «личность и труды Христовы вызвали в Самом Боге поворот от гнева к милости»²¹, – и является онтическим источником герменевтики фактичности.

«...там, где опасность, там вырастает спасение тоже» (Ф. Гёльдерлин)

Концепция конечности и уникальности человеческого существования М. Хайдеггера возникает под влиянием толкования М. Лютером времени как открытого Пришествия Христа, т. е. как времени ожидания. На фоне ее богословских коннотаций она сохраняет пространство для философского варианта личного спасения. Пары подлинность/неподлинность (*Eigentlichkeit/Uneigentlichkeit*) или спасаемые/проклинаемые (*σωζόμενοι/ἀπολλύμενοι*) основаны на терминах «уникальность»/«мойность» (*Jeweiligkeit/Jemeinigkeit*). Деконструируя онтотеологическую традицию, М. Хайдеггер привносит лютеранское понятие спасения в философию. Эту ситуацию можно сравнить с тем, как сам М. Лютер заменил «теологию славы» на «теологию креста» [Adluri 2013, p. 135].

В некоторых текстах немецкого философа сотериологическая тема выражена явно. Например, в лекциях по «Софисту» 1922 г. М. Хайдеггер, представляя аристотелевскую концепцию φρόνησις, пишет, что «человек может быть обеспокоен вещами второстепенного значения. Он может, таким образом, настолько завернуться в себя, что он уже подлинно не видит себя. Поэтому он всегда нуждается в спасении φρόνησις»²². В более поздних работах мы находим две прямые ссылки: одну в эссе о технике «там вырастает спасение тоже» (“dort wächst das Rettende auch”) и в интервью журналу *Der Spiegel* – «только некий Бог может нас спасти» (“Nur noch ein Gott kann uns retten”). Осторожность и очевидная сдержанность М. Хайдеггера в экспликации собственного понимания спасения, возможно, является прямым следствием его нежелания представить версию позитивной теологии, – например, чтобы не повторить ошибку греков, чье высокомерие (по мнению М. Лютера) заключалось в том, что они думали, будто могут постичь Бога через рациональное знание.

²¹ *Pesch O.H.* Theologie der Rechtfertigung bei Martin Luther und Thomas von Aquin: Versuch eines systematisch-theologischen Dialogs. Ostfildern, 1985. S. 132–133.

²² *Heidegger M.* Platon: Sophistes, Gesamtausgabe, Bd. 19. Frankfurt a. Main, 1992. S. 51–52.

Таким образом, в проекте герменевтики фактичности М. Хайдеггер отказывается от сотериологии метафизического спасения, восходящей к Платону и Пармениду. Он заменяет ее секулярной версией эсхатологического ожидания конца дней, характерного для раннего христианства. Несмотря на то что М. Хайдеггер настаивает на нерелигиозном (философском) прояснении этого опыта, профессиональные истоки герменевтики фактичности можно указать вполне определенно. Тексты 1920-х гг. показывают, что *theologia crucis* Лютера направляла и сопровождала М. Хайдеггера не только в его стремлении исследовать понимание существования, сформированное христианской верой, но также и в развитии центральных моментов экзистенциального анализа, программы деструкции и собственной «реформации» философской традиции [Grossman 2001, p. 207].

Литература

- Херрман 2000 – *Херрман Ф. фон*. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля. Минск: ПроPILEI, 2000. 191 с.
- Шенборн 2003 – *Шенборн К., Конрад М., Вебер Х.Ф.* Бог послал Сына Своего: Христология. М.: Христианская Россия, 2003. 416 с.
- Adluri 2013 – *Adluri V.* Heidegger, Luther, and Aristotle: A Theological Deconstruction of Metaphysics // *Epoché: A Journal for the History of Philosophy*. 2013. Vol. 18 (1). P. 129–160.
- Buren 1994 – *Buren J. van.* The Young Heidegger: Rumor of the Hidden King. Bloomington: Indiana University Press, 1994. 741 p.
- Heidegger/Luther 1994 – *Buren J. van.* Martin Heidegger, Martin Luther // *Reading Heidegger from the Start* / T. Kisiel, J. van Buren (ed.). Albany: SUNY Press, 1994. P. 159–174.
- Courtine 1990 – *Courtine J.-F.* Voix de la conscience et vocation de l'être, dans Heidegger et la phénoménologie. Paris: Vrin, 1990. P. 305–325.
- Ebeling 1970 – *Ebeling G.* Luther: An Introduction to His Thought, trans. R.A. Wilson. London: Collins, 1970. 287 p.
- Grossman 2001 – *Grossman A.* Heidegger und Luther // *Quaestio*. 2001. Vol. 1 (1). P. 193–212.
- Kisiel 2003 – *Kisiel Th.* The Genesis of Being and Time. Berkeley: University of California Press, 1993. 700 p.
- McGrath 2006 – *McGrath S.J.* The Early Heidegger and Medieval Philosophy: Phenomenology for the Godforsaken. Washington: The Catholic University of America Press, 2006. 268 p.
- Sommer 2005 – *Sommer Ch.* Heidegger, Aristote, Luther – Les sources aristotéliennes et néo-testamentaires d'Être et temps. Paris: Presses Universitaires de France, 2005. 336 p. (coll. "Épiméthée").

Supplements 2002 – Supplements: From the Earliest Essays to Being and Time and Beyond / J. van Buren (ed.). Albany: SUNY Press, 2002. 205 p.

References

- Adluri, V. (2013), “Heidegger, Luther, and Aristotle: A Theological Deconstruction of Metaphysics”, *Epoché: A Journal for the History of Philosophy*, vol. 18 (1), pp. 129-160.
- Buren, J. van. (1994), *The Young Heidegger: Rumor of the Hidden King*, Indiana University Press, Bloomington, USA, 741 p.
- Buren, J. van (ed.) (2002), *Supplements: From the Earliest Essays to Being and Time and Beyond*, SUNY Press, Albany, USA, 205 p.
- Herrman, F. von. (2000), *Ponyatie fenomenologii u Khaideggera i Gusserlya* [The concept of phenomenology in Heidegger and Husserl], Propylaea, Minsk, Belarus, 191 p.
- Kisiel, T. and Buren, J. van (eds.) (1994), “Martin Heidegger, Martin Luther”, *Reading Heidegger from the Start*, SUNY Press, Albany, USA, pp. 327-344.
- Courtine, J.-F. (1990), *Voix de la conscience et vocation de l'être, dans Heidegger et la phénoménologie*, Vrin, Paris, France, pp. 305-325.
- Ebeling, G. (1970), *Luther: An Introduction to His Thought*, Wilson, R.A. (transl.), Collins, London, UK, 287 p.
- Grossman, A. (2001), “Heidegger und Luther”, *Quaestio*, vol. 1 (1), pp. 193-212.
- Kisiel, Th. (1993), *The Genesis of Being and Time*, University of California Press, Berkeley, USA, 700 p.
- McGrath, S.J. (2006), *The Early Heidegger and Medieval Philosophy: Phenomenology for the Godforsaken*, The Catholic University of America Press, Washington, USA, 268 p.
- Sommer, Ch. (2005), *Heidegger, Aristotel, Luther – Les sources aristotéliennes et néo-testamentaires d'Être et temps*, Presses Universitaires de France, Paris, France, 336 p., (coll. “Épiméthée”).
- Schönborn, K., Conrad, M. and Weber, H.F. (2003), *Bog poslal Syna Svoego: Khristologiya* [God sent His Son: Christology], Khristianskaya Rossiya, Moscow, Russia, 416 p.

Информация об авторе

Владимир П. Вишняков, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vishnyakov.v.p@gmail.com

Information about the author

Vladimir P. Vishnyakov, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; vishnyakov.v.p@gmail.com

Между эго и миром:
Владимир Соловьев – Декарт – Гуссерль¹

Руслан А. Лошаков

*Панский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша,
veroneze1120@hotmail.se*

Аннотация. Автор рассматривает работу Владимира Соловьева «Теоретическая философия» как набросок не-трансцендентальной феноменологии. Особенное внимание в этой статье уделяется тем различиям, которые имеются между Соловьевым и Гуссерлем в их подходах к *cogito* Декарта. Для Гуссерля картезианское *cogito* обладает всего лишь психологической очевидностью и является промежуточным этапом на пути к трансцендентальному Я, тогда как для Соловьева *cogito* знаменует ложность того пути, по которому пошла европейская философия начиная с Декарта. Важная часть работы посвящена тому, что можно назвать «деструкцией» картезианского *cogito*. В глазах Соловьева *cogito* является «самозванцем без философского паспорта», поскольку оно представляет собой не что иное, как субстантивацию мышления. Поэтому *cogito* скрывает в себе незаконный переход от действия к состоянию. Кроме того, оно имеет два различных метафизических значения: субъекта и субстанции. Как субъект, *cogito* есть основание «нового мира», но как субстанция оно является метафизическим автором этого мира.

Ключевые слова: трансцендентальная субъективность, интенциональность, сознание, опыт

Для цитирования: Лошаков Р.А. Между эго и миром: Владимир Соловьев – Декарт – Гуссерль // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 42–60. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-42-60

© Лошаков Р.А., 2020

¹ Данная статья является вводящей частью более объемного исследования. По этой причине здесь не дана подробная библиография той литературы, в которой так или иначе поставлены вопросы о феноменологических презумпциях в творчестве Владимира Соловьева. Среди заслуживающих внимания работ на эту тему можно назвать статью Наталии Артеменко «Вл. Соловьев – деконструкция субъекта-собственника» [Артеменко 2009] и работу В.И. Молчанова «Я-форма в философии призрачного сознания Владимира Соловьева» [Молчанов 2009].

Between ego and world.
Vladimir Solov'ev – Descartes – Husserl

Ruslan A. Loshakov

*Pontifical University of John Paul II, Krakow, Poland,
veroneze1120@hotmail.se*

Abstract. The author considers Vladimir Solov'ev's Theoretical Philosophy as an outline of non-transcendental phenomenology. In this paper the special attention is being paid to the differences that are there between Solov'ev's and Husserl's attitudes towards Descartes' *cogito*. For Husserl Cartesian *cogito* is none other than intermediate step toward the transcendental Ego, having only psychological evidence, while for Solov'ev the *cogito* signifies the falsity of the way followed by European philosophy, starting with Descartes.

A significant part of the paper deals with what can be named the “destruction” of Cartesian *cogito*. In Solov'ev's eyes the *cogito* is an “impostor without philosophical passport”; as it is none other than substantiation of thinking. Therefore the *cogito* conceals in itself the illegal passage from the act to state. Besides that it (*cogito*) has two different metaphysical meanings: subject and substance. As a subject the *cogito* is a basis of “new world”; but as a substance it is the metaphysical author of this world.

Keywords: transcendental subjectivity, intentionality, consciousness, experience

For citation: Loshakov, R.A. (2020), “Between ego and world. Vladimir Solov'ev – Descartes – Husserl”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 42–60, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-42-60

Нет такого мышления, которое
охватывало бы всю нашу мысль
Морис Мерло-Понти

Анализ феноменологических интуиций, которыми насыщена последняя крупная философская работа Владимира Соловьева «Теоретическая философия», интересен и важен в силу глубокого своеобразия Соловьева и его полной творческой независимости от аналогичных разработок, представленных Эдмундом Гуссерлем. Эта независимость отнюдь не объясняется и не исчерпывается одним лишь эмпирическим фактом смерти Соловьева в год выхода в свет первого тома «Логических исследований». Напротив, определенное сходство позиций Соловьева и Гуссерля делает более явным раз-

личие их путей и, соответственно, различие тех результатов, к которым они оба приходят. Опережая наш собственный анализ, скажем, что работа Соловьева приводит, на наш взгляд, к открытию *другого начала феноменологии*, которое в целом остается вне поля феноменологической рефлексии Гуссерля.

Прежде всего если мы, вместе с Соловьевым, говорим о философии как *теоретической* дисциплине, то необходимо при этом учитывать *греческое* понимания θεωρεῖν как способность такого видения, когда сущее выступает для нас уже не в какой-либо частной модальности или физической разновидности, а именно *как сущее*; как ὅν η ὄν. Такое видение возможно лишь в следовании *логосу*, который является поступательным собиранием, осуществляющим переход от фрагментарности нашего опыта и множественности наших «мнений» к тому средоточию сущего, которое является его *началом* (ἀρχή). Это ἀρχή, как *действенное начало*, есть φύσις, т. е. то, откуда произошли все вещи видимого нами мира и откуда они могут быть рассматриваемы согласно порядку их *причин* (αἰτίαι), в силу которых всякая вещь стала именно тем, что она есть. Поскольку же ἀρχή содержит в себе сущее во всем многообразии его действенных проявлений, то θεωρεῖν является самой мудростью, которая, по словам Гераклита, есть способность *знать все как одно*. Таким образом, логос есть *путь к началу*, каковым является также и начало самой мысли как способности видеть любое явление в порядке его происхождения и, тем самым, в масштабе целого, которому оно принадлежит. Мысль обретает свое начало именно *в начале* сущего, открывающего возможность «теории» как целостного, не заслоненного частностями видения того средоточия, где, согласно Пармениду, мысль и то, о чем мысль, суть *одно*. Теоретическая философия – это «первая философия», исследующая, по словам Аристотеля, не какую-либо особую разновидность сущего, а «начала и причины» сущего². В этом смысле теоретическая философия, будучи не чем иным, как *онтологией*, является вопросом о начале, в силу которого все сущее *стало быть*.

Главную задачу теоретической философии Соловьев определяет так: «Теоретическая философия должна иметь свою исходную точку в себе самой, процесс мышления в ней должен начинаться с самого начала» [Соловьев 1988, с. 764]. О каком же начале здесь идет речь? Сразу же следует заметить, что «предмет» теоретической философии определяется Соловьевым изнутри иного, уже не греческого горизонта, очерченного картезианским «Я мыслю»

² *Аристотель*. Метафизика / Пер. с др.-греч. А.В. Кубицкого // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 67.

(*Ego cogito*), которое выступает условием представимости всего существующего. Отношение мышления и сущего претерпевает здесь самую радикальную, в сравнении с греческой онтологией, трансформацию: вовсе не существование чего-либо является необходимым условием его мыслимости, как это признавалось античной «теоретической философией», а напротив, существующим отныне считается только то, что может быть мыслимо «ясно и отчетливо». Теоретическая философия возможна здесь исключительно в трансцендентальном смысле, а именно как обоснование самой возможности теоретической философии через критическое исследование возможностей мышления как такового. В свою очередь, вопрос о возможности теоретической философии самым тесным образом связан здесь с вопросом: возможно ли (и если возможно, то каким образом) мышление, являющееся своим собственным началом, т. е. мышление, определяемое исключительно самим собой?

Разумеется, мышление, взятое в его эмпирическом проявлении, полностью рецептивно и определяется сугубо внешними обстоятельствами, которыми оно всецело исчерпывается. Мысль о каком-либо предмете определяется здесь только этим предметом и ничем иным. К примеру, мое высказывание «сегодня холодное утро» не полагает никакого парменидовского «тождества» между мышлением и мыслимым, между предметом суждения и самим суждением, поскольку оно описывает всего лишь фрагмент реальности, к тому же имеющий крайне ограниченный временной интервал. Это эмпирическое суждение, а отнюдь не высказывание, обладающее онтологическим статусом, т. е. способностью целостного охвата любого отдельно взятого явления. Поэтому никакая мысль не начинается с самой себя, если она, в известном смысле, не *делает* себя этим началом. Другими словами, начало мышления возможно только лишь как его собственный *результат*.

Это полагание мышления как начала, являющегося результатом самого мышления, осуществляется Декартом в виде процедуры универсального сомнения, в ходе которой мышление освобождается от какой-либо привязки к эмпирическим обстоятельствам. В этом смысле декартовское универсальное сомнение выступает не чем иным, как способом фиксации мышления на самом себе, когда у мышления остается один-единственный предмет – само мышление. Исключив из своего горизонта весь эмпирический мир, мышление отныне дано исключительно самому себе.

Эту самоданность мышления Декарт полагает как *мыслящее «Я»*, ибо мыслящее самое себя мышление и есть не что иное, как «Я», которое мыслит. Поэтому в результате методического сомнения остается только мыслящее «Я» как некий квази-предмет,

в котором, как в парменидовском «едином», идеально совпадают мысль и мыслимое. Картезианское универсальное сомнение является в этом плане имитацией античного логоса, поскольку *Ego cogito*, остающееся за вычетом всего, что не выдержало испытания на безусловную достоверность, выступает отныне *безусловным началом* достоверного мышления, не связанного нескончаемой чередой сомнительных и преходящих эмпирических обстоятельств. Акт мышления, становясь своим собственным предметом, превращается в первичный *факт*, вокруг которого выстраивается онтология «нового мира», населенного объектами, достоверность которых гарантирована самой возможностью их постижения в актах *чистого разума*. Вопреки греческой онтологии, укоренявшей мышление в начале сущего, сама мысль становится здесь таким началом, ибо сущим признается теперь только то, что может быть мыслимо в той данности мышления самому себе, в той его абсолютной транспарентности для самого себя, которая именуется *сознанием*. Все то, что не может быть дано в сознании и, тем самым, быть взвешено и проработано в рефлексивном опыте *cogito*, не принадлежит бытию; не будучи чистым небытием, оно, скорее, должно быть охарактеризовано как *недобытие*, как $\mu\eta\ \acute{\omicron}\nu$. Начало мысли есть отныне сама мысль (*Ego cogito*) как начало, которое и образует *fundamentum inconcussum* новоевропейской метафизики.

В данном контексте понимание Соловьевым теоретической философии выглядит, на первый взгляд, полностью соответствующим духу картезианской метафизики. Теоретическая философия должна начинаться с самого мышления, в котором, и только в котором, можно отыскать абсолютно аподиктическое начало всякого достоверного познания. Вместе с тем у Соловьева имеется явная критическая интенция, которая все более и более обнаруживается по мере раскрытия им «предмета» теоретической философии и которую в самом общем виде можно сформулировать в качестве следующего вопроса: *способно ли мышление прийти к самому себе как к собственному началу?*

Разумеется, Соловьев ни в коем случае не отрицает той трансцендентальной очевидности, которая присуща сознанию как *имманентной данности мысли самой себе*. Всякий акт мышления обладает собственной перформативной очевидностью, поскольку само высказывание «я мыслю» является актом мышления. Всякий акт сознания в некотором роде верифицирует себя. Так, я не могу сомневаться, вижу ли я звезду на ночном небе *в тот момент*, когда я ее действительно вижу. Следует сразу же заметить при этом, что трансцендентальная очевидность присуща здесь не *предмету сознания*, поскольку то, что мне кажется звездой, может впо-

следствии обнаружить себя как оптическая иллюзия, а *сознанию предмета*, истинность которого не зависит от существования или несуществования звезды на ночном небе, и вообще не зависит ни от какой фактической онтологии.

Вообще, во сне ли, наяву ли, – говорит Соловьев – испытывая известные внутренние состояния и действия: ощущения, представления, душевные волнения, желания, решения, и т. д., мы вместе с тем *знаем*, что испытываем их, и это знание факта, непосредственно и нераздельно связанное с самим фактом, с ним и при нем неотлучно находящееся и потому справедливо называемое *со-знанием, con-scientia, Bewusstseyn* (т. е. *Bei-wusstseyn*), должно быть признано безусловно достоверным, ибо здесь знание непосредственно совпадает со своим предметом, мысль есть простое повторение факта, суждение есть выражение чистого тождества: $A=A$ [Соловьев 1988, с. 771].

Однако в декартовской процедуре универсального сомнения, радикализм которого не сдерживают ни математика с логикой, ни истины христианского Откровения, которые точно так же могут оказаться внушениями злого, всемогущего обманщика, Соловьев явственно различает едва заметный пробел, скрывающий в себе то, что на языке логики можно было бы назвать *переходом в другой род*. Напомним, что Декарт в поисках абсолютной очевидности приходит к мыслящему «Я» как полному тождеству мысли и ее предмета. Мышление находит себя в «Я», которое и становится *субъектом* самого мышления, но мышления уже иного рода, освободившегося от власти прихотливого «мнения» и беспомощного барахтания в безбрежной эрудиции, мышления методически выверенного, каждый шаг которого совершается в полном самоотчете, который способно дать себе мыслящее «Я». Это мыслящее «Я» становится, таким образом, местом «символического обмена», куда мышление приходит, разуверившись в себе самом, но откуда оно *исходит*, овладев собой, в полном *сознании* самого себя, будучи абсолютно убеждено как в своей способности познавать мир, так и в своем праве обладать им. Резюмируя позицию Декарта, скажем, что если мышление способно быть собственным началом, то таким началом может быть только мыслящее «Я», которому Декарт сразу же присваивает метафизический индекс *мыслящей вещи, res cogitans*. В «Я» мышление обретает абсолютную субъектность, которая и позволяет Декарту осуществить онтологическую редукцию мира к *объекту*, всецело подлежащего ведению чистого разума. Однако именно в этом переходе от мышления как акта к «Я», как к *субъекту* этого акта и содержится главная мистификация картезианской

метафизики. Мыслящее «Я» заключает в себе *тайну* превращения *мышления в вещь*, которая мыслит. Способно ли мышление быть своим собственным субъектом? – вот вопрос, который Соловьев адресует Декарту, а в лице Декарта всей новоевропейской метафизике. «Есть ли такое существование нашего я самоочевидный факт сознания, могущий быть выраженным в логической обязательной форме?» [Соловьев 1988, с. 776].

Под сомнение ставится вовсе не «Я» как единство протекания психической жизни, а исключительно полномочия «Я» как метафизического субъекта. Здесь, вместе с Соловьевым, мы оказываемся перед следующей проблемой: *из самого акта мышления вовсе не вытекает существование мыслящего «Я»*. Другими словами, «Я» никоим образом нельзя обнаружить в качестве *непосредственного объекта сознания*. Сознание предметно, но отнюдь не в том смысле, что оно является предметом, мыслящей *вещью*, а только как направленность на предмет, будучи не чем иным, как самой этой направленностью, или, выражаясь языком феноменологии, *интенциональностью*. Однако то, *откуда* сознание направлено на тот или иной предмет, вовсе не есть «мыслящее Я», которое предполагалось бы самим актом сознания как его субъект, как исходное основание. Переживание в акте сознания предмета, который я в настоящее время вижу перед собой, есть переживание этого предмета, а не мыслящего «Я», которое попросту отсутствует здесь как особый предмет, отличный от того предмета, на который в настоящее время направлено мое внимание³. Будучи направленностью на предмет, сознание исходит в этой направленности отнюдь не от «Я», полагаемого как субъект сознания, а из той необъективируемой глубины, которую, скорее, следует назвать *жизнью*, нежели сознанием. Эта отсылка к жизни как к *Ungrund* всякого акта сознания заявлена Соловьевым уже в самом начале его «Теоретической философии», когда он говорит о том, что «жизнь и знание нераздельны в своих высших формах» [Соловьев 1988 с. 776]. «Я» появляется только как предмет специфической *рефлексии над актами сознания*, но не может быть ни основанием, ни предметом какого-либо акта сознания. «Мы имеем здесь дело, – говорит Соловьев, – не с прямым

³Заметим, что такова была позиция и самого Гуссерля в до-трансцендентальный период его творчества: «Но если мы, так сказать, живем в соответствующем акте, если мы растворяемся, например, в восприятии как рассматривании являющегося процесса или в игре фантазии, в чтении сказки, в осуществлении математического доказательства и т. п., то нигде нельзя заметить Я в качестве точки соотнесения осуществленных актов» [Гуссерль 2001, с. 352].

фактом сознания, а с произведением рефлексии, с отвлеченным понятием» [Соловьев 1988, с. 776]. В этом смысле «Я» не является непосредственной данностью сознания самому себе. Сознание дано самому себе исключительно в предметах интенционального поля, а вовсе не в «Я», как считал Декарт.

Таким образом, скажем, что «Я» есть не субъект сознания (мышления), а скорее его *трансцендентальный объект*, т. е. объект второго порядка, возникающий исключительно как продукт спонтанной рефлексии сознания. «Я» есть всего лишь *момент* той процессуальности сознания, которая была остановлена Декартом и обращена им в метафизический *субстантив*, именуемый «вещью, которая мыслит». Главная мистификация картезианского *cogito* заключается именно в субстантивации сознания, полагаемого как «Я». Превратив «Я» в несущую опору «ясного и отчетливого» мышления, Декарт не только скрыл тайну происхождения самого «Я», но и свел акты сознания исключительно к состоянию *прилагательных* этого метафизического субъекта, открыв тем самым возможность того грандиозного метафизического нарратива *о сознании*, каким стал как английский эмпиризм восемнадцатого века, так и психологизм века девятнадцатого. Подлинная *жизнь* сознания отныне скорее *угадывается* в прилагательных «Я» как субъекта, нежели постигается в самом этом субъекте. «Когда Декарт для выражения сущности субъекта называет его *res cogitans, substantia intellectuali, seu spiritualis*, то нам известно (из внутреннего опыта, или чистого сознания) только содержание причастий и прилагательных, а существительные остаются во мраке» [Соловьев 1988, с. 781].

Итак, картезианское *cogito* таит в себе незаконный переход от *действия* к *состоянию*, от глагола (в смысле *логоса*) к существительному, от «Я мыслю» (*Ego cogito*), где «Я» является скорее оператором той процессуальности, которая именуется мышлением, к «Я существую» (*Ego sum*), где *Ego* оказывается уже неподвижным метафизическим центром «нового мира». Именно поэтому *cogito*, едва успев родиться, сразу же оказывается под тяжким грузом метафизических коннотаций, выступая закованным в броню схоластической терминологии. Это обращение Декарта к языку схоластики, освобождение от которого и было целью проделанного им самим универсального сомнения, уже само по себе является симптоматикой того, что «Я» произведено незаконным образом, что, по словам Соловьева, оно представляет собой не более чем «факт мнимого самосознания» [Соловьев 1988, с. 787].

В самом деле, метафизическое уравнение *cogito ergo sum* является *метафизическим неравенством*. Это *мнимое тождество*, поскольку оно всецело основывается на априорном утверждении

«Я» как субъекта мышления. Однако не существует никакого тождества между *Ego cogito*, с одной стороны, и *Ego sum* – с другой, поскольку в *Ego cogito* вовсе не мышление является результатом деятельности *Ego*, а само *Ego* оказывается производным от мышления. Поэтому и нет никакого перехода от акта мышления к субъекту этого акта. Другими словами, внутренней очевидностью обладает только акт мышления (*Ego cogito*), но не существование мыслящего «Я» (*Ego sum*). Осуществив незаконный переход от акта мышления к субъекту этого акта, Декарт оказался перед вопросом о *способе существования* этого мыслящего «Я». Именно здесь и потребовались ресурсы схоластической терминологии, прибегнув к которым Декарт определяет «Я» как *нематериальную субстанцию*⁴. Однако каков *смысл* существования «Я» как субстанции? Придирируется ли этому «Я» свойство «быть субстанцией» однозначно или всего лишь по аналогии? Задействовав схоластический термин «субстанция», являющийся средоточием схоластических контrovers, Декарт сделал свое мыслящее «Я» заложником коллизий средневековой мысли и неявным участником споров между «скотистами» как сторонниками доктрины «однозначно сущего» (*ens univocum*) и «томистами», отстаивавшими «аналогию сущего» (*analogia entis*). Короче говоря, декартовская «вещь, которая мыслит», всецело принадлежит тому схоластическому диспозитиву, который Декарт считал полностью преодоленным и оставшимся за границами того «нового мира», началом которого и является *cogito*. «Находятся ли достаточно ясные понятия о терминах вопроса у самого Декарта? – вопрошает Соловьев.

«Я вижу очень ясно, – говорит он, – что для того, чтобы мыслить, нужно быть» (Je vois très clairement que, pour penser, il faut être. Discours de la méthode, 4-mepartie). Однако для объективной ясности и раздельности этого положения следовало бы точнейшим образом уяснить значение слова *быть* (être), которое несомненно может употребляться в различных смыслах. На свое «весьма ясное» усмотрение того, что мышление предполагает бытие, Декарт ссылается на пояснение своего основного принципа: «я мыслю, значит, я существую», которого интуитивный характер не обеспечивает его, как видно, от неясности [Соловьев 1988, с. 777].

Таким образом, необходимым условием решения вопроса о начале мышления является для Соловьева тот «демонтаж» картези-

⁴ Декарт Р. К А. Кольвию // Декарт Р. Соч.: В 2 т. / Ред. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 608.

анского *cogito ergo sum*, который впоследствии Хайдеггер определит как часть *деструкции истории метафизики*. Как мы уже видели, смысл картезианского *cogito* заключается в следующем: началом мысли является сама мысль как начало, которая, в свою очередь, способна быть своим собственным началом только в форме субъекта, т. е. данности самой себе в виде «Я». Этот субъект выражен у Декарта метафизическим равенством: *Ego cogito = Ego sum*. Однако в этом мнимом равенстве Соловьев проницательно усматривает замаскированный под интуитивную очевидность скачок к тому, что не обладает никакой интуитивной очевидностью. «От несомненного и самодостовверного факта мышления, – пишет Соловьев, – автор «Речи о методе» перескочил к субъекту метафизическому, унаследованному от схоластики, но оказавшемуся у него еще более бессодержательным, чем там» [Соловьев 1988, с. 782]. Декартовское *cogito ergo sum* оказывается, поэтому, главным препятствием к пониманию *жизни сознания*, заново открыть доступ к которой можно лишь *десубстантивировав* мышление, т. е. освободив его от диктатуры «вещи, которая мыслит». Перспективой такой десубстантивации мысли является понимание того, что начало мысли укоренено в чем-то *ином*, нежели сама мысль. Именно здесь, на этом шаге нашего анализа феноменологических интуиций Владимира Соловьева, полезно сопоставить данную им критику картезианского *cogito* с той критикой Декарта, которую мы находим у Гуссерля, в частности в его «Кризисе европейских наук».

На первый взгляд, критика Гуссерлем декартовского *cogito* имеет то общее с позицией Соловьева, что, подобно ему, Гуссерль находит у Декарта *нарушение последовательности*. Однако если Соловьев видит нарушение последовательности в том, что Декарт, вопреки феноменологической очевидности, заключил мышление в капсулу «Я», откуда его теперь вновь требуется извлечь, то Гуссерль имеет в виду нечто совершенно другое. Напротив, главный изъян *cogito* он усматривает в том, что Декарт остановился на полдороге, так и не добравшись до подлинного *Ego*, которому он слишком поспешно придал знакомый облик «души», описав его на языке психологии своего времени. «Здесь достаточно уяснить, – пишет Гуссерль, – что в выкладках, образующих фундамент “Размышлений”, – где вводится эпохэ и обретаемое благодаря ему ego, – нарушена последовательность; нарушена в силу того, что это ego отождествляется с чистой душой»⁵. Именно поэтому декартовское

⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Складнева; отв. редактор Я.А. Слинин. СПб., 2004. С. 114.

cogito обладает, согласно Гуссерлю, всего лишь эмпирической, а не трансцендентальной очевидностью. «Все, чего удалось достичь, великое открытие этого *ego*, – сетует Гуссерль, – обесмысливается этой подменой: чистая душа не имеет в эпоху вовсе никакого смысла, разве что как “душа” в “скобках”, т. е. подобно телу, всего лишь как “феномен”»⁶. Согласно Гуссерлю, трансцендентальное *Ego* не может быть «душой», поскольку душа, равно как и тело, «конституированы», т. е. наделены смыслом, в инстанции более высокого уровня, чем какая-либо психологическая очевидность. Путь к этой высшей очевидности и был открыт Декартом, не сумевшим, как полагает Гуссерль, одолеть всего пути. Инстанцией этой высшей очевидности является для Гуссерля трансцендентальное *Ego*, в недрах которого конституируются не только значения всякой предметности, в том числе и предметности психологического рода, но и различия на *Я* и *Ты*, «внутреннее» и «внешнее», и т. п. Преодоление недостатков картезианского *cogito* возможно, по Гуссерлю, только на пути разработки *трансцендентальной эгологии*. Требуется не освобождение мышления от «Я» как ложного субъекта мысли, а напротив, сублимация картезианского *ego*, очищение его от всяких психологических коннотаций и возведение его к трансцендентальному *Ego*, в котором, в конечном счете, коренится всякая аподиктическая достоверность.

Таким образом, Гуссерль усматривает в декартовском *cogito* всего лишь недоразвитие темы трансцендентального «Я», тогда как для Соловьева само «Я» является не чем иным, как *ложной формой* сознания. Это полагание «Я» как субъекта мышления включает в себе фундаментальный парадокс, который Соловьев не только ясно себе представляет, но и формулирует его с достаточной определенностью. Дело в том, что «Я», будучи у Декарта основанием достоверного мышления, т. е. мышления, способного различать между истиной и ложью, между действительностью и химерой, не может быть *действенным началом* мышления, поскольку в этом случае как раз и было бы уничтожено всякое различие между действительностью и химерой. Как уже было сказано, «Я» не присутствует в акте сознания и появляется только в результате обратного, рефлексивного движения сознания *от* предмета, т. е. как результат рефлексивного самоудвоения сознания.

Вот я смотрю на портрет, который висит на стене. В этом акте сознания имеется только *предмет сознания* – висящий на стене

⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Складнева; отв. редактор Я.А. Слинин. СПб., 2004. С. 114.

портрет, но нет при этом «Я» как инстанции *сознания предмета*. Разумеется, в моей власти совершить движение рефлексии, рассматривая уже не картину, а то воздействие, которое она произвела на ту совокупность моих представлений и знаний, моих эстетических вкусов и пристрастий, которые более или менее точно охватываются понятием моего «я». Однако это будет уже *другой акт* сознания, содержащий в себе, если воспользоваться языком Гуссерля, другую ноэму. Ни один акт полагания предмета не содержит в себе сверх того еще и полагания моего «я» как инстанции сознания этого предмета. Такая инстанция сознания предмета, *существующая с предметом сознания*, могла бы появиться только в том случае, если бы предмет сознания был *произведением* моего «Я». «Другое дело, – пишет Соловьев, – если бы существовало сознание творческой деятельности нашего я в самом возникновении его представлений, чувств, желаний и т. д., если бы между ними было такое различие, что я выступало бы в сознании как творческая энергия, или подлинный акт, а все прочее характеризовалось бы только как его пассивное произведение, – если бы, например, теперь, смотря на эту стену с висящим на ней портретом, я непосредственно сознавал, что *она произведена* мною, моим собственным, внутренним действием, а также и сознавал бы и *как это сделано*» [Соловьев 1988, с. 784]. Но это как раз и значило бы то, что мое «Я» является *творцом моего собственного мира*, выступая, тем самым, уже не столько в человеческой, сколько в божественной ипостаси. Вместе с тем, в отличие от Бога, мое Я» способно произвести из самого себя не действительный, а исключительно *галлюцинаторный мир*, в котором, стало быть, само различие реальности и видимости потеряло бы всякий смысл. Поэтому реальность мира диктуется не философскими соображениями, а обычной «доксической» уверенностью в его реальности, которая, в свою очередь, питается тем обстоятельством, что наше «Я», по словам Соловьева, не имеет никакой «другой реальности, кроме феноменологической» [Соловьев 1988, с. 785], в силу чего мы в нашем непосредственном обиходе имеем дело исключительно с вещами мира, а не с нашим «Я». «Всякий, – говорит Соловьев, – сознает себя желающим и чувствующим, но, насколько известно, никто, никогда, ни наяву, ни даже во сне, не сознавал себя творцом своих желаний и чувств, т. е. их настоящей причиной, или достаточным основанием» [Соловьев 1988, с. 784].

Вернемся к сопоставлению позиций Соловьева и Гуссерля в отношении картезианского *cogito*. В глазах Гуссерля, в развитии *cogito* Декарт остановился на полпути, так и не доведя его до уровня высшей трансцендентальной очевидности, в то время как для Соловьева *cogito* знаменует собой *ложность самого пути*, по которому

шел Декарт. Как мы помним, картезианское *cogito* должно было вернуть утраченное нами доверие к миру, в чертах которого проступают для нас злобные гримасы всемогущего обманщика. Поэтому следует осуществить редукцию мира к чистому «Я», в *опоре* на которое только и возможно вернуть миру утраченную достоверность. Однако, будучи имитацией греческого логоса, *cogito* должно быть при этом не просто субъектом, но еще и действенным началом, т. е. быть *φύσις*, порождающим мир, согласно порядку причин. Этим миром и становится «новый мир» физики, основные законы которого Декарт набрасывает в так и оставшемся незавершенным и не опубликованным при его жизни трактате о мире и свете. Поэтому декартовское *cogito* характеризуется странной двойственностью, которая отразилась в подмеченной Соловьевым двусмысленности его метафизических коннотаций, когда *cogito* выступает как в пассивном значении *subjectum* как несущей опоры, так и в значении термина *substantia*, употреблявшегося в схоластическом дискурсе в значении активного, а не пассивного залога [Соловьев 1988, с. 785]. Таким образом, декартовское *cogito* соединяет в себе пассивное и активное начало, будучи, с одной стороны, метафизической опорой достоверного знания о мире, а с другой – *творцом* этого мира, реализуя тем самым фундаментальную интенцию новоевропейской метафизики, озвученную уже Гоббсом, а затем – Вико, согласно которой мы можем *знать* с достоверностью только то, что сами же и *сделали*. Однако мир, в который, пройдя полный цикл методического сомнения, вернулось чистое «Я», оказался *совсем не тем миром, из которого это «Я» ушло*. Это поистине «новый мир», сплошь состоящий из объектов чистой мысли, берущих свое начало в чистом «Я».

Возвращаясь вместе с Соловьевым на почву обыденного опыта, когда мы рассматриваем висящий на стене портрет, напомним еще раз, что наше обычное, *живущее в мире «я»* представляет собой производную форму спонтанной рефлексии сознания над своими актами. Сознание есть всегда *сознание чего-либо*, будучи самой направленностью на предмет. Рефлексия в таком случае есть род обратного движения сознания *от предмета*, и только в этой *обратной интенциональности* сознание находит «Я», которое в этом смысле никоим образом не является априори данной инстанцией, которая *предшествовала бы* актам сознания. Но, в свою очередь, это означает, что «Я» *производно от актов сознания* и ни в коем случае не является ни субъектом этих актов, ни, тем более, производящим началом их предметов. Другими словами, «Я» исключительно пассивно, оно лишено какой-либо активности и не обладает никакой собственной *энергией*. Однако именно эта пассивность «Я» лежит

в основании доксихической уверенности в действительности мира, который тотчас обратился бы в химеру, прояви наше «Я» хоть какую-нибудь собственную активность. Скажем поэтому, что залогом действительности мира является тот пассивный залог, который, однако, не может быть залогом никакого субъекта, поскольку субъект обладает, в качестве *подлежащего*, какой-то своей, пусть и *отрицательной* активностью. Так, книга может лежать на столе только потому, что стол оказывает ей сопротивление, проявляя, таким образом, свою деятельность в качестве субъекта. Поэтому «Я» – это не субъект сознания, а, скорее, его *метафора* или, другими словами, интерференция «центробежного» движения сознания к предмету и его «центростремительного» движения *от* предмета.

Поэтому, воздвигнув чистое «Я» как оплот достоверности в сплошь недостоверном и призрачном мире, Декарт не достиг своей главной цели. Мир, в котором существуют цвета и запахи, рассветы и закаты, в котором вынутый из пчелиного улья воск пахнет медом, мир, в котором, наконец, я существую как мыслящий, чувствующий, переживающий, пребывая то в радости, то в горе, этот мир так и остался во власти злого всемогущего обманщика. Чистое «Я» не смогло вернуть нам доверие к этому миру. Однако взамен его оно породило из самого себя совершенно другой мир, представляющий собой не что иное, как проекцию чистого сознания. В этом новом мире уже нет цветов и запахов, рассветов и закатов, а кусок воска представляет собой *просто тело*, обладающее определенной геометрической формой, которую, в свою очередь, можно свести к математической точке и расположить в математически исчисляемом пространстве и времени. Но, самое главное, в этом новом мире нет меня самого как мыслящего и чувствующего, проживающего свою собственную, неповторимую жизнь. Именно *cogito* полагает поэтому ту метафизическую дистанцию, которая отныне будет существовать между «старым миром» допредикативных очевидностей и «новым миром» теоретического сознания. Более того, эта дистанция будет в дальнейшем только возрастать по мере успехов теоретического естествознания, вплоть до ситуации забвения «жизненного мира», которую Гуссерль диагностировал как кризис европейских наук, утративших вместе с жизненным миром и почву собственной рациональности. В свою очередь, этот «забытый», оставшийся во власти всемогущего демона «старый мир» напомнит о себе социальным демонизмом двадцатого столетия, заявившем о себе как в виде нацистского хтонического мистицизма, так и в виде советского «воинствующего атеизма».

Сделаем из всего этого следующий вывод: декартовское методическое сомнение, в котором Гуссерль видит лишь первый, предва-

рительный этап подлинно трансцендентальной редукции, является в глазах Соловьева, скорее, родом *ложной рефлексии*. Сознание, будучи не чем иным, как *актом* сознания предмета, *субстантивировало* себя здесь в форме чистого «Я», попеременно полагая себя то как субъект, то как субстанцию. Соглашаясь с Соловьевым в том, что «декартовский субъект мышления есть самозванец без философского паспорта» [Соловьев 1988, с. 781], следует, однако, уточнить, что чистое «Я» обладает даже двумя паспортами, выданными как на имя *subjectum*, так и на имя *substantia*, причем оба они являются фиктивными. В этом смысле *cogito* действительно представляет собой не более чем «факт мнимого самосознания», род трансцендентальной иллюзии, которая может быть поставлена в один ряд с иллюзиями чувственного опыта.

Если так называемые обманы чувств (иллюзии, галлюцинации), – говорит Соловьев, – дают нам право сомневаться в достоверности ощущения как свидетельства о предметной реальности мира физического, то замечаемые, хоть и не столь часто, обманы самосознания побуждают равным образом сомневаться в его показаниях о подлинной действительности нашего психического субъекта [Соловьев 1988, с. 786].

Какой же вывод следует извлечь из этого разоблачения *cogito* как иллюзорного факта самосознания? Прежде всего необходимо задаться следующим вопросом: следует ли из предпринятой Соловьевым критики картезианского *cogito* возвращение к наивной, «естественной», как скажет Гуссерль, установке сознания с присущим ей некритическим доверием к данным чувственного опыта? Ведь именно невозможность возвращения к до-трансцендентальному уровню «естественной установки» диктует нам, согласно Гуссерлю, необходимость развития опыта *cogito* до наивысшей стадии трансцендентального «Я», в котором полностью преодолено роковое для картезианского *cogito* смешение трансцендентального сознания чистого «Я» и эмпирического сознания того, что именуется «душой»⁷. Декарту следовало пойти дальше по пути методического сомнения, превратив его в подлинно трансцендентальное эпохé и решительно

⁷ «Посредством феноменологического ёλοχί я редуцирую свое естественное человеческое Я и свою душевную жизнь – царство моего *опыта психологического самопознания* – к моему трансцендентально-феноменологическому Я, к царству *опыта трансцендентально-феноменологического самопознания*» (см.: Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Скляднева; науч. редактор Я.А. Слинин. СПб.: Наука; Ювента, 1998. С. 85).

оставить за скобками не только мир непосредственного опыта, но также и все эйдетические сущности, включая «идею» Бога. Не вняв этой необходимости, Декарт так и остался заложником тех сущностей, которые нельзя обнаружить в опыте *cogito*. Ничем иным, как недоразвитием *cogito*, нельзя, поэтому, объяснить предлагаемое Декартом в «Метафизических размышлениях» доказательство объективной, а не просто формальной реальности идеи Бога при помощи исключительно метафизического аргумента, согласно которому «в совокупной производящей причине должно быть, по меньшей мере, столько же реальности, сколько в действии этой же самой причины»⁸. Такая аргументация тем более незаконна, что всякая апелляция к ресурсам логики и математики была дисквалифицирована самим Декартом уже в *Первом размышлении*, где он вопрошает себя, «не устроил ли Бог так, что я совершаю ошибку всякий раз, когда прибавляю к двум три или складываю стороны квадрата, либо произвожу какое-нибудь иное легчайшее мысленное действие?»⁹. Гипотеза злого всемогущего обманщика наглухо запирает *cogito* в границах мыслящего «Я», которое с достоверностью может мыслить только самое себя и ничто другое. В этом смысле Гуссерль совершенно прав в своей критике Декарта, когда он утверждает, что трансцендентальная перспектива, заявленная Декартом в требовании универсального методического сомнения, не оставляет для него никакой иной возможности, кроме как идти в этом направлении до самого конца, вплоть до последних очевидностей трансцендентального «Я», не останавливаясь на полпути. Вместе с тем это побуждает нас уточнить ранее заданный вопрос: не является ли соловьевская критика Декарта возвращением к наивному эмпиризму психологического толка? Этот вопрос теперь может быть поставлен следующим образом: *означает ли отказ от трансцендентальной парадигмы также и отказ от феноменологии как определенного опыта сознания?*

Заметим прежде всего, что Соловьев отнюдь не отрицает правомерности и плодотворности предпринятого Декартом универсального эпохэ. «Конечно, – говорит Соловьев, – Декарт не думал серьезно, что весь окружающий его мир может быть сновидением, производением его мысли или обманом его чувств; и все-таки не напрасно положил он такую гипотезу в основу философии, и если его в чем-то можно упрекать, то лишь в том, что он слишком поспешно покинул эту основу, и вместо того, чтобы на ней возводить прочное здание проверенного мышления, стал строить догматические карточные до-

⁸ *Descartes R. Méditations métaphysique. Paris: GF–Flammarion. p. 107.* (Пер. с фр. С.Я. Шейнман-Топштейн.)

⁹ *Ibid. P. 65.* (Пер. с фр. С.Я. Шейнман-Топштейн.)

мики на зыбком песке полунаивного, полупедантичного реализма» [Соловьев 1988, с. 787]. Различие между Соловьевым и Гуссерлем тем более бросаается здесь в глаза, что оно выступает на фоне поразительно сходных характеристик картезианской метафизики, которые мы находим у них обоих. Подобно тому как Соловьев видит в Декарте архитектора «полунаивного, полупедантичного реализма», Гуссерль сетует на то, что половинчатость Декарта в следовании по пути эпохэ сделала его «отцом абсурдного трансцендентального реализма»¹⁰. Таким образом, если в глазах Гуссерля роковой ошибкой Декарта является его преждевременная остановка на промежуточной между непосредственным опытом мира и трансцендентальным «Я» станции мирского *ego*, ошибочно трактуемого им как *substantia cogitans*, то Соловьев, напротив, видит главное упущение Декарта в том, что тот слишком поспешно покинул почву непосредственного опыта мира и, сконструировав свою «вещь, которая мыслит», закрыл, в конечном счете, всякий доступ к пониманию этого опыта. Методический поворот сознания, именуемый эпохэ, является в этом случае не способом конструирования безжизненного метафизического субъекта, а *вопросанием мира* на предмет того, что же *дано* нам в опыте этого мира. Мир есть то, что *дано* нам еще всякого нашего суждения о мире, еще до всякой нашей рефлексии о нем – вот единственно возможный отправной пункт феноменологии! И если, как замечательно сказал Мерло-Понти, подлинное эпохэ заключается «в стремлении уравнивать рефлексии с нерелексивной жизнью сознания»¹¹, то главным препятствием для такого эпохэ может быть только «Я», причем именно в той мере, в какой оно как раз и означает полную редукцию всей жизни сознания исключительно к уровню рефлексии. Мир *открывается* в сознании, тогда как «Я» *конструирует* мир. Поэтому сознание, будучи не чем иным, как опытом *данности мира*, исключает «Я» как форму этой данности. Это «Я» не является ни субъектом сознания, ни его собственником¹². «В житейском обиходе, – говорит Соловьев, – можно не задумываясь спрашивать: чей кафтан? Или чьи калоши? Но по какому праву можем мы спрашивать в философии: чье сознание? – тем самым предполагая подлинное присутствие разных *кто*, которым нужно отдать в частную или общинную собственность?» [Соловьев 1988, с. 794].

¹⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д.В. Складнева; отв. ред. Я.А. Слинин. СПб., 2004. С. 83.

¹¹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. С.Л. Фокина; отв. ред. И.С. Вдовина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. С. 15.

¹² В этой связи можно упомянуть работу Густава Шпета «Сознание и его собственник» (1916).

Подлинное эпохэ есть, таким образом, редукция не к трансцендентальному сознанию, а к *данности мира*. «Подвешивая» наши суждения о мире, лишая их, таким образом, всякой «объективной» значимости, эпохэ открывает пространство *завора* между миром и нашими высказываниями о нем. Только в этом заворе мир открывается нам как *феномен*, т. е. то, что доступно именно *теоретическому* взгляду, поскольку сам этот взгляд есть *θεωρεῖν*, или *вы-глядывание* мира сквозь прорехи нашего «мировоззрения». Эта данность мира, открытая нам в той «теории», которая является не системой высказываний, «верифицированных» фактами как данными наблюдений, а возможностью увидеть мир еще до всякого высказывания о нем, обладает собственной безусловной очевидностью. Вот почему Соловьев говорит о том, что «нельзя ни в коем случае сомневаться в одном: в *наличной* действительности, в факте *как таком*, в том, что *дано*» [Соловьев 1988, с. 793].

Однако что же такое этот *факт как таковой*, то есть факт, взятый вне его служебной функции быть «референтом» какого-либо высказывания? Это – *сознание факта*. В свою очередь, сознание факта есть неоспоримый *факт сознания*, или, лучше сказать, само сознание как факт. Не может быть сознания как субъекта, однако можно говорить о *фактичности сознания* в том смысле, что сознание ниоткуда не выводимо, не нуждается ни в какой его презумпции и, тем более, в какой-либо его дистилляции, производимой в лаборатории трансцендентального анализа¹³. Какой бы чистоты сознания мы ни достигли, в нем всегда будет присутствовать мир, поскольку сознание и есть способ присутствия мира, модус его *бытийствования*. Факт сознания оказывается, таким образом, данностью мира. «Эта область, – говорит Соловьев, – представляющая *самодостовверные* данные, должна быть исходной точкой философии <...>. Мы видим, что истина не дана здесь, а только задана. Если бы она была фактом наличного сознания, то ее не нужно и невозможно было бы искать, следовательно, не могло бы быть и никакой философии. Но, к неудовольствию одних и утешению других, философия *есть*. Есть наличная действительность и есть требование другого, большего: есть *сознание факта* и есть *стремление к истине*. Посмотрим, куда оно нас приведет» [Соловьев 1988, с. 797]. Теоретическая философия возможна поэтому только на почве самого мира, а не в качестве совокупности «теоретических» пропозиций о мире. Вместе с тем, факт сознания есть всего лишь *начало* нашего движения от *самодостовренности* к *истине*.

¹³ Именно в этом смысле Кант говорит в «Критике практического разума» о *Factum der Vernunft*, «факте разума».

Литература

- Артеменко 2009 – *Артеменко Н.А.* Вл. Соловьев – деконструкция субъекта-собственника // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, 2009. Т. 3. С. 3–8.
- Гуссерль 2001 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова // Гуссерль Э. Собр. соч. Т. III (1). Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Молчанов 2009 – *Молчанов В.И.* Я-форма в философии призрачного сознания Владимира Соловьева // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2006/2007 [8]. М.: Модест Колеров, 2009. С. 237–306.
- Соловьев 1988 – *Соловьев В.С.* Теоретическая философия // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988.

References

- Artemenko, N.A. (2009), “Vl. Soloviov – The Deconstruction of the Subject-Proprietor”, *SPbGU Bulletin. “Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relationships” Series 6*, vol. 3, pp. 3-8.
- Husserl, E. (2001), “Logical Research. Research in Phenomenology and Theory of Knowledge”, in Husserl, E., *Sobr. soch. T. III (1). Logicheskie issledovaniya. Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya* [Coll. of Works Vol. 3 (1), Logical Research. Research in Phenomenology and Theory of Knowledge], Molchanov, V.I. (transl. from German), Dom intelektual'noi knigi, Moscow, Russia.
- Molchanov, V.I. (2009), “The I – Form in Vladimir Solov'ev's philosophy of the Phantom Consciousness”, *Issledovaniya po istorii russkoi mysli. Ezhegodnik 2006/2007 [8]* [Studies in Russian Intellectual History, Year-book 2006/2007 [8]], Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 237-306.
- Solov'ev, V.S. (1988), “Theoretical philosophy”, in Solov'ev, V.S., *Soch.: v 2 t. T. 1* [Works in 2 vols. V. 1], Mysl', Moscow, Russia.

Информация об авторе

Руслан А. Лошаков, доктор философских наук, профессор, Папский университет Иоанна Павла II, Краков, Польша; 31069, Польша, Краков, Малопольское воеводство, ул. Францишканьская, д. 3; veroneze1120@hotmail.se

Information about the author

Ruslan A. Loshakov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Pontifical University of John Paul II, Krakow, Poland; bld. 3, Franciszkanska Str., Malopolskie province, Krakow, Poland, 31069; veroneze1120@hotmail.se

Феномен и его субъект.
Проблема «принимающего»
в философии Жана-Люка Мариона

Федор А. Докучаев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dokuchaev.f@gmail.com*

Аннотация. Проблема отношения субъекта и феномена находится в центре любого современного феноменологического проекта, стремящегося раздвинуть рамки феноменологии. Одной из самых важных новаций в феноменологии последних лет является концепция дара французского феноменолога Жана-Люка Мариона. В рамках настоящей статьи анализируется центральное понятие его философии – «принимающий» (l'adonné). В качестве точки опоры используется его работа «Будучи данным». Рассматривается понятие «одаряемый» и контекст его возникновения. Анализируется переход от описания «одаряемого» к описанию «принимающего». Излагается критика классического понятия субъекта в работе Жана-Люка Мариона. Рассматриваются четыре характеристики «принимающего»: призыв, удивление, общение и фактичность. Описано взаимодействие «принимающего» с насыщенными феноменами, доминирующими над субъектом. В завершение статьи приводятся критические замечания Клода Романо, а также критика Шейна Маккинли в контексте интерпретации им работы Жана-Люка Мариона. Шейн Маккинли находит проблематичными концепт насыщенных феноменов и чрезмерную пассивность субъекта в концепции Мариона. Наличие насыщенных феноменов как парадигм для любого другого феномена плохо согласуется с регулярностью обыденного опыта, а пассивный субъект слабо совместим с феноменологическим методом, к которому обращается Марион. В качестве преодоления возникших проблем внутри концепции Мариона предложено расширить ее с помощью обращения к герменевтическому уровню восприятия феномена. Проектом, продолжающим интенции Мариона, но лишенным проблем его философии, предлагается считать «событийную герменевтику» Клода Романо.

Ключевые слова: субъективность, феноменологическая герменевтика, французская феноменология, пассивность

Для цитирования: Докучаев Ф.А. Феномен и его субъект. Проблема «принимающего» в философии Жана-Люка Мариона // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 61–73. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-61-73

Phenomenon and his subject. The concept of the recipient in the philosophy of Jean-Luc Marion

Fedor A. Dokuchaev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
dokuchaev.f@gmail.com*

Abstract. The issue of the subject and phenomenon relation lies in foundation of every contemporary phenomenological project, tending to extend the field of the phenomenology. The concept of the gift of the French phenomenologist Jean-Luc Marion is one of the most important innovations in the contemporary phenomenology. In the article, the central concept of his philosophy is analyzed – “recipient” (l’adonné). It is based on his book “Being Given”. The notion of a donee is analyzed as well as context of its introduction. The transition from the description of the done to the description of the recipient is analyzed. Marion’s critique of the classical notion of the subject is explored. Four main characteristics of the recipient are described: summons, surprise, interaction and the facticity. Connection between the recipient and the saturated phenomena dominant over the subject is explored. The article concludes with criticisms of Claude Romano, as well as criticism of Shane McKinley in the context of his interpretation of the work of Jean-Luc Marion. Shane McKinley finds the concept of saturated phenomena and the excessive passivity of the subject in Marion’s concept problematic. The saturated phenomena, as the paradigms for any ordinary phenomena, their true form, cannot explain the regularity of the ordinary experience. The passive subject is hardly compatible with the phenomenological method, that Marion tries to use.

To overcome the questions that have arisen within the concept of Marion, it is proposed to expand it by referring to the hermeneutic level of perception of the phenomenon. It is proposed to consider Claude Romano’s “eventual hermeneutics” as a project that continues the intentions of Marion, but is devoid of the shortcomings of his philosophy.

Keywords: subjectivity, phenomenological hermeneutics, French phenomenology, passivity

For citation: Dokuchaev, F.A. (2020), “Phenomenon and his subject. The concept of the recipient in the philosophy of Jean-Luc Marion”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 61–73, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-61-73

Введение

Одной из классических философских проблем, широко обсуждаемых в современной философии, является проблема солипсизма. Феноменология, как постметафизическая дисциплина, избегает коварного вопроса о существовании внешнего мира. В самом деле, основная методологическая установка феноменолога предполагает отказ от суждений о существовании, анализ всех феноменов как данных, а не существующих или не существующих.

Однако проблема замкнутости Я возвращается в феноменологию с другой стороны – насколько воспринимаемые феномены зависят от активности воспринимающего субъекта? И в какой степени он сам формируется воспринимаемыми феноменами? Допустив, что каждый феномен является благодаря интенциональному акту сознания, активности субъекта, мы неразрывно связываем саму возможность явления с субъективностью. И если пространственные и временные феномены вполне можно понимать так, то феномены религиозные, заведомо трансцендентные, остаются вовсе вне рассмотрения феноменологии – дисциплины, претендующей на всеохватность. Именно попытки расширить поле феноменологической работы являются одной из важнейших движущих сил современной феноменологии. И каждый такой проект сталкивается с необходимостью нового продумывания отношения субъекта и феномена.

Радикальное решение этого вопроса предлагается в философии Жана-Люка Мариона, одного из ярчайших представителей французской (пост)феноменологии¹, работающий на стыке теологии и философии². Его работы, как и труды Мишеля Анри, были причислены Домиником Жанико к «теологическому повороту» во французской философии (Janicaud 1991). Чем же так значим этот поворот и почему он считается даже опасным для феноменологии? Воспроизведем основную линию критики. Во-первых, «новые феноменологи» пытаются не просто исследовать то, что дано в опыте, но задавать вопросы об основании этого опыта, искать прафеномены, нечто трансцендентное самому опыту. Тем самым они выходят за границы феноменологического метода. Во-вторых, ставя своей

¹ Здесь мы пользуемся термином, введенным А.В. Ямпольской. (Пост) феноменология претендует не на полное преодоление феноменологии, а на открытие новых горизонтов дисциплины. См.: [(Пост)феноменология 2014].

² О влиянии концепций Мариона на современную теологическую мысль можно прочесть, например, в [Коначёва 2019].

целью прежде всего исследование «глубоких» феноменов, они сознательно отказываются от горизонтов субъективности, рамок, в которых нам дается этот феномен. Таким образом, субъект в феноменологии Гуссерля и даже Хайдеггера, субъект как центральное звено всего феноменологического проекта, радикально отличается от подчиненного феноменам субъекта (пост)феноменологии.

В 1998 году Жан-Люк Марион опубликовал книгу «Будучи данным» (*Etant donné*) [Marion 1998], где он наиболее фундаментально проработал свой феноменологический проект и ответил на некоторые критические замечания Доминика Жанико. Именно ее мы возьмем за основу в своем изложении понятия «принимающий» (*l'adonné*), следующего в феноменологии Мариона «трансцендентальному эго» Гуссерля и “*Dasein*” Хайдеггера. Затем мы рассмотрим современную критику этого понятия, обратившись к статьям Клода Романо и книге Шейна Маккинли «Интерпретируя избыток: Жан-Люк Марион, насыщенные феномены и герменевтика» [Mackinlay 2010].

От «одаряемого» к «принимающему»

Теме «принимающего» посвящена пятая книга “*Etant donné*”. Мы не будем останавливаться на всех критических замечаниях Мариона, чтобы уделить больше внимания позитивному описанию «принимающего» и его ключевым характеристикам: способности слышать зов (*l'appel*) и отвечать на него. И, конечно, мысль Мариона невозможно понять, не учитывая его главной интенции – дать феномену показать себя из себя самого.

Поскольку «Понятие феномена» как дающего самого себя из самого себя (*soi*) требует отказа от трансцендентальной претензии Я, которое теперь предстает скорее как простой свидетель или получатель феномена. Здесь Марион привносит две языковые новации. Во-первых, смена именительного падежа (кто получил?) на дательный (кому было дано?). Этот падеж указывает как на смену оптики, так и на исчезновение контролирующей инстанции Я, агента, влияющего на являемое. Во-вторых, возникает первый термин, описывающий десубъективированное Я. Марион сперва избегает называть получателя «кем-то» (*qui*) или «чем-то» (*quoi*); вместо этого он использует юридический оборот получателя дарения (*l'attributaire de la donation*) или одаряемого³. Одаряемый не

³ В дальнейшем “*l'attributaire*” будет даваться как «одаряемый», в духе русской юридической традиции, дабы сохранить особенность языка Мариона.

только не предшествует феномену (в отличие от субъекта), но и больше того – он не претендует ни на обладание феноменом, ни на способность его производить. Одаряемый, возникая после субъекта, существует для того, чтобы феномен проявить (*procéder*).

После субъекта – в двух смыслах. Во-первых, чтобы быть одаряемым, нужно чтобы что-то было подарено, одаряемый не существует до дара. Во-вторых, одаряемый как концепт замещает философский концепт субъекта, под которым подразумевается новременной концепт, отождествляющий субъективность и мышление.

Пассивность одаряемого распространяется и на его генезис. Субъект конституирует самого себя, одаряемый же «воспринимает себя из данного [ему] феномена и из него одного» [Marion 1998, p. 361]. Что это за феномены? В рамках своего изложения Марион выделяет два больших класса: феномены, данные как таковые (*en tant que tel*), и феномены, данные в качестве насыщенных (*en tant que saturé*). Последовательный анализ возникновения одаряемого при встрече с феноменом должен привести, в конце концов, к предельному концепту – принимающему.

Марион начинает свое конструирование концепта одаряемого, исходя из картезианской оптики. Декарт проводит четкую границу между объектом мысли, познаваемым, исчисляемым, состоящим из первичных сущностей и объектом чувства. Объект мысли, сводящийся к «формуле, количеству и координатам», Марион называет «бедной данностью», не обладающей полнотой феноменальности. Но прежде всего такой объект дан чувству, *моему* чувству. «Что это за Я (*moi*), которое здесь подразумевается?» [Marion 1998, p. 363] – задает вопрос Марион. «Мое» ощущение характеризуется не пассивностью, неуверенностью и субъективностью чувственного опыта; но феноменологической *привилегией* – неопровержимой, аннулирующей (*dirimant*), абсолютной. Оно одно воспринимает феноменальность во всей своей полноте – в том числе феноменальность своей собственной данности. «Я», ощущающее «чувством», теряет свою конституирующую способность, только чтобы вернуть восприимчивость к манифестации того, что себя показывает («мне», «кому»). Данность феномена завершается одаряемым через его превращение в манифестацию [Marion 1998, p. 364], но сам феномен превращением не затронут.

Эта способность превращать, отождествляемая Марионом с восприимчивостью, является первым из двух ключевых качеств одаряемого, которые выделяет философ. Одаряемый трансформирует данность в манифестацию, дает тому, что дается, возможность показаться – первичную форму. Марион сравнивает одаряемого

с призмой или фильтром, который дает явиться первичной видимости – поскольку не стремится ее произвести. Вместо этого одаряемый подчиняется⁴, не вмешиваясь и не изменяя данность. Однако вторая – и самая главная задача одаряемого – представить миру то, что было ему дано. Только некто (а не нечто) может принять всю полноту роли одаряемого и представить миру то, что дается, таким образом, что оно показывается миру. Потому в полном смысле одаряемый может быть только кем-то (*qui*), а не чем-то, утверждает Марион, ведь представляться феномен может только сознанию, видимое – взгляду.

Второе ключевое качество одаряемого напрямую связано с его рождением. Одаряемый не предшествует тому, что он формирует в своем взгляде. Только воздействие того, что дается, заставляет возникнуть как первичную видимость, так и экран, на котором оно становится видимо. В этом Жан-Люк Марион, как нам кажется, ключевым образом отличается от Канта и классического трансцендентализма – условия возможности видения возникают в результате столкновения с видимым, даже в момент столкновения с ним. На этом уровне картезианское противопоставление чувства и мысли начинает терять свое значение. «Изначально воспринимающая мысль» существует даже до различения на Я и воспринимаемый феномен, до всякой конституированной феноменальности, пишет Марион [Marion 1998, p. 366]. Отношение одаряемого и феномена радикализуется тогда, когда феномен дается в качестве насыщенного. Воздействие феномена приобретает характер *зова* (*l'appel*), а одаряемый становится *принимающим* (*l'adonné*).

Зов не принадлежит бытию, Богу или другому авторитету, он требует, чтобы его описывали исходя из него самого. Самого зова достаточно, чтобы создать своего собеседника, то есть одаряемого. Зов возникает в развороте интенциональности, подобно «контр-интенциональности» Левинаса. Марион переформулирует в собственных терминах этическое значение лица Другого, описываемое Левинасом. Взгляд лица другого обязывает меня ему ответить: «Лицо провоцирует меня как принимающего» [Marion 1998, p. 368].

Зов характеризует всякий насыщенный феномен как таковой. Сама видимость явления возникает из обратной направленности

⁴Тут, как кажется, Жана-Люка Мариона несколько подводит язык – слово *interférence* (вмешательство), от которого отказывается одаряемый, также обозначает процесс разложения света в тонкой пленке мыльного пузыря или кусочке стекла, иначе говоря, той самой призме, с которой начинается метафора в этом предложении.

интенциональности – следуя пара-доксу, противоявлению (*contre-raence*), видению вопреки намерению увидеть (*visée*). Здесь Марион вновь подчеркивает, что зов должен быть свободен от намерения субъекта, его взгляда. Данность дает себя помимо воли, она становится видна вопреки желанию субъекта – как слепящее солнце может помешать увидеть человека на горизонте. Именно такой, избыточный феномен, Марион называет насыщенным (*saturé*).

Зов феноменологически учреждает неданного, согласно четырем свойствам его собственной манифестации: призыву (*convocation*), удивлению (*surprise*), общению (*l'interlocution*) и фактичности (*la facticité*), которая у Мариона практически отождествляется с индивидуацией [Marion 1998, p. 369]. Рассмотрим их последовательно.

Во-первых, призыв (*la convocation*). Он превращает «Я» в «меня», именительный падеж переходит в дательный. Призыв – подавляющая сторона зова. Воспринявшему его собеседнику (*l'interloqué*) необходимо соотнести себя с ним в двойном смысле: сместиться и подчиниться. Он должен отказаться от автаркии, самопозиционирования и самоосуществления и вместо этого начать идентифицировать себя с собой измененным, уже услышавшим. Субъективность подчиняется идентичности в корне измененной, позванной.

Во-вторых, удивление (*la surprise*). В удивлении смешиваются два момента: переход функции подавления от субъекта к феномену и отказ от объективирующего понимания. Собеседник, застигнутый призывом, осознает себя захваченным и подавленным его превосходством (*emprise*). Но это превосходство определяет его тем радикальнее, что ее собственное начало остается (или может остаться) неопределенным. Таким образом, принимающий обращает все свое внимание на объект, по сути своей ускользящий, и тем самым открывается пустому пространству (промежутку, *écart vide*). Непознаваемая пустота источника феномена, не видимая для принимающего, как нам кажется, родственна апофатической теологии – источник остается непознаваемым, даже если его эффект потрясает.

В-третьих, общение (*l'interlocution*). Марион употребляет этот термин, чтобы обозначить ситуацию радикального неравенства, в которой принимающий находит себя позванным в качестве того, к кому обращено слово. Я получаю *себя* от зова, который дает меня мне самому, прежде чем дать мне свою собственную сущность. Как пишет Марион, речь здесь идет о понимании себя «в дательном падеже», который здесь уже «почти не отличается от аблатива» [Marion 1998, p. 371]. Что означает этот переход? Если раньше мы

говорили об одном феномене, который был дан *мне*, то теперь – об открытии *мною* «всех других данностей», открытию мною «инаковости» (*l'alterité*). Это качество позволяет Мариону избавить принимающего от призрака солипсизма: «общение открывает даже неопределенному и анонимному другому» [Marion 1998, p. 372].

Наконец, фактичность (*la facticité*). Нет ни одного смертного (*mortel*), который не был бы затронут зовом, утверждает Марион. Эту «неизлечимую фактичность» французский философ связывает с речью (*la parole*). Человек одарен даром речи, но этот дар всегда изначально приходит к нему от другого, когда своей речи еще нет. Речь всегда возвращается к умению слушать, пишет Марион, – «слушать речь другого, речь изначально и навсегда непонятную, в которой нет ни смысла, ни значения – разве что сама инаковость инициативы, чистый факт которой дается впервые» [Marion 1998, p. 372]. Удивительно, что в качестве примера фактического выступает именно речь – будто бы забывая о борьбе с классическим понятием субъекта, французский философ утверждает: «человек удостоен звания смертного (или, что здесь равнозначно, животного), наделенного речью» [Marion 1998, p. 372], возвращая нас в поле классической философии. Однако важность фактичности, обнаруживаемой зовом, состоит в том, что принимающий обнаруживает себя изначально безъязыким. Как пишет Марион, «моя единственная индивидуация или самость (*ipseité*) располагаются лишь в фактичности, к которой меня обязывает изначально услышанная речь зова, не произнесенная мной» [Marion 1998, p. 374].

Подведем предварительные итоги. Классическая теория субъекта, по мнению Мариона, страдала от неспособности вписать в свою картину независимый феномен, дающий себя, исходя из самого себя, неподвластный трансцендентальным категориям. Кроме того, такой субъект лишен идентичности, представляя из себя пустую форму, и не способен справиться с солипсизмом. Решениям является концепт одаряемого, в пределе – «принимающего». В отличие от классического субъекта, он не проецирует категории своего мышления на феномен, но прежде всего воспринимает его, служит как бы призмой для являющегося феномена. Воспринимая насыщенный феномен, он становится «принимающим». Последний не только воспринимает феномен, но и дает ему показаться миру. Его индивидуальность рождается из подверженности изначальному зову, формирующей субъекта речи другого, а открытость к радикально иному позволяет избежать опасности солипсизма.

Однако такая концепция преимущественно «пассивного» субъекта не могла остаться без критики. Хотя Марион и декларирует состояние между активностью и пассивностью, в его описаниях

практически нет примеров активного участия принимающего в восприятии феноменов.

Проблемы понятия «принимающего»

В этом разделе мы бы хотели вкратце представить две линии критики: критику понятия редукции, проведенной в статьях Клода Романо, и критику понятия «принимающего» в книге Шейна Маккинли. Камнем преткновения в обоих случаях оказывается не совсем ясное соотношение между активностью и пассивностью субъекта. Клоду Романо принадлежит критическая статья, непосредственно посвященная анализируемой нами работе Мариона – «Будучи данным». В «Замечаниях о феноменологическом методе в *Будучи данным*» [Romano 2000] Романо подробно останавливается на значении редукции для феноменологического метода.

В качестве предварительного замечания он критикует опору на редукцию как на основной метод феноменологии. Так, Мартин Хайдеггер упоминает редукцию как метод феноменологии лишь в одном курсе, и затем это понятие не появляется ни в «Бытии и времени», ни в более поздних работах. Это неспроста – редукция связана с субъектом. Онтологическое различие предшествует Dasein, субъект зависим от него. Вот почему Хайдеггер обозначает онтологическое различие как «фундаментальное событие» Dasein. Итак, редукция оказывается в высшей степени вторичной для аналитики Dasein и хайдеггерианского проекта феноменологии, которым во многом вдохновлялся Марион.

Далее Романо представляет три возражения против Марионовского понятия редукции.

Во-первых, редукция всегда связана с субъектом. Ведь если субъект может редуцировать феномен, феномен является зависимым от субъекта. И напротив – если феномен является совершенно независимым, его невозможно редуцировать.

Во-вторых, если данное не может никаким образом соизмеряться с субъектом, так что он не является мерилем данности, как он может помещать ее под операцию редукции? Ведь принцип Мариона гласит: феномен дан настолько, насколько он редуцирован, то есть он *не* дан до редукции.

И наконец, редукция никак не может быть согласована с понятием «зова», вводимой в четвертой части книги. Редукция происходит внутри субъекта, в ней нет ничего внешнего (и, добавим мы, является к тому же актом субъекта). Зов же является принципи-

ально внешним. Как внутренняя операция принимающего дает возможность появиться внешнему зову?

Это противоречие между активностью и пассивностью могло бы быть решено, если бы Марион употреблял понятие «редукция» иначе – например, связывая ее возникновение с явлением феномена, а не актом субъекта. Но в таком случае совершенно неясно, как речь может идти о методе, справедливо замечает Романо.

Отход от трансцендентального понимания редукции встречается у Жана-Люка Мариона и в других работах. Как нам кажется, он будто бы разрывается между феноменологической терминологией и (пост)феноменологическим содержанием своего собственного проекта.

Клод Романо как продолжатель Жана-Люка Мариона

Проект Клода Романо по созданию событийной герменевтики можно рассматривать как родственника концепции Мариона. Именно так этот проект предстает в труде Шейна Маккинли «Интерпретируя избыток: Жан-Люк Марион, насыщенные феномены и герменевтика».

Сперва обозначим позицию Маккинли по отношению к проекту «Будучи данным». Главная цель Мариона – помыслить чистую и абсолютную данность феномена. Он успешно решает ее, сменив доминирующую позицию субъекта на пассивную, страдательную. Но в погоне за концептуализацией абсолютно самостоятельного феномена Марион делает слишком большой акцент на данность как на акт, теряя медио-пассивный залог [Maskinlay 2010, p. 37]. Данность доминирует над субъектом, и это доминирование требует его пассивности. Проблемы начинаются, когда мы пытаемся ввести в эту конструкцию понятие насыщенного феномена. Как мы уже видели, насыщенный феномен настолько подавляет одаряемого, что, по сути, создает его заново – уже как «принимающего», и обращает его взгляд на себя. С учетом того, что сам Марион не раз подчеркивает банальность и даже парадигмальность насыщенного феномена, удивительно, что эти феномены встречаются так редко – или воздействуют на нас так слабо, что подлинное удивление и захваченность считаются чем-то особенным [Maskinlay 2010, p. 97]. Мир, описываемый Марионом, должен был бы постоянно атаковать субъекта и захватывать его, но этого не происходит. Как полагает Маккинли, это связано с игнорированием герменевтической составляющей в восприятии феноменов.

Клод Романо предлагает свое понимание субъективности. Несомненно, проекты Мариона и Романо схожи, что не устает отмечать Маккинли, но в концепции Романо пришествующий (*l'advenant*)⁵ всегда существует в жизненном мире, который порой радикально преворачивается и переустраивается безосновным и иным событием. В момент подобного переворота происходит изменение смысла, превращение одного смысла мира в другой. Пришествующий у Романо не является лишь призмой, экраном для пассивного восприятия данностей. Он обладает своим герменевтическим горизонтом, пространством ожидаемых и привычных событий и смыслов. Для Маккинли концепция Романо является более выигрышной – ведь в ней сохраняется активность субъекта, наличествуют радикально иные феномены, и не возникает проблем с объяснением исключительного характера описываемой Марионом «захваченности».

Заключение

Феноменологическая философия с необходимостью должна прояснять отношение феномена и субъекта, данность и условие данности. Эта корреляция лежит в основе феноменологического метода – сама редукция, как показывает Клод Романо, предполагает активность субъекта. Субъект, однако, не может быть единственным условием данности феномена. Сам феномен должен обладать самостоятельностью, возможностью дать себя, чтобы было мыслимо феноменальное поле «по ту сторону субъекта» – открывающееся, а не открытое, формирующее, а не формируемое. Концепция «принимающего» (*l'adonné*) в философии Жана-Люка Мариона рождается из попытки раскрыть это отношение.

Работы французского философа открыли новую веху в феноменологической традиции и повлияли на множество его современников. Вместе с тем их сложность и концептуальная насыщенность вызывает трудности в интерпретации этих работ. Богатое описание «одаряемого» (*l'attributaire*) и его радикализация в понятии «принимающего» порой ставит больше вопросов, чем дает ответов. Исследование вновь упирается в соотношение активности и пассивности субъекта по отношению к воспринимаемым феноменам. Сам Марион, кажется, считает, что описанный им «принимающий» не является полностью пассивным, а феноменологический метод, которого он придерживается, подразумевает активность субъекта.

⁵ Мы пользуемся переводом Р. Лошакова [Романо 2017].

Однако описания «принимающего» как экрана, захваченным явившимся и превосходящим его феноменом, не оставляют большого простора для разработки теории если не активного, то медиа-пассивного субъекта. Выходом из этого противоречия может быть выделение уровня интерпретации в восприятии феномена, который помог бы объяснить как использование феноменологической методологии, так и воспринимаемую стабильность мира, в котором – если принимать концепцию Мариона – должны царствовать доминирующие феномены. Вслед за Шейном Маккинли мы считаем плодотворной попыткой такой модификации событийную герменевтику Клода Романо.

Литература

- Коначѐва 2019 – *Коначѐва С.А.* Бог после Бога. Пути постметафизического мышления. М.: РГГУ, 2019. 242 с.
- (Пост)феноменология 2014 – (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. 288 с.
- Романо 2017 – *Романо К.* Авантюра времени / Пер. с фр. Р. Лошакова. М.: РИПОЛ классик, 2017. 160 с.
- Janicaud 1991 – *Janicaud D.* Le tournant théologique de la phénoménologie française. Paris: L'Eclat, 1991. 95 p.
- Marion 1998 – *Marion J.-L.* Étant Donnée. Essai d'une phénoménologie de la donation. Paris: PUF, 1998. 452 p.
- Mackinlay 2010 – *Mackinlay Sh.* Interpreting excess: Jean-Luc Marion, saturated phenomena, and hermeneutics. NY: Fordham University Press, 2010. 283 p.
- Marion 2003 – *Marion J.-L.* Le Phénomène érotique. Paris : Grasset, 2003. 280 p.
- Romano 2001 – *Romano C.* Remarques sur la méthode phénoménologique dans Étant Donnè [Электронный ресурс] // Annales de philosophie, vol. 21, Beyrouth, Université Saint-Joseph, 2000, p. 7-14. URL: https://www.academia.edu/2763420/Remarques_sur_la_m%C3%A9thode_ph%C3%A9nom%C3%A9nologique_dans_%C3%A9tant_donn%C3%A9_de_Jean-Luc_Marion (дата обращения 5 мая 2020).

References

- Konacheva, S.A. (2019), *Bog posle Boga. Puti postmetafizicheskogo myshleniya* [God after God. Paths of postmetaphysical thinking], RGGU, Moscow, Russia.
- Sholokhova, S.A. and Yampol'skaya, A.V. (comp.) (2014), *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology. New phenomenology in France and beyond], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.

- Janicaud, D. (1991), *Le tournant théologique de la phénoménologie française*, L'Éclat, Paris, France.
- Marion, J.-L. (1998), *Étant Donné. Essai d'une phénoménologie de la donation*, PUF, Paris, France.
- Mackinlay, Sh. (2010), *Interpreting excess: Jean-Luc Marion, saturated phenomena, and hermeneutics*, Fordham University Press, New York, USA.
- Romano, C. (2000), "Remarques sur la méthode phénoménologique dans *Étant Donné*", *Annales de philosophie*, 2000, T. 21, pp. 6-14, [Online], available at: https://www.academia.edu/2763420/Remarques_sur_la_m%C3%A9thode_ph%C3%A9nom%C3%A9nologique_dans_Étant_donn%C3%A9_de_Jean-Luc_Marion (Accessed 5 May 2020). Marion, J.-L. (2003), *Le Phénomène érotique*, Grasset, Paris, France.
- Romano, C. (2017), *Avantura vremena* [The adventure of time], Loshakova, R. (transl. from French), RIPOL klassik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Федор А. Докучаев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dokuchaev.f@gmail.com

Information about the author

Fedor A. Dokuchaev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; dokuchaev.f@gmail.com

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.334.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-74-84

Социально ориентированные некоммерческие организации как агент социальных изменений и нового социального дизайна современной России

Марина Ю. Милованова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, m_milovanova@mail.ru*

Аннотация. Проанализирована роль социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) в экономике за счет расширения поля участия «третьего сектора» в оказании услуг населению в социальной сфере, их вклад в социальную политику и, как следствие, формирование нового социального дизайна современной России. Автором исследован лидерский потенциал и гражданская активность руководителей СОНКО. Подтверждается выдвинутая автором гипотеза: СОНКО становится значимым агентом (ресурсом) для решения социально значимых задач, накапливает социальный капитал лишь при достижении достаточного уровня доверительных множественных субъектно-объектных институциональных отношений (донор–реципиент–ресурс, общество–власть–бизнес).

Ключевые слова: некоммерческие организации, социальный капитал, социальный дизайн, социальная политика, лидерство

Для цитирования: Милованова М.Ю. Социально ориентированные некоммерческие организации как агент социальных изменений и нового социального дизайна современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 74–84, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-74-84

© Милованова М.Ю., 2020

Socially oriented non-profit organizations
as an agent of social changes and new social design
in modern Russia

Marina Yu. Milovanova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
m_milovanova@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the role of socially oriented non-profit organizations (SONPOs) in the economy by expanding the field of participation of the “third sector” in the provision of services to the population in the social sphere, their participation in social policy and, as a result, the formation of a new social design in modern Russia. The author studied the leadership potential and civic engagement of SONPOs’ leaders. The hypotheses that had been put forward by the author are confirmed: SONPO becomes a significant agent (resource) for solving socially significant issues, accumulates social capital only when it reaches a sufficient level of trust-based multiple subject-object institutional relations (donor – recipient – resource, society – government – business).

Keywords: non-profit organizations, social capital, social design, social policy, leadership

For citation: Milovanova, M.Yu. (2020), “Socially oriented non-profit organizations as an agent of social changes and new social design in modern Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 74–84. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-74-84

Введение

В данной статье ставится задача проанализировать роль социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) в реализации социальной политики за счет расширения поля участия «третьего сектора» в оказании социальных услуг населению. По данным реестра Министерства юстиции РФ, в России зарегистрировано более 218 тыс. НКО (в 2016 г. – 223 тыс.), а штат основной части НКО не превышает пяти человек¹. Такие данные предопределяют исследовать лидерский потенциал и гражданскую

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.oprf.ru/files/1_2019dok/doklad_OPRF_2019_19122019.pdf (дата обращения 23 янв. 2020).

активность лидеров СОНКО, этих «героев нашего времени», своего рода «социальных пассионариев»².

Методика исследования

Новизна предлагаемой постановки и решения поставленной задачи определяется применением качественных методов исследования – кейсов с использованием биографического метода в отношении лидеров СОНКО, кейс-стади «Общественные объединения в публичной сфере» [Милованова 2019, с. 66–79], перечень которых был расширен для данной публикации: «Справедливая помощь» (Елизавета Глинка), приют для бездомных животных и списанных служебных собак «Гвардия» (Сергей Фокин), фонд «Нужна помощь» (Константин Хабенский), «Подари жизнь» (Чулпан Хаматова и Дина Корзун), «Обнаженные сердца» (Наталья Водянова), фонд «Вера» (Нюта Федермессер), «Не просто собаки» (Оксана Дубинина), «Лыжи Мечты» (Наталья Белоголовцева), «Баба-Деда» (Анастасия Лазибная), «Объединение и социальная поддержка женщин-мигрантов» (Ефросиния Гыштемульт), Gulagu.net (Владимир Осечкин), Фонд открытых проектов против насилия над женщинами (Попова Алёна), социальное предприятие Soccobello (Санджапова Гузель), «Международный союз пациентов» (Вострикова Ольга), Мама Астрахани (Галлиуллина Римма), Солнечный круг (Степанова Елена), Зебра (Екатерина Савина), Возрождение старинных промыслов Кемской Волости (Ольга Ягодина), Деловые люди (Ольга Косец), правозащитная ассоциация «Отцы и Дети» (Георгий Тюрин), Синие ведерки (Петр Шкуматов), Ночлежка (Григорий Свердлин), движение «ЭКА» (Татьяна Честина). Исследована сфера приложения активности лидеров в реализации программ и проектов СОНКО, в которой человек и социальные группы проявляют свое личное начало, выступают агентами необходимых общественных и экономических изменений, проявляют конструктивную социальную активность, взаимодействуют друг с другом, кооперируются, обучаются друг у друга, создают новые навыки и практики, сообщества, тем самым формируют новый социальный дизайн современной России. Их биографии, ценностные установки, на наш взгляд, отражают глубинные процессы внутри-гражданского сектора. Персонализированно через своих лидеров

² Действующие лица гражданского общества [Электронный ресурс]. URL: <https://grans.hse.ru/data/2016/04/22/1130215476/Na-14.1%20Кот.pdf> (дата обращения 14 марта 2020).

СОНКО включены в диалектическое противоречивое сосуществование – быть фундаментом гражданского общества и поставщиком социальных услуг.

Методологически применим институциональный подход к развитию ресурсов НКО, в рамках которого государство призвано создавать условия и инфраструктуру поддержки гражданского и делового участия, их включения в реализацию социальной политики [Баранова, Баранов 2013]. Качественные институциональные трансформации экономического уклада в России изменили модель социальной политики в целом [Волкова 2013, с. 5–11], на повестке дня востребованность социальной экономики с участием в ней не столько государства, сколько конкурентоспособных социально ориентированных хозяйствующих субъектов и граждан. Мы исходим из того, что социальная политика выступает регулятором всех социальных отношений, посредством которой происходит удовлетворение потребностей социального, материального и духовного характера, достигается равновесие, стабильность, целостность и динамизм в функционировании социальной системы, а также из ее понимания с позиции П. Сорокина как «учения о счастье, задачей которого выступает формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни человека» [Сорокин 1992]. Мы рассматриваем гражданское общество как жизненный мир [Хабермас 2000], следуем теории социологии жизни [Тощенко 2016]. Для оценки взаимодействия СОНКО и государства принципиальным становится положение Ю. Хабермаса о «системе, колонизирующей жизненный мир, действующей разрушительно», когда человек вынужденно реагирует, выстраивает новую сеть взаимоотношений, ищет баланс личных и общественных интересов, выстраивает равноправное взаимодействие лидеров со своими группами и с внешними структурами (государство, бизнес, СМИ, формальные и неформальные объединения граждан), накапливает социальный капитал. Под социальным капиталом понимается способность людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе, своего рода «социальный клей», явный дефицит которого мы сегодня испытываем. Термин «социальный капитал» введен в оборот Дж. Коулманом [Коулман 2001], получил развитие в трудах П. Бурдьё [Бурдьё 2002], Р. Патнэма [Патнэм 1996], Ф. Фукуямы [Фукуяма 2004]. Исходной для анализа стала классическая модель социального капитала: Донор – Реципиент – Ресурс. Трудно поспорить с тем, что в настоящее время отсутствуют надежные эмпирические индикаторы, достоверно свидетельствующие о степени солидарности российского общества.

Поэтому сошлемся на исследовательский проект «Ценностная солидаризация и общественное доверие в России» и предложенные индексы, которые приняты во внимание при применении биографического метода: индекс потенциала кооперации как показатель, интегрально отражающий готовность респондента к взаимодействию с другими людьми; социальная валентность как способность индивида к образованию социальных связей (и возможное число таких связей) и ценностная солидаризация³. Для оценки лидерского потенциала СОНКО, их проектной деятельности хороша коммуникативная модель Ю. Хабермаса [Хабермас 2000], а глобальные трансформации информационного общества все более притягивают внимание исследователей к сетевым возможностям для формирования социального сознания и образа посткапиталистического будущего на основе общечеловеческих ценностей путем информационного влияния культурного сетевого ядра [Сазанов 2018]. Нельзя не учитывать и мнение А. Турена, что с возвращением «человека действующего» все более усиливается поиск отношений несоциальных, межперсональных или желание создать объединения, задуманные как защитные убежища в уплотняющейся социальной сети. Если маргинальность долго рассматривалась как неуспех интеграции, то теперь она становится знаком оппозиции, лабораторией, где формируются новая культура и контрпроект общества [Турен 1998, с. 10]. Согласимся с выделенным Э. Бауманом тезисом У. Бека, что

с углублением пропасти между властью и политикой – между возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках суверенного государства. Исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую неимоверно сложную задачу.

И далее,

каждому теперь нужно искать, находить и воплощать собственные решения порождаемых обществом проблем, используя свои собственные знания, навыки и ресурсы. Улучшение общества перестало быть

³Ценностная солидаризация и общественное доверие в России [Электронный ресурс] // Исследовательская группа «Циркон». Представление результатов исследования. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/index> (дата обращения 23 янв. 2020).

целью; целью стало улучшение индивидуальной позиции внутри не подавшегося никакому исправлению общества. Вместо коллективного вознаграждения за участие в социальных реформах каждому надлежит отстаивать свою добычу в борьбе с соперниками [Бауман 2019, с. 24].

Роль СОНКО в социальной политике и раскрытии лидерского потенциала личности

Обозначим произошедшие институциональные изменения в механизмах и инструментах для развития СОНКО. Со стороны государства стали предоставляться субсидии НКО и НПО из федерального бюджета по результатам конкурсного отбора и наличия соглашения между социально ориентированной НКО и Министерством экономического развития⁴. С 2012 по 2018 г. укрепились позиции Фонда Президентских грантов (создан в 2006 г.). Это стало следствием принятия Госдумой закона об «иностранных агентах», ограничивший для НКО возможность получать деньги из-за рубежа, стала ежегодно возрастать финансовая поддержка НКО со стороны данной ресурсной организации. Так, в 2013 г. на проведение конкурса и грантовую поддержку его победителей выделено 2,3 млрд руб., за 2017 г. 3213 победителей получили поддержку на общую сумму 6,6 млрд руб., по итогам 2018 г. 3573 проекта профинансированы на 7,8 млрд руб.⁵ С 1 января 2017 г. НКО получили право на статус «исполнителя общественно полезных услуг», утверждены правила ведения соответствующего реестра и определены органы власти, которые будут оценивать качество оказания «общественно полезных услуг». Власть позаботилась о критериях для вхождения в вышеупомянутый реестр: общественно полезная услуга должна быть строго из перечня, утвержденного правительством, оказывается СОНКО на протяжении определенного периода, и эти услуги должны быть надлежащего качества. Показатели настолько высоки, что

⁴ Федеральный закон № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» и Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2016 года № 1096 [Электронный ресурс] // ИПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения 23 янв. 2020).

⁵ Фонд президентских грантов [Электронный ресурс] // Президентские гранты. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения 15 янв. 2019).

спустя два года по состоянию на январь 2019 г. в нем значатся лишь 197 НКО⁶. Расширяются возможности репрезентации интересов СОНКО посредством информационных технологий – от перевода гражданской инициативы в плоскость законодательных практик⁷ до запуска масштабных краудфандинговых платформ⁸, а также социальных технологий «фонды фондов»⁹, интеллектуальное волонтерство¹⁰.

Отметим, что государство инвестирует в активистское ядро СОНКО, как агент изменений, на фоне общего низкого уровня гражданского участия. По данным социологического исследования «О насущных вопросах нашей жизни», проведенного Институтом социологии РАН осенью 2016 г., 75,7% от числа опрошенных не принимают участия в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ, 7% принимают участие в сообществах соседей по благоустройству окружающей территории, товариществах собственников жилья (ТСЖ), 6,4% – в деятельности профсоюзов, 5,4% – в Интернет-сообществах по интересам (ЖЖ-, Facebook-группы), 5,1% помогают благотворительным организациям (помощь инвалидам, больным детям), 4,2% состоят в молодежных и студенческих объединениях¹¹. Отношение населения в целом к данному сектору скептическое, что отражается на вовлеченности в работу НКО, которая остается низкой.

⁶Выступление начальника управления Президента РФ по общественным проектам Сергея Новикова, 15 января 2019 г. [Электронный ресурс] // Гайдаровский форум «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды». URL: <http://gaidarforum.ru> (дата обращения 16 янв. 2019).

⁷Российская общественная инициатива [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения 16 янв. 2019).

⁸Planeta.ru – крупнейшая российская краудфандинговая платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://planeta.ru> (дата обращения 16 янв. 2019).

⁹Фонд «Друзья» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.friendsfoundation.ru/about/struktura-fonda/> (дата обращения 16 янв. 2020).

¹⁰Платформа ProCharity [Электронный ресурс]. URL: https://procharity.ru/about_project/ (дата обращения 16 янв. 2020).

¹¹Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия. Всероссийский опрос населения. Исследование Института социологии РАН, проведенное по выборке в 1600 респондентов [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Seminar/Krugl_stol_Prezentatsiya_24_06_2014.pdf (дата обращения 15 нояб. 2018).

Полученные нами данные показывают, что актив гражданского общества – руководители и представители НКО, в первую очередь, надеются на себя, ближний круг людей, объединенных общей идеей. Второй ресурс – СМИ, а также стремительно растущая роль социальных сетей как коммуникативного ресурса и инструмента. Весомый показатель ресурсности имеют волонтеры и НКО-сообщества, муниципальная власть, опережающие государственную власть, что закономерно и позитивно. Далее – бизнес-организации, что скорее говорит о невысокой степени отзывчивости и социальной ориентированности деловых кругов. Зарубежные фонды в связи с приобретением статуса «иностранный агент» теряют и без того невысокий приоритет как ресурс (респонденты отмечали не более 5 ресурсов) [Милованова 2019, с. 66–79]. Применение качественных методов исследования гражданского сектора на примере СОНКО, их лидерского потенциала с применением биографического подхода позволило подтвердить выдвинутую гипотезу: СОНКО становится значимым агентом (ресурсом) для решения социально значимых задач, накапливает социальный капитал лишь при достижении достаточного уровня доверительных множественных субъектно-объектных институциональных отношений (донор – реципиент – ресурс, личность – общество – власть – бизнес), а также сформулировать следующие **выводы**:

- запрос на доверие по отношению граждан к государству и признание государством гражданского общества как равноправного партнера, а не только реципиента остается сверхактуальным (глобально и локально) для всех субъектов в поиске новых основ для социального государства, формирования социальной экономики и нового социального дизайна;
- в условиях либеральной экономики и неконкурентной политической системы, хроническом дефиците бюджетных расходов на образование, здравоохранение, культуру, растущего уровня бедности государство не столько выступает ресурсом, сколько само использует социально-активных граждан – членов СОНКО для реализации проблемных направлений социальной политики;
- гражданский сектор принимает минимизированную ресурсную (финансовую и инфраструктурную) поддержку государства, с меньшим упованием на государство как донора, рассчитывая на собственные силы при соблюдении единых для всех «правил игры», привлекая частные инвестиции;
- деятельность СОНКО инновационна и охватывает весь спектр актуальных социальных программ и проектов, кото-

- рая шире, чем то, что предлагает ему государство как поставщику общественно-полезных услуг;
- личные «истории жизни» лидеров СОНКО, сюжетные линии которых неповторимы, выводят персональные проблемы на уровень решения общественных задач и становятся мотивами для реализации новых социальных программ и проектов;
 - СОНКО развивают новую социальную технологию – социальную франшизу;
 - слагаемые успеха СОНКО зависят от личности и сформированной команды, людей, объединенных одной идеей, доверяющих друг другу (иные просто не приживаются);
 - вырос набор требований к профессионализму и компетенции кадров гражданского сектора, руководители СОНКО имеют опыт и возможность прохождения обучающих семинаров, тренингов, курсов для повышения компетенции;
 - выросла профессионализация кадров СОНКО, что отражается на эффективности PR, появлении узнаваемых медийных персон как лиц СОНКО;
 - лидеры СОНКО имеют чаще нейтральное или умеренное отношение к политике, гораздо важнее для них последовательная концентрация на решении проблем своей целевой аудитории;
 - характер взаимодействий НКО с властными структурами для результативности вариативен и гибок – от сотрудничества, взаимодействия до проявления конфронтации, противостояния, а иногда и конфликта, что не всегда оптимально и соответствует рационализации в стратегиях коммуникативного действия (по Ю. Хабермасу);
 - в деятельности СОНКО используются все четыре идеальных типа социального действия (по Ю. Хабермасу), возрастает динамика сетевого взаимодействия как основного канала коммуникации, создания доверительных площадок общения (Инстаграм, YouTube и Telegram каналы, их представительство есть в основных социальных сетях);
 - изменения в структурах занятости, разгосударствление социальных услуг закономерно привели в гражданский сектор образованных, предприимчивых и харизматичных лидеров, представляющих интеллектуальный класс, для которых «третий сектор» стал основой самосохранения и человеческого достоинства, самореализации и выработки альтернативных, инновационных подходов в решении актуальных социальных задач.

Литература

- Баранов, Баранова 2013 – *Баранов А.А., Баранова Г.В.* Социальная активность (опыт методологического анализа) // Вестник РГГУ: Серия «Социологические науки». 2013. № 2 (103). С. 233–242.
- Бауман 2019 – *Бауман З.* Ретротопия / Пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
- Бурдьё 2002 – *Бурдьё П.* Формы капитала / пер. с англ. М.С. Добряковой // Экономическая социология. Т. 3. 2002. № 5. С. 60–74.
- Волкова 2013 – *Волкова Н.С.* Государственное управление социальной сферой: состояние и модернизация // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 5–16.
- Коулман 2001 – *Коулман Д.* Капитал социальный и человеческий [Электронный ресурс] // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139. URL: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/22701.html> (дата обращения 23 янв. 2020).
- Милованова 2019 – *Милованова М.Ю.* Социально ориентированные НКО сквозь призму гендера: социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 66–79.
- Патнэм 1996 – *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. А. Захарова. М.: AdMarginem, 1996. 287 с.
- Сазанов – *Сазанов В.М.* Гипотеза культурного сетевого ядра и его формирование. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/notes/владимир-михайлович-сазанов/гипотеза-культурного-сетевого-ядра-и-его-формирования/1336012056465073/> (дата обращения 25 янв. 2020).
- Сорокин 1992 – *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество: Пер. с англ. // Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Тощенко 2016 – *Тощенко Ж.Т.* Социология жизни: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.
- Турен 1998 – *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. 89 с.
- Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 730 с.
- Хабермас 2000 – *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Сляднева. СПб.: Наука, 2000. 380 с.

References

- Baranov, A. and Baranova, G. (2013), "Social activity (experience of methodological analysis)", *RSUH/RGGU Bulletin "Sociological Sciences" Series*, vol. 2 (103), pp. 233-242.
- Bauman, Z. (2019), *Retrotopia* [Retrotopia], in Oberemko, O.A. (ed.), Silaeva, V.L. (transl. from Eng.), VCIOM, Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. (2002), "The forms of capital", Dobryakova, M.S. (transl. from Eng.), *Economic sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60-64.

- Coleman, J. (2001), "Social and human capital", *Social Sciences and Modernity*, no. 2, pp. 122-139 [Online], available at: URL: <http://ecsocman.hse.ru/ons/msg/22701.html> (Accessed 23 Jan. 2020).
- Fukuyama, F. (2004), *Doveriye: sotsial'nyye dobrodeteli put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity], transl. from English, AST, Moscow, Russia.
- Habermas, J. (2008), *Moral'noye soznaniye i kommunikatsionnoye deystviye* [Moral consciousness and communicative action], Sljadnev, D.V. (ed., transl. from German), Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Milovanova, M.Yu. (2019), "Socially oriented NPOs through the prism of gender. A sociological analysis", *Woman in Russian society*, vol. 4, pp. 66-79.
- Putnam, R. (1996), *Chto by demokratiya srabotala: grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italii* [To make democracy work. Civil traditions in modern Italy], Zakharov, A. (transl. from Eng.), Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Sazanov, V.M. "The hypothesis of the social cultural core and its formation" [Online], available at: URL: <https://www.facebook.com/notes/владимир-михайлович-сазанов/гипотеза-культурного-сетевого-ядра-и-его-формирование/1336012056465073/> (Accessed 25 Jan. 2020).
- Sorokin, P.A. (1992), *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society], Sogomonov, A.Yu. (ed.), transl. from English, Politisdat, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2016), *Sociology of life. Monograph*, JUNITI-DANA, Moscow, Russia.
- Turen, A. (1998), *The return of the acting person. An outline of sociology*, Moscow, Russia, p. 89.
- Volkova, N.S. (2013), "State management of the social sphere. State and modernization", *Journal of Russian Law*, vol. 7, pp. 5-16.

Информация об авторе

Марина Ю. Милованова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; m_milovanova@mail.ru

Information about the author

Marina Yu. Milovanova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; m_milovanova@mail.ru

Трудовые мигранты в России:
проблемы занятости
иностраннных трудовых работников

Ирина В. Воробьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vorobyova.irina@list.ru*

Аннотация. Трудовая миграция – одна из разновидностей миграции, которая приобретает все более широкое распространение. Неблагоприятная социально-экономическая, политическая ситуация ряда стран вынуждает их граждан искать возможность трудоустройства и заработка в других государствах. Особенности современного российского рынка труда иностранной рабочей силы являются, во-первых, приток низкоквалифицированных рабочих из бывших советских республик, во-вторых, рост числа неофициально и неформально занятых работников. Именно поэтому трудовая занятость мигрантов характеризуется нестабильностью, отсутствием или ограниченностью социальных гарантий, неопределенностью и усеченностью социального статуса. В настоящей статье особое внимание уделяется анализу использования рабочей силы без разрешительных документов, которая практикуется вне зависимости от желаний работников и в ущерб интересам трудовых мигрантов, отсутствию базовых социальных гарантий по обеспечению жильем, отпуском, медицинским обслуживанием и пр.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, неустойчивая занятость, неформальная занятость

Для цитирования: Воробьева И.В. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностраннных трудовых работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 85–95. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-85-95

Labor migrants in Russia. Issues of the foreign workers employment

Irina V. Vorob'eva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
vorobyova.irina@list.ru*

Abstract. Labor migration is a type of migration that is becoming more widespread. The unfavourable socio-economic and political situation in a number of countries forces their citizens to seek the employment and earnings in other countries. Features of the modern Russian labor market for foreign labor are, first, the influx of low-skilled workers from the former Soviet republics, and secondly, the growth in the number of unofficially and informally employed workers. That is why the employment of migrants is characterized by the instability, lack or limited social guarantees, uncertainty and truncation of social status. In this article, special attention is paid to the analyzing the use of labor without permits, which is practiced regardless the wishes of employees and to the detriment of the labor migrants interests, the lack of basic social guarantees for housing, vacation, medical care, etc.

Keywords: political protest, labor protest, protest behavior, precariat, informal employment

For citation: Vorob'eva, I.V. (2020), "Labor migrants in Russia. Issues of the foreign workers employment", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 85–95, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-85-95

Общая характеристика трудоустройственной миграции в РФ

Российская Федерация в течение долгих лет продолжает оставаться страной, привлекательной для мигрантов. Эксперты констатируют, в начале 2018 г. в России на постоянном или временном основании проживало свыше 10,7 млн иностранных граждан и лиц без гражданства (7,2% от общего населения России) [Неустойчивая занятость 2018, с. 226]. В 2019 г. численность мигрантов на территории РФ становится еще выше. По данным Министерства внутренних дел РФ, в период с января по сентябрь 2019 г. на миграционный учет было поставлено 14 940 455 человек (из них первично – 10 802 499), снято с миграционного учета – 12 189 896. При этом приток мигрантов во многом обусловлен трудовыми целями. Поиск работы в качестве цели приезда указали

4 252 536 мигрантов¹. По мнению экспертов, $\frac{2}{3}$ от общего числа мигрантов – люди, прибывающие в страну для постоянной или кратковременной работы [Ромодановский, Мукомель 2015, с. 5], при этом значительная их часть работает на условиях неформальной, неофициальной занятости. Точных данных статистики нет, и оценка численности трудовых мигрантов очень приблизительная.

Основная часть иностранной рабочей силы прибывает в РФ из стран ближнего зарубежья. По данным Росстата, в 2018 г. общая численность мигрантов, прибывших в Россию из стран СНГ, составила 510 994 человека, причем их основная часть из Украины (150 182 человека), Казахстана (72 141 человек), Узбекистана (55 378 человек) и Таджикистана (67 929 человек). В основном они концентрируются в городской местности².

Важной характеристикой иностранной рабочей силы на рынке труда любой страны является ее демографический состав. Из въехавших в Россию в 2018 г. (4 911 566 человек) мужчины составляют 2 336 039 человек, а женщины – 2 575 527. Среди трудовых мигрантов преобладают люди молодого и среднего возраста до 40 лет, из них в группах: 20–24 года – 588 941 человек, 25–29 лет – 580 524, 30–34 года – 610 419, 35–39 лет – 435 822³.

Примерно половина приезжающих в Россию мигрантов не имеет профессионального образования и может заниматься только неквалифицированным трудом. По данным Росстата, из всех прибывающих из стран СНГ 86 362 человека имеют высшее образование, 11 300 – неполное высшее, 118 533 – среднее профессиональное/среднее специальное образование, 109 166 – среднее общее, 22 831 – неполное общее, и более чем у 100 000 человек уровень образования не указан. Самый низкий уровень образования – среди респондентов из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии – среди выходцев из этих государств доля лиц со средним образованием и ниже составляет 63,3%⁴. Отсутствие такого важнейшего социаль-

¹ Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–сентябрь 2019 г. с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс] // МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/18630986/> (дата обращения 08 нояб. 2019).

² Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения 08 нояб. 2019).

³ Там же.

⁴ Там же.

ного капитала, как образование, приводит к неустойчивой занятости мигранта, которая проявляется в том, что он сразу не может претендовать на хорошее рабочее место, вынужден браться за любую невыгодную работу, как по условиям труда, так и по условиям оплаты, а в ряде случаев перебивается нестабильными случайными заработками.

Неустойчивость правового статуса иностранных трудовых работников

На иностранных работников распространяются положения трудового законодательства РФ. Официальное трудоустройство возможно по следующим основаниям: разрешение на работу, трудовой патент, трудовая деятельность в качестве индивидуальных предпринимателей. Кроме того, для трудовых работников из стран Таможенного союза действуют упрощенные правила трудоустройства, которые дают возможность работать без трудового патента и разрешения на работу и обеспечивают некоторые социальные гарантии.

Однако нормы российского права распространяются только на лиц, законно въехавших в страну в качестве трудовых мигрантов. Таким образом, исключается возможность его применения к нелегальным мигрантам, доля которых, по оценкам некоторых экспертов, превышает численность официально трудоустроенных иностранных работников.

Тем не менее эксперты констатируют, что часть работодателей зачастую предпочитает нанимать иностранных работников из числа граждан стран СНГ, легально въехавших в Российскую Федерацию, но не имеющих разрешения на работу или патента. Кроме того, значительная часть мигрантов продолжает работать без трудового договора, на условиях устной договоренности с работодателем.

Неустойчивое правовое положение трудовых мигрантов обусловлено тем, что отсутствие легального трудоустройства делает их статус уязвимым, лишая возможности получать хотя бы минимальные меры социальной защиты и поддержки, защиты своих трудовых прав. Работник-мигрант полностью попадает в зависимость от своего работодателя, который использует разные схемы эксплуатации, начиная от удлинения рабочей смены и несоблюдения режима и условий труда до открытых схем мошенничества, когда работнику не выплачивается заработная плата, не говоря уже о больничных, отпусках и пр. Вместе с тем

работодатели придерживаются позиции, что перевод работника на нелегальное или полуполегалное положение – вынужденная мера, поскольку при официальном найме иностранного работника со стороны государства на работодателей давят такие санкции, как увеличение налогов, проверки УФМС и т. д. При этом сам мигрант, не имея возможности выбирать и диктовать условия, вынужден соглашаться с предложенными условиями. Таким образом, трудовой мигрант буквально выдавливают из официального правового поля в сферу неформальной, нелегальной занятости. Но, с другой стороны, и сами мигранты соглашались на эти условия, пытаясь с помощью нелегальной занятости минимизировать экономические затраты, необходимые для официального трудоустройства.

Официальная процедура трудоустройства трудового мигранта предполагает приобретение патента, покупку полиса добровольного медицинского страхования, сдачу экзамена на знание русского языка и истории России – все это обходится в 20–30 тыс. руб. К этому стоит добавить стоимость билетов и расходы на проживание. Такую большую сумму затруднительно собрать людям, имеющим низкие зарплаты или вовсе неработающим. Часто, чтобы ее получить, люди берут займы у друзей, родственников или в кредитных организациях. Некоторые вынуждены хотя бы временно отказаться от официального статуса, чтобы минимизировать расходы. В дальнейшем наличие долговых обязательств сразу подталкивает трудовых мигрантов к поиску хоть каких-то источников дохода и заставляет быть менее разборчивыми и притязательными.

Получение правового статуса официальной трудовой занятости осложняется еще и тем, что значительная часть мигрантов плохо знает русский язык или вовсе не говорит на нем. До 80% мигрантов не могут с первого раза сдать экзамен по русскому языку, истории и основам законодательства России [Неустойчивая занятость 2018, с. 236]. Не имея возможности получить разрешительные документы на работу, многие из них вынуждены обращаться к нелегальным посредникам, в том числе по вопросам оформления разрешительных документов и постановке на миграционный учет. Тем самым в этой сфере продолжают расширяться нелегальные практики не только самого трудоустройства, но и нелегальной помощи в трудоустройстве и постановке на учет. Такое правовое положение формирует важнейшие показатели уязвимости статуса трудового мигранта: неустойчивость, нестабильность, негарантированность, социальную незащищенность.

Нестабильность социально-экономического положения трудовых мигрантов

Неустойчивое социально-экономическое положение трудовых мигрантов выражается в целом ряде показателей: гарантий и сроков занятости, формы и условий занятости, оплате труда.

Значительная часть иностранной рабочей силы работает на условиях нестандартной занятости (неформальной, неофициальной или полуофициальной, а то и вовсе нелегальной). Работодатели становятся выгодоприобретателями от нестандартной занятости, а издержки перекладываются на самих наемных работников. Для работников растет неопределенность, конкретизируемая в срочных договорах или вообще в отсутствии таковых. Официальной пропагандой на них же перекладывается ответственность за работу «за зарплату в конвертах», так как они на нее согласились, т. е. в конечном итоге наемные работники «сами виноваты» [Анисимов, Касьянова 2018, с. 19]. В свою очередь, государство недополучает налоги, а в качестве «бонуса» происходит развитие «теневого сектора экономики».

Как уже говорилось ранее, значительная часть трудовых мигрантов – люди молодые. Многие из них приезжают в РФ сразу после окончания школы и, как следствие, не имеют ни профессионального образования, ни опыта работы. Из этого проистекают невозможность найти хорошую работу и должность, низкое качество выполнения работы, дешевизна рабочей силы и сформированное в общественном сознании мнение о гастарбайтерах как о низкоквалифицированных, некомпетентных специалистах, неспособных к качественной работе. В отношении трудовых мигрантов сложилась устойчивая оценка, колеблющаяся от снисходительности до негатива, многие видят в этой группе противоправную и преступную опасность. В большинстве своем граждане России разделяют позицию, что мигранты берутся за работу, от которой отказываются местные жители, и просят за нее меньше, чем россияне. Около 40% полагают, что мигрантов надо брать только на низкоквалифицированную работу. Совсем немногие говорят о том, что мигранты нужны на видах работ, требующих высокой квалификации (врачи, ученые, преподаватели и т. п.)⁵. Помимо этого, дешевая иностранная

⁵ Отношение к трудовым мигрантам [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Опрос граждан РФ от 18 лет. 23 сентября 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14114> (дата обращения 08 фев. 2019 г.).

сила, которую можно эксплуатировать без соблюдения социальных гарантий и условий труда, создает конкуренцию отечественным работникам и формирует предпосылки к неустойчивой занятости и для российских граждан. От 40 до 55% россиян (в зависимости от места проживания) согласны с утверждением, что мигранты отбирают рабочие места у граждан страны, а 70% согласны с предложением об ограничении притока мигрантов⁶.

Нестабильное и краткосрочное трудоустройство приводит к тому, что у трудовых мигрантов часто меняется не только место работы, но и сама сфера трудовой деятельности. По оценкам экспертов, в большинстве случаев трудовая занятость мигрантов в России не соответствует той, которой они занимались на родине. Не более чем 10–15% мигрантов удается занять рабочие места, в большей мере соответствующие их уровню квалификации и образования [Варшавская, Денисенко 2014, с. 72–73]. Кроме того, экономическая необходимость заставляет людей хвататься за любую деятельность (строительство, уборка, транспортные услуги и пр.), даже не имея при этом достаточных навыков. А частая смена работы и вида деятельности приводит к тому, что человек лишен времени и возможности достигнуть хоть какого-то уровня профессионализма.

В настоящее время мы наблюдаем концентрацию иностранных работников в определенных видах экономической деятельности (торговле, строительстве, ЖКХ, транспорте), что свидетельствует о постепенном формировании особого (во многом «мигрантского») сегмента рынка труда [Варшавская, Денисенко 2014, с. 73].

Важным вопросом остается и то, что иностранные трудовые работники лишены многих (а работающие неофициально – практически всех) мер социальной защиты и поддержки со стороны государства и работодателя. Например, происходит ущемление прав в сфере пенсионного обеспечения. Большинство трудовых мигрантов после завершения работы в России возвращаются домой до наступления пенсионного возраста. При этом уплачиваемые ими или работодателем взносы в Пенсионный фонд остаются в стране трудоустройства, а период трудовой деятельности в России не засчитывается в трудовой стаж [Неустойчивая занятость 2018, с. 232].

Отдельного внимания заслуживают социально-бытовые условия проживания мигрантов: эксперты отмечают скудность

⁶ Отношение к трудовым мигрантам [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». Опрос граждан РФ от 18 лет. 23 сентября 2018 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14114> (дата обращения 08 фев. 2019 г.).

проживания, при которой в однокомнатной квартире могут проживать до 5–10 человек, многие живут там же, где работают – на рынках, стройках и пр. Даже легально трудоустроенные мигранты слабо осведомлены о своем праве на получение в России полиса обязательного медицинского страхования (ОМС). При этом о наличии у себя платной медицинской страховки заявили только 13% респондентов⁷. Как в настоящий момент осуществляются режим самоизоляции и социального дистанцирования, обращения за медицинской помощью в среде проживания трудовых мигрантов, не вполне понятно. Данные официальной статистики на этот счет фрагментарны и не позволяют видеть картину полностью.

У многих, кто приезжает работать в Россию на длительный срок без детей и семьи, происходит разрыв социальных связей: распадаются браки, дети растут практически без участия одного из родителей, а иногда и вовсе на воспитании одних бабушек и иных родственников.

Эти особенности, характеризующие труд мигрантов, позволяют исследователям отнести их к части нового социального класса – прекариата, поскольку прекарность труда мигрантов проявлялась в отсутствии гарантий по обеспечению жильем, необходимыми условиями для повседневной жизни, что получало справедливую оценку их труда как полурабов [Тощенко 2018, с. 176].

В условиях пандемии 2020 г. и принятых государством мер по закрытию границ и самоизоляции положение иностранной рабочей силы становится еще более сложным. Вернуться домой могут далеко не все: у кого-то нет денег на обратную дорогу, многие страны закрыли границы из-за вспышки коронавируса. Традиционные «мигрантские» сферы занятости (торговля, строительство, сфера услуг) в результате закрытия пострадали больше всего. Неформальная занятость не позволяет работникам рассчитывать на меры официальной поддержки и ставит их в полную зависимость от порядочности и возможности работодателя. Находясь в ситуации вынужденного трудового простоя, отсутствия денег и не имея возможности вернуться домой, трудовые мигранты, особенно из так называемой «большой тройки» – Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, вполне могут встать на путь грабежей и погромов. Этого серьезно опасаются эксперты, в том числе работающие с мигрантами «на земле», в прямом контакте. Так, глава Федерации

⁷ Петров А. Нелегалы зарабатывают меньше [Электронный ресурс] // Российская газета – Неделя – Киргизия № 7761 (3). URL: <https://rg.ru/2019/01/10/tret-trudovyh-migrantov-iz-kirgizii-hotela-by-ostatsia-zhit-v-rossii.html> (дата обращения 11 фев. 2019).

мигрантов России Вадим Коженов считает, что «если безработные мигранты не уедут из России, рост криминала будет взрывной»⁸.

Многие общественные деятели призывают государство к раздаче продуктовых наборов или выплатам пособий по безработице таким категориям. Однако в сложившихся обстоятельствах подобные инициативы не находят поддержки не только во властных структурах, но и среди рядовых россиян. Реализация таких мер может привести к серьезному недовольству со стороны граждан России, многие из которых сами находятся в не менее сложном положении, и помощь от государства иностранцам может рассматриваться как невнимание и даже оскорбление граждан своей страны. 18 апреля 2020 г. Президент РФ подписал Указ № 274 от 18.04.2020 г. «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан в России в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции (COVID-19)»⁹. В документе сказано, что с 15 марта по 15 июня 2020 г. будет приостановлено течение сроков действия многих разрешительных документов (виза, разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение на работу, патент на работу, разрешения на привлечение и использование иностранных работников), истекающих в обозначенный период. Будут ли эти меры достаточны, если не для поддержки, то хотя бы для предотвращения серьезных волнений, пока непонятно.

Выводы

Сложившиеся обстоятельства в трудовой сфере в условиях экономического кризиса вряд ли будут способствовать консолидации общества. Можно предположить, что в условиях, когда приостановили работу и разорились множество предприятий, отношение к мигрантам будет еще более негативным. А конкуренция за рабочие

⁸ Президент Федерации мигрантов Вадим Коженов: Если безработные мигранты не уедут, рост криминала будет взрывной [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 14.04.2020 г. URL: <https://www.kp.ru/daily/27117/4197954/> (дата обращения 11 фев. 2019).

⁹ Указ Президента РФ № 274 от 18.04.2020 г. «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан в России в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс] // Мигрант Медиа.ру. URL: <https://migrantmedia.ru/migracionnoe-zakonodatelstvo-rf/ukaz-prezidenta-rossii-ot-18-04-2020-n-274-o-merakh-po-uregulirovaniyu-pravovogo-polozheniya-migrantov-v-koronavirus/> (дата обращения 25 апр. 2020).

места позволит работодателям еще более усиливать эксплуатацию наемного труда, заставляя соглашаться на все более невыгодные условия. Это может распространяться как на иностранных работников, так и в отношении собственных граждан. Для многих россиян настоящий экономический кризис может стать фактором, вынуждающим занять те трудовые места, которые ранее занимали мигранты.

Статья выполнена в рамках гранта «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» Российского научного фонда, грант № 18-18-00024.

This work was supported by Russian Science Foundation, project “The precariat: a new phenomenon in the socio-economic structure of society”, no. 181800024.

Литература

- Анисимов, Касьянова 2018 – *Анисимов Р.И., Касьянова Е.А.* Эффективность государственного регулирования нестандартной занятости в Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 9–22.
- Варшавская, Денисенко 2014 – *Варшавская Е.Я., Денисенко М.Б.* Мобильность иностранных работников на российском рынке труда // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 63–73.
- Неустойчивая занятость 2018 – Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивания и вектор сокращения: научная монография / гл. науч. ред. В.Н. Бобков. М.: КНОРУС, 2018. 342 с.
- Ромодановский, Мукомель 2015 – *Ромодановский К.О., Мукомель В.И.* Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 5–17.
- Тощенко 2018 – *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу: Монография. М.: Наука, 2018. 350 с.

References

- Anisimov, R.I. and Kas'yanova, E.A. (2018), *Effektivnost' gosudarstvennogo regulirovaniya nestandardnoi zanyatosti v Rossiiskoi Federatsii* [Effectiveness of state regulation of non-standard employment in the Russian Federation], *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies"* Series, vol. 2 (12), pp. 9-22.

- Bobkov, V.N. (ed.) (2018), *Neustojchivaja zanjatost' v Rossijskoj Federacii: teorija i metodologija vyjavlenija, ocenivanija i vektor sokrashhenija: nauchnaja monografija* [Unstable employment in the Russian Federation. Theory and methodology of identification, assessment and an vector of reduction. Scientific monograph], KNORUS, Moscow, Russia.
- Romodanovskii, K.O. and Mukomel', V.I. (2015), *Regulirovanie migracionnyh processov: problemy perehoda ot reaktivnoj k sistemoj politike* [Regulation of migration processes. Problems of transition from a reactive to a systemic policy], *Social Sciences and modernity*, vol. 5, pp. 5-17.
- Toshhenko, Zh.T. (2018), *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu. Monografija* [Precariat: from a proto-class to a new class. Monograph], Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Varshavskaya, E.Ya. and Denisenko, M.B. (2014), *Mobil'nost' inostrannyh rabotnikov na rossijskom rynke truda* [Mobility of foreign workers in the Russian labor market], *Sociological Studies*, vol. 4, pp. 63-73.

Информация об авторе

Ирина В. Воробьева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vorobyova.irina@list.ru

Information about the author

Irina V. Vorob'eva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; vorobyova.irina@list.ru

Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание

Андрей А. Хохлов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, hohlov@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема распространения конспирологических представлений в социальных сетях и в СМИ в связи с эпидемией COVID-19 в Российской Федерации. Дается краткий обзор наиболее известных научных подходов к исследованию неконвенциональных концепций и различных «теорий заговора». Особое внимание обращается на связь теорий заговора с постмодернистскими идеями и критическим отношением к любой официальной информации из авторитетных источников. Подчеркивается, что равенство высказываний, на котором настаивали сторонники постмодернизма, ведет к увеличению информационного шума и размыванию границ между фактом и вымыслом. Современная конспирология – это реакция аудитории на алармизм в публикациях официальных СМИ. Отмечается рост подобных представлений в условиях кризисов, катастроф и эпидемий. Предпринята попытка выявить типичные конспирологические версии причин эпидемии коронавируса в российском сегменте социальной сети Фейсбук. В статье факт роста популярности «альтернативных теорий» исследуется в контексте социальных страхов россиян, в связи с углублением экономического кризиса и перспективой потерять работу. Рост конспирологических идей анализируется в связи с феноменом медиавоздействия на общественное сознание. Функции современных медиа определяются постепенным замещением социальной реальности медиарельностью, которая тиражирует симулякры, а не занимается только информированием. В статье констатируется достаточно сильное влияние материалов средств массовой информации на потребителей новостного контента, что является одной из причин распространения теорий заговора в различных группах и сообществах медиапользователей.

Ключевые слова: неконвенциональные концепции, конспирология, инфотеймент и сайентеймент, медиавоздействие, эффекты медиавоздействия, моральная паника, виртуализация, симулякр

Для цитирования: Хохлов А.А. Конспирологические теории как феномен медиавоздействия на общественное сознание // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 96–104. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-96-104

Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness

Andrey A. Khokhlov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
hohlov@rggu*

Abstract. The article deals with an issue of spreading conspiracy ideas in social networks and in the media, in connection with the COVID19 epidemic in the Russian Federation. A brief overview of the most well-known scientific approaches to the study of non-conventional concepts and various “conspiracy theories” is given. Special attention is paid to the connection of conspiracy theories with postmodern ideas and a critical attitude to any official information from authoritative sources. It is emphasized that the equality of statements, which was insisted on by the postmodernism, supporters, leads to an increase in information noise and blurring the boundaries between fact and fiction. Modern conspiracy theory is the audience’s reaction to alarmism in official media publications. There is an increase in such perceptions in the context of crises, catastrophes and epidemics. An attempt is made to identify the typical conspiracy versions of the causes for the coronavirus epidemic in the Russian segment of the social network Facebook. The article examines the fact of the growing popularity of “alternative theories” in the context of social fears of Russians, in connection with the deepening economic crisis and the prospect of losing their jobs. The growth of conspiracy ideas is analyzed in connection with the phenomenon of media influence on public consciousness. The functions of modern media are determined by the gradual replacement of the social reality with that of media replicating the simulacra, and which is not only engaged in informing. The article states that the influence of media materials on consumers of news content is quite strong, which is one of the reasons for the spread of conspiracy theories in the various groups and communities of media users.

Keywords: unconventional concepts, conspiracy theory, infotainment and scientainment, media impact, media effects, moral panic, virtualization, simulacra

For citation: Khokhlov, A.A. (2020), “Conspiracy theories as a phenomenon of media impact on public consciousness”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 96–104, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-96-104

Введение

Неконвенциональные методы объяснения реальности имеют ряд общих для всех теорий заговора особенностей. Прежде всего это следование бинарным оппозициям: свой–чужой, враг–жертва, усложненные объяснительные конструкции и обязательное наличие тайны в сюжете.

Некоторые авторы отмечают в конспирологических теориях следы апокалиптического мышления. Так, авторитетный исследователь теорий заговора Майкл Баркан пишет об «импровизационном миллениализме», определяя его как разновидность современной эсхатологии [Шнирельман 2016, с. 195].

Возможные причины устойчивости неконвенциональных представлений

Социолог Люк Болтански [Болтански, Хорхордин, 2020, с. 76] выделяет следующие возможные причины популярности неконвенциональных теорий в различных сегментах общества:

во-первых, это протест обычных граждан против институционального господства элиты, включая ученых и публичных интеллектуалов;

во-вторых, люди привыкли к информации, содержащей недосказанность, отсылки к псевдонаучным источникам, к пропагандистским и рекламным сюжетам, искажающим реальные факты;

в-третьих, логика развития медиаиндустрии привела к широкому распространению качественно новых информационно-коммуникационных технологий, таких как инфотеймент и мокьюментари сюжеты.

Продолжая мысль Болтански, можно предположить, что конструирование реальности, которой занимаются современные медиа, в сознании потребителей контента ассоциируется с сознательным обманом, скрывающим настоящую реальность, что порождает моральную панику.

Моральная паника рассматривается как одна из форм массовых аффективных реакций, «объединенных общим или сходным проблематизируемым условием, как угрозой разрушения устойчивой системы нравственных норм и ценностей» [Ефанов 2017, с. 131].

О возрастающем воздействии медиа на общественную жизнь и формировании особой медиареальности, в которой протекает социализация индивида, писал еще Н. Луман [Луман 2005]. В опреде-

ленном смысле можно утверждать, что «объективная реальность» сегодня в значительной степени замещается медиареальностью.

Конспирологические версии COVID-19 в СМИ

В социальных сетях в Российской Федерации нагнетание тревоги началось в феврале–марте текущего года. При этом в распространении тревожных сведений участвуют граждане с медицинским образованием.

«Что будет дальше – пока неясно, ситуация меняется очень быстро. Но, кажется, ничего хорошего ждать не стоит»¹. По данным социологических служб, эпидемия коронавируса входит в ТОП-5 проблем, беспокоящих сейчас россиян².

Проведенный нами контент-анализ сообщений об эпидемии в русском сегменте социальной сети *Фейсбук* за период 16 марта – 16 апреля 2020 г. (выборка – 237 постов) позволяет сделать предварительный вывод о том, что отрицание эпидемии и другие конспирологические версии, связанные с COVID-19, источником своего происхождения имеют российские СМИ.

Самыми распространенными конспирологическими сюжетами в социальной сети *Фейсбук* за исследуемый период можно назвать следующие версии:

- коронавирус объясняется неудачными испытаниями биологического оружия в Китае: 16 упоминаний из 237 сообщений в русскоязычном сегменте ФБ;
- эпидемия – часть неконвенциональной войны США против Китая: 32 упоминания;
- коронавирус – это обман, в действительности его нет; власти нам врут: 24 поста;
- власти РФ выдают обычную сезонную эпидемию ОРВИ за опасный коронавирус, чтобы ограничить наши права: 19 сообщений;
- вспышка заболевания была вызвана мигрантами, и сейчас мигранты распространяют вирус на территории ЕС, а рос-

¹ Yakutenko [Электронный ресурс] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/581494799/posts/10158016486349800/?d=n> (дата обращения 20 марта 2020).

² Бремя самоизоляции [Электронный ресурс] // GfK Москва, 16.04.2020. URL: <https://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/bremja-samoizoljacji/> (дата обращения 20 марта 2020).

сияне, которые заразились в Европе, развозят инфекцию по регионам РФ: 23 упоминания;

- данный вид вируса разработан в секретных лабораториях США по заказу «глубинного государства», и его испытывают на жителях разных стран: 11 сообщений;
- эпидемия является следствием вакцинации; нужно искать «народные рецепты» против инфекции: 20 постов;
- нынешняя эпидемия – это начало Божьего наказания за грехи человеческие: 8 упоминаний.

Следует заметить, что альтернативные версии о происхождении COVID-19 являются глобальным трендом в медийной мировой повестке.

Как только Дональд Трамп назвал вирус «китайским», сразу же представитель МИД КНР заявил, что COVID-19 похож на биологическое оружие направленного действия, которое используют враги Китая³. Сходные слухи – только с намеками на других «злодеев» – появились и в российских СМИ.

Фармакологический сюжет явно в аутсайдерах – всего 10 сообщений⁴.

Несмотря на тот факт, что о расшифровке генома COVID-19 неоднократно сообщалось в мировых СМИ, конспирологические версии происхождения вируса продолжают транслироваться достаточно авторитетными людьми⁵.

Рукотворный характер коронавируса обсуждается и в сетевых российских изданиях⁶, и в федеральных СМИ⁷.

³ Китай начал пропагандировать версию о том, что коронавирус создали США. Это похоже на фейк [Электронный ресурс] // BBC. 16.03.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-51882337> (дата обращения 20 марта 2020).

⁴ Рувинский В. Коронавирусная теория заговора [Электронный ресурс] // Ведомости от 19.03.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/03/20/825733-koronavirusnaya-teoriya> (дата обращения 20 марта 2020).

⁵ Картина мира с Михаилом Ковальчуком [Электронный ресурс] // ТК «Культура» URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/63741/episode_id/2252057/video_id/2280778/ (дата обращения 25 апр. 2020).

⁶ Коронавирус изготовили в лаборатории – бывший агент ЦРУ [Электронный ресурс] // ИА «Реалист»: URL: <http://realtribune.ru/news/news/3791>. 21.04.2020. 19:12 (дата обращения 25 апр. 2020).

⁷ Пашева Ю. Коронавирус: биологическая война США против России и Китая [Электронный ресурс] // Красная Звезда. 29.01.2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20201291341-AfM0x.html> (дата обращения 20 марта 2020).

Версия представителя военного ведомства одной из исламских стран о том, что нынешний вирус – это оружие, мгновенно превратилась в «бродячий конспирологический сюжет»⁸.

Теории заговора в их классическом виде сегодня активно используются в информационных войнах как эффективный политический инструмент.

Аудиторию практически подталкивают к конспирологическим объяснениям неясной ситуации с эпидемией, высказывая предположение о том, что китайцы скрывают информацию о количестве жертв инфекции⁹ или о причастности России к тиражированию фейков о вирусе¹⁰.

Роль СМИ в конструировании медиареальности

В определенной степени проблемы эпидемии, транслируемые СМИ, имеют все черты виртуальности. В ряду отличительных особенностей виртуальности отмечаются три ее основных свойства: нематериальность воздействия, условность параметров и эфемерность [Бергер, Лукман 1995]. Виртуализацию реальности можно понимать как целенаправленное масштабирование иллюзий.

Иллюзии, будучи триггером коллективных представлений, способствуют формированию особой логики отношения к фактам и событиям. Так, еще Г. Лебон писал о галлюцинирующих толпах, сознание которых стирает несоответствия и дополняет реальность вымыслом [Лебон 1998, с. 22]. В случае с эпидемией COVID-19 на коллективное сознание оказывается стимулирующее медиавоздействие.

Российский социолог Жан Тощенко разработал концепт «кентавризма» для анализа парадоксальности в развитии российского

⁸ *Yaghoub Fazeli*. Coronavirus may be US 'biological attack': IRGC head Hossein Salami [Электронный ресурс] // Al Arabiya. Thursday 05 March 2020. 16.04.2020 URL: <https://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2020/03/05/Coronavirus-may-be-US-biological-attack-IRGC-head.html> (дата обращения 20 марта 2020).

⁹ Китай победил коронавирус? Что не так в официальных заявлениях Пекина [Электронный ресурс] // BBC 08.04.2020 URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51374460> (дата обращения 20 марта 2020).

¹⁰ *Брод У.* Долгая война Путина против американской науки [Электронный ресурс] // Инопресса. 21.04.2020 URL: <https://www.inopressa.ru/article/14apr2020/nytimes/science.html> (дата обращения 20 марта 2020).

общества [Тощенко 2011, с. 208]. Симуляционные конструкты реальности, транслируемые отечественными медиа, являются в какой-то степени подобными «кентаврами» в информационном пространстве.

Эффекты и эффективность медиавоздействия

Эффективность медиавоздействия обусловлена различными факторами, среди которых следует выделить: степень восприимчивости аудитории к медиасообщениям, уровень эрудированности, внимательность и готовность потреблять новостной контент [Дубова 2016, с. 220].

В научной литературе традиционно отмечают кратковременные и долговременные эффекты. Однако нет достаточных оснований полагать, что индивиды продолжают верить в симулякр и после того, как медиавоздействие заканчивается.

После распада СССР полностью изменились форматы и идеология медиаконтента. Появилась концепция инфотеймента – развлекающая, сообщающая. Эта концепция исходит из гипотезы о том, что аудитория СМИ легче усваивает информацию, если медиасообщение подается в игровой, развлекательной форме. Сюда же можно отнести и практику сайентеймента и различных инсценировок, например фильмы: «Первые на Луне» или «Плесень и гены против нас».

Вполне вероятно, что к этому перечню особенностей современного телевидения можно добавить и привычку зрителей стараться в любом важном сообщении искать скрытые подтексты, «второе дно». Эта привычка осталась у людей от советских времен, когда скрытая ирония и смыслы, «защитые» в подтекст сюжета, позволяли аудитории выявлять факты в море откровенной дезинформации. Вот эта старая традиция отличать «реальность» от «действительности» в условиях информационного шума способствует формированию у граждан альтернативных концепций причин эпидемии.

Сама суть деятельности СМИ, как считал Н. Луман, «состоит в непрерывном порождении и переработке раздражений, а не в умножении познания, социализации или прививании нормативного конформизма» [Луман 2005, с. 152]. Налицо сознательная попытка конструирования моральной паники. Следует заметить, что подобные медийные технологии применялись и в других обстоятельствах, например при освещении проблемы ВИЧ в Российской Федерации [Ефанов 2017, с. 131].

Массированное воздействие медиаконтента на психику способствует искажению оптики и препятствует адекватному восприятию информации о коронавирусной эпидемии в различных аудиториях. В результате граждане начинают воспринимать поступающие из медиаисточников медицинские, экономические и социально-политические новости в конспирологическом ключе.

Заключение

Проведенный анализ медиасообщений и постов пользователей *Фейсбук* о COVID-19 позволяет сделать вывод о том, что главными источниками конспирологических версий, имеющих отношение к нынешней мировой эпидемии, являются СМИ и многочисленные публичные фигуры, распространяющие собственные мнения алармистского характера.

Активное использование медиаресурсов в манипулятивных целях создает условия для массового отрицания рациональных подходов к решению социальных проблем. А отрицание, в свою очередь, открывает путь к бурному «цветению» всевозможных теорий заговора.

Литература

- Бергер, Лукман 1995 – *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 334 с.
- Болтански, Хархордин 2020 – *Болтански Л., Хархордин О.* Задача политики выразить словами то, что в жизненном опыте ускользнуло от сконструированной реальности // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 1. С. 74–84.
- Дубова 2016 – *Дубова Ю.* Проблематика медиавоздействия: современные подходы и теоретические положения // Таврический научный обозреватель. 2016. № 11 (16). С. 219–226.
- Ефанов 2017 – *Ефанов А.А.* Эпидемия ВИЧ: Социальная проблема или новая моральная паника? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 37. С. 130–138.
- Лебон 1998 – *Лебон Г.* Психология масс. Хрестоматия / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара, 1998. 592 с.
- Луман 2005 – *Луман Н.* Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
- Тощенко 2011 – *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011. 552 с.
- Шнирельман 2016 – *Шнирельман В.* Александр Дугин: возведение моста между эсхатологией и конспирологией // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 194–221.

References

- Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge], Moscow, Russia.
- Boltanski, L. and Kharkhordin, O. (2020), "The task of politics is to put into words what has escaped the constructed reality in life experience", *Sociologicheskoye obozreniye*, T. 19, no. 1, pp. 74-84.
- Dubova, Yu. (2016), "Problematics of the media-interaction. Modern approaches and theoretical provisions", *Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel'*, vol. 11 (16), pp. 219-226.
- Efanov, A.A. (2017), "AIDS epidemic. A social issue or a new moral panic?", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 37, pp. 130-138.
- Lebon, G. (1998), *Psikhologiya mass: Khrestomatiya* [Mass psychology. Anthology], Raigorodskii, D.Ya. (ed.), Samara, Russia.
- Luman, N. (2005), *Realnost' massmedia* [The reality of the massmedia], Praxis, Moscow, Russia.
- Toshenko, Zh.T. (2011), *Kentavr-problema. Opyt filosofskogo i sotsiologicheskogo analiza* [The centaur is a problem. An experience in the philosophical and sociological analysis] Novyi khronograf, Moscow, Russia.
- Shnirel'man, V.A. (2016), "Alexander Dugin. Building a bridge between eschatology and conspiracy", *Gosudarstvo, religia, czercov v Rossii I za rubezhom* [State, religion, and Church in Russia and abroad], vol. 4, pp. 194-221.

Информация об авторе

Андрей А. Хохлов, кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; hohlov@rggu.ru

Information about the author

Andrey A. Khokhlov, Cand. of Sci. (Sociology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; hohlov@rggu.ru

Особенности потребительского поведения подростков: социологический анализ

Надежда В. Солодникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nadia.v.solodnikova@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности потребительского поведения российских подростков (наличие, объем карманных денег, их источники, основные регулярные траты и т. д.), частично в сравнении с зарубежными данными. У около половины подростков уже есть сформированные потребительские установки, не реализуемые в связи с недостаточным количеством карманных денег. В числе наиболее популярных категорий товаров находятся цифровая техника (смартфон, наушники, плеер и т. д.), подарки друзьям и/или родственникам, а также одежда и/или обувь. Интересы девушек в этой области более разнообразны и разнонаправлены (в числе прочих присутствуют гедонистические траты), в то время как юноши чаще упоминают желание купить машину, что можно расценивать как попытку соответствовать традиционной роли добытчика в семье. Приводятся результаты сконструированного «индекса потребительства» для целевой аудитории и его связей с социально-демографическими показателями родительской семьи подростка. В частности, в семьях с двумя детьми «индекс потребительства» выше, чем в среднем по выборке. Кроме того, этот показатель выше в семьях, где у одного или обоих родителей есть высшее образование.

Ключевые слова: потребительское поведение, подростки, «индекс потребительства»

Для цитирования: Солодникова Н.В. Социологическое исследование потребительского поведения российских подростков: социологический анализ // Вестник РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 105–118. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-105-118

The peculiarities of consumer behavior of teenagers. Sociological research

Nadezhda V. Solodnikova

*Russian State University for Humanities Moscow, Russia,
nadia.v.solodnikova@yandex.ru*

Abstract. Characteristics of consumer behavior of teenagers (availability/amount of pocket money, its sources, main categories of regular expenses, etc.), partly compared with foreign data, among Russian adolescents is reviewed in this article. About a half of teenagers already have well-formed consumer attitudes that cannot be made reality because of insufficient amount of pocket money. The top categories are digital equipment (smartphone, headphones, player, etc.), presents for friends and/or relatives and clothes/footwear. Females' interests are more diverse and heterodromous (among others, there are hedonistic spending) while males more often mention the wish to buy a car. It can be interpreted as a desire to fulfill a traditional role of a breadwinner in the family. The results of "consumerism index" for the target audience and its links to socio-demographic parameters of adolescents' family of origin are also reported. In particular, in families with two children, the "consumerism index" is higher than the average for the sample. And that index is also higher in families where one or both parents have higher education.

Keywords: consumer behavior, adolescents, "consumerism index"

For citation: Solodnikova, N.V. (2020), "The peculiarities of consumer behavior of teenagers. Sociological research", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 105–118, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-105-118

Введение

В последние годы в России растет интерес к вопросам финансовой грамотности населения, в том числе школьников. Так, Министерство финансов РФ выпустило сборник методических материалов для школ¹, таким образом стимулируя введение факультатива по финансовой грамотности в школах.

¹Образовательные программы для населения [Электронный ресурс] // Минфин. URL: <https://www.minfin.ru/ru/om/fingram/directions/programs> (дата обращения 04 сент. 2018).

Вопросы финансовой грамотности подрастающего поколения достаточно плотно связаны с вопросами его потребительской социализации как процесса становления компетентного участника финансового рынка. Потребительская социализация, в свою очередь, находится в сфере интересов западного научного сообщества достаточно давно – ее первое определение появилось в 1950-х гг. Его автором является Дж. Уорд (цит. по [Rhoedder-John 1999, р. 183]). За прошедшее время на основе этой дефиниции были разработаны несколько теоретических подходов, среди которых выделяют три основных (когнитивистский, бихевиористский, комбинированный) [Солодников, Солодникова 2018].

Помимо теоретического осмысления этого процесса западные ученые занимаются анализом эмпирических данных. Так, например, С. Ван, Ч. Ю и Ю. Вей изучают связь коммуникации через социальные сети с ровесниками по поводу товара и намерение его приобрести среди китайских пользователей [Wang, Yu, Wei 2012]; коллектив исследователей занимается изучением влияния типа родительства на потребительское поведение детей из нескольких стран [Rose, Dalakas, Kropp 2002]; К. Коди изучает процесс освоения роли самостоятельного покупателя девочками 11–12 лет [Cody 2013]. Кроме собственно научных исследований интерес к потребительской социализации школьников проявляют маркетинговые исследовательские агентства: например компания Statista показывает данные по объемам карманных денег и категориям трат среди школьников нескольких европейских странах (см. подробнее: [Солодников, Солодникова 2019]).

В России также проводятся маркетинговые исследования, касающиеся потребительской социализации (среди новейших – «Дети и финансы»² и «Дети и технологии»³ от компании НАФИ, синдикативное исследование «Новое поколение» компании Комкон).

В российской социальной науке в настоящее время преобладают публикации обзорного характера, опирающиеся преимущественно на зарубежный опыт (см., например: [Шайдакова 2011, Ткаченко 2016]).

В российских вузах социально-гуманитарного профиля читается ряд учебных курсов, содержание которых связано с особенно-

² Дети и финансы [Электронный ресурс] // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/deti-i-finansy/> (дата обращения 04 мая 2019).

³ Дети и технологии [Электронный ресурс] // Аналитический центр НАФИ. URL: <https://nafi.ru/projects/sotsialnoe-razvitie/deti-i-tehnologii/> (дата обращения 26 авг. 2019).

стями потребительского поведения детей (например, Рощина Я.М., Ибрагимова Д.Х., Кузина О.Е.⁴).

Российских социологических публикаций с использованием авторских эмпирических данных по этой теме немного. Так, Б.Г. Ребзуев и А.А. Савельева проанализировали ответы подростков 13–17 лет об уровне потребительских знаний, их связи с влиянием агентов потребительской социализации, мотивах потребления, уровне компетентности в вопросах потребления [Ребзуев, Савельева 2006]. Губанова А.Ю. и Колосова Е.А. выяснили, что современные родители начинают давать карманные деньги своим детям примерно в 10–11 лет; в 9 лет взрослые начинают спрашивать их мнение по поводу покупки одежды, к 13 – по поводу крупных покупок для дома [Губанова, Колосова 2019]. Е.А. Лопатина выделила 3 типа потребительского поведения подростков 11–15 лет (ситуативное, опытное, интуитивное) в зависимости от развитости потребительских практик [Лопатина 2016]. Н.В. Шайдакова, изучая демонстративное потребление молодых людей в возрасте 15–22 лет, выяснила, что девушки более склонны выражать социальный статус через демонстративное потребление и лучше разбираются в соответствующих знаках статуса, даже если не имеют возможности ими пользоваться [Шайдакова 2015]. Авторские интервью с московскими и европейскими подростками 10–15 лет показали, что юноши 13–15 лет (вне зависимости от страны проживания) склонны планировать крупные покупки, направленные на улучшение благосостояния семьи (при обсуждении потенциальных трат большой суммы денег). Московские подростки выказывают недоверие к банковским организациям, а европейские не планируют бросать работу даже при гипотетическом наличии крупной суммы [Солодникова, Солодникова 2019].

Исходя из вышесказанного, становится очевидным недостаточное эмпирическое изучение особенностей потребления подросткового поколения современных россиян.

В данной статье мы постараемся оценить некоторые особенности потребления и потребительских установок (что является особенностями процесса их потребительской социализации) современных российских подростков.

⁴Рощина Я.М., Ибрагимова Д.Х., Кузина О.Е. Социология потребления и финансового поведения населения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/01/26/1162937031/program-1699862769-59v3wFbSq1.pdf> (дата обращения 30 июля 2019).

Эмпирический объект и методика исследования

В исследовании приняли участие 442 респондента в возрасте 14–17 лет, из них 270 девушек и 172 юноши. Использовался анкетный очный письменный групповой (по месту учебы) опрос. Сбор данных проводился в Москве (№=25), Мытищах (№=91), Пушкино (№=41), Иваново (№=152) и Чебоксарах (№=93). Выборка целевая, нерепрезентативная, сформированная методом «снежного кома». Данные были собраны в ноябре-декабре 2018 года.

Кроме того, в этой статье мы будем использовать данные 23 полужформализованных интервью, проведенных в Москве со школьниками 14–17 лет, в качестве иллюстраций. Выборка была также целевой, нерепрезентативной, сформированной методом «снежного кома».

Результаты и их обсуждение

Большинство респондентов когда-либо получали карманные деньги (91%). По данным НАФИ (2015), эта цифра несколько ниже и составляет только 75%⁵. Такое различие можно объяснить некоторыми особенностями проведения обоих исследований. Во-первых, мы собирали данные методом личного интервью, НАФИ – через интернет. Во-вторых, наше исследование проводилось в 5 городах, в то время как НАФИ организовали опрос в городах с населением 250+ тыс. по всей России. В-третьих, НАФИ собирали данные в 2015 г., мы – в 2018-м, возможно, этот фактор также повлиял на различия в показателях.

Основным источником денег являются родители (мама – 86%, папа – 65%). Полученные данные сходны с результатами, полученными в 2013 г. компанией КОМКОН-2 в исследовании «Новое поколение»⁶ в группе 13–15-летних (90% респондентов получали

⁵ По выборке в целом (200 человек, юноши и девушки 14–17 лет из городов с населением 250 тыс.+).

⁶ Регулярное синдикативное репрезентативное исследование «Новое поколение»: целевая аудитория – дети 4–15 лет, за дошкольников на большую часть вопросов отвечали родители, школьники заполняли анкеты самостоятельно. Исследование проводилось 2 раза в год в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону и Самаре. Объем выборочной совокупности на полугодии составляет 1500 респондентов. Генеральная совокупность – 2 358 тыс. мам с детьми 4–15 лет, проживающих в городах с населением 1 млн+.

карманные деньги от родителей). Наши данные также подтверждаются результатами исследования по Ростовской области, проведенного Лопатиной Е.А. Среди подростков 11–15 лет, проживающих в Ростове-на-Дону и некоторых других городах области, 75% получают карманные деньги от родителей [Лопатина 2016].

В семьях с одним родителем только 13% отцов (обычно проживающих отдельно) дают деньги напрямую ребенку. Стоит отметить, что старшие сиблинги дают респондентам карманные деньги в 9% случаев. Более трети подростков (39%) получают деньги от бабушек и дедушек (этот показатель совпадает с данными КОМКОН-2). Результаты интервью показывают, что прадедушки дают деньги не так регулярно, но по особым случаям дарят достаточно крупные для респондентов суммы (обычно на День рождения или Новый год).

Основная часть школьников получает карманные деньги раз в неделю или чаще (73%). С возрастом доля подростков, получающих карманные деньги на *ежедневной основе*, снижается (43% среди 14–15-летних, 26% среди 16–17-летних).

Средняя сумма карманных денег в неделю составляет 865 руб. Зависимость от размера города проживания статистически не значима. По данным в Ростовской области, половина респондентов получает менее 200 руб. в неделю [Лопатина 2016]. Такую разницу можно объяснить различиями между регионами, в которых была собрана информация (в нашей выборке есть данные из Москвы, которая является городом с более высокими доходами населения, а также городов Подмосковья, в то время как Е.А. Лопатина собирала информацию в городах разного размера в пределах Ростовской области).

Количество денег закономерно и статистически значимо ($p \leq 0.1^7$) увеличивается с возрастом (662 руб. у 14–15-летних, 1262 руб. – у 16–17-летних). Данные «Нового поколения» демонстрируют сходную тенденцию: 10–13-летние получают 350 руб. в неделю, а 13–15-летние – уже 450 руб. Большинству подростков (80%) этой суммы хватает – вне зависимости от их пола, возраста и количества получаемых денег. Наш показатель даже выше, чем результаты опроса в Ростовской области Е.А. Лопатиной (55%) [Лопатина 2016]. Мы предполагаем, что настолько значительная разница связана в первую очередь с кризисом 2014 г. Данные Е.А. Лопатиной были опубликованы в 2016 г., соответственно, собраны в 2014–2015 гг., когда последствия кризиса ощущались

⁷ Статистическая значимость различий рассчитана по t-критерию Стьюдента.

особенно ярко. После резкого повышения курса рубля относительно доллара 55% россиян считали, что наиболее успешная тактика распоряжения деньгами в сложившихся обстоятельствах – снижение расходов и максимальное накопительство [Цыбикова 2010]. Эта схема, весьма вероятно, использовалась и при выделении денег детям на карманные расходы.

Опрошенные школьники на эти деньги *регулярно* покупают канцелярские товары, оплачивают интернет или мобильную связь (по 72%) и покупают еду в кафе (не в столовой) (70%). Е.А. Лопатина также получила сходные данные: основными статьями расходов также были продукты питания (включая питание в столовой, 80%), одежда/обувь/аксессуары (40%) и канцтовары (35%) [Лопатина 2016]. По результатам исследования «Новое поколение», подростки 13–15 лет тратят карманные деньги в первую очередь на продукты питания (конфеты, безалкогольные напитки, чипсы/сухарики). Самостоятельно оплачивают интернет почти четверть респондентов (24%). Различия в ответах можно списать на разные цели исследований: академические исследования проводятся для того, чтобы выявить некие закономерности, а маркетинговые исследования проводятся прежде всего для продажи клиентам, в качестве которых часто выступают производители товаров разных категорий.

Основные причины расходов первых двух статей: «это самое необходимое» (22–24%) и «хочу/могу покупать и покупаю» (10–11%). Для питания в кафе ключевая мотивация – «люблю поесть» (14%).

Если рассмотреть вопрос о регулярных покупках более подробно, то юноши статистически значимо чаще ($p \leq 0.1$) девушек предпочитают покупать напитки (59% vs 25%) и оплачивать интернет/мобильную связь (28% vs 18%). А девушки больше покупают канцелярские товары (31% vs 7%) и подарки (36% vs 20%).

Младшие подростки (14–15 лет) значимо чаще покупают еду (напитки, снеки – 36–38%), оплачивают питание в школьной столовой (41%), а старшие (16–17 лет) самостоятельно оплачивают проезд в школу и/или дополнительные занятия, включая спортивные секции (57%). Подростки из семей с более высоким доходом предпочитают ходить в кафе (26%). Наши данные подтверждаются исследованием Д.Г. Цыбиковой: подростки являются самостоятельными покупателями, сильно ограниченными в выборе товарных категорий малыми доходами [Цыбикова 2010].

Однако помимо регулярных трат более половины опрошенных (57%) обладают сформированными потребительскими установками, реализация которых блокируется вследствие недостаточной суммы выдаваемых родителями «карманных» денег.

В ТОП-3 желаемых покупок входит индивидуальная цифровая техника (смартфон, плеер, наушники и пр. – 25%), подарки друзьям/родственникам (15%) и одежда/обувь (10%). Иллюстрацией этих ответов могут стать данные интервью: «[купил бы] крутую игровую клавиатуру и мышь» (муж., 16 лет), «купила бы себе обновки (толстовки, наушники, ботинки, штаны, платье)» (жен., 14 лет), «[купила бы] сестре что-нибудь (одежду, игрушки)» (жен., 14). Достаточно высокая доля желающих купить подарки родственникам и друзьям может быть связана с тем, что часть данных была собрана перед Новым годом.

При этом у девушек интересы более разнообразны: они упоминали и косметику (5%), и дорогие хобби (покупка лошади, дизайнерские куклы...) (5%), и путешествия (4%), и обучение за границей (1%). Эта информация косвенно подтверждает датско-эстонские данные о том, что девушки сильнее ориентированы на материальную культуру, чем юноши⁸.

Юноши помимо топовых позиций часто упоминали покупку машины (9%), что можно расценивать как попытку соответствовать традиционной гендерной роли кормильца и добытчика в семье (см. более подробно: [Солодников, Солодникова 2019]). Подростки из многодетных семей (3+ ребенка в семье) хотят купить прежде всего мелкую технику (41%).

Кроме вопросов для приблизительного понимания текущей картины потребления среди современных подростков мы составили «индекс потребительства» на основе набора стилевых высказываний, описывающих отношение к покупкам, моде, инновациям. Каждому высказыванию соответствовало противоположное, между этими двумя полюсами была расположена шкала Лайкерта. Методология создана на основе инструмента Д.Г. Цыбиковой [Цыбикова 2010].

В результате анализа выявлено, что низкий индекс потребительства более характерен для старшей возрастной группы (16–17 лет). Мы предполагаем, что такая ситуация связана с тем, что у старших подростков больше дополнительных занятий и забот в связи с формированием планов дальнейшей жизни, чтобы уделять много времени покупкам и потреблению. С другой стороны, будучи старше, 16–17-летние видят больше вариантов потребительского поведения, в связи с чем критичнее оценивают свое поведение с точки зрения потребления.

⁸ Копить или тратить, или кризис и расходы населения [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=596> (дата обращения 05 сент. 2019).

Низкий индекс потребления также более характерен среди семей с одним ребенком и многодетных (3+ детей), в то время как в семьях с двумя детьми индекс выше среднего. Низкий индекс потребления у подростков из многодетных семей можно объяснить наличием большого количества домашних обязанностей у детей в таких семьях. В семьях с двумя детьми и выше доля подростков с индексом потребления выше среднего. Сиблинги влияют друг на друга и, таким образом, расширяют спектр потребительского поведения друг друга. По данным, собранным в США, обнаружено, что чем больше детей в семье и чем больше старших сиблингов у респондента, тем меньше доля респондентов, которые приходят в замешательство от слишком большого выбора товаров (один из стилей принятия потребительских решений). В некоторой степени это можно объяснить тем, что в больших семьях родители не в силах уделить внимание потребительскому поведению, в то время как в семьях с 1–2 детьми большая доля родителей обсуждают эти вопросы с детьми [Shim 1996].

В семьях с одним родителем выше доля подростков с низким индексом потребления, что можно объяснить низким доходом на одного человека, что ограничивает возможности потребительской социализации (хотя объем карманных денег в таких семьях не отличается от других типов семьи). В семьях с двумя родителями (родными/не родными) выше доля подростков с индексом потребления ниже среднего. Эти данные корреспондируют с результатами сходного исследования в Великобритании: подростки 11–19 лет из полных семей (с родными родителями или со вторым браком одного из родителей) демонстрируют более высокие показатели в области материалистических установок (согласие с высказываниями типа «Я хочу быть настолько богатым, чтобы покупать все, что пожелаю» по пятибалльной шкале) [Flour1 2002].

У родителей со средним/средним специальным образованием выше доля детей с низким/ниже среднего индексом потребления. Верно и обратное: если у одного/обоих родителей есть высшее образование, то среди их детей выше доля тех, у кого индекс потребления выше среднего. Кроме того, в семьях, где у обоих родителей высшее образование, выше доля подростков с высоким индексом. Полученные данные соотносятся с предыдущими сходными исследованиями: в семьях с более высоким уровнем образования родителей большая доля детей понимает побуждающую функцию рекламы [Ali, Batra, Ravichandran 2012].

В семьях с низкой оценкой материального положения выше доля подростков с низким индексом потребления. К сходному выводу пришел А.Б. Хайта: различия в уровне доходов (и шире –

материального достатка) приводят к различиям покупательской способности среди подростков. То есть критерии оценки потенциальных покупок среди семей с низким доходом (низкая цена, прочность, пр.), как правило, отличаются от критериев, используемых в семьях с высоким доходом (качество, красота, бренд, пр.). Такая ситуация влияет на развитие потребителя и приобретение полезных навыков. С другой стороны, уровень материального благосостояния связан с отношениями подростка с семьей и сверстниками. Те, кто растет в семьях с более высоким уровнем благосостояния, больше общаются с членами семьи на темы, связанные с потреблением, а также используют потребительские привычки семьи в качестве собственной модели потребительского поведения. В то же время у подростков из семей с низким благосостоянием важную роль в процессе потребительской социализации играют друзья [Нафта 2008]. Исследование С. Шим также показало, что чем выше социальный класс семьи подростков, тем больше доля тех, кто придерживается утилитарных (ориентированных на цену и качество) и привлекающих внимание (имеющих подспудную социальную мотивацию) типов потребления [Shim 1996].

Выводы

В последние годы растет интерес к изучению особенностей потребительского поведения российских детей и подростков. Но реализуется он преимущественно в рамках маркетинговых исследований. В академической науке этот интерес приносит только первые плоды.

Поэтому закономерно, что сейчас российские исследователи потребительского поведения подростков (прежде всего маркетологи) применяют методологии для сбора данных, созданные и адаптированные для Европы и/или США, где соответствующая исследовательская традиция насчитывает более четверти века. Адаптация для России разработанного методического инструментария и/или разработка оригинальных методических приемов требует накопления первичных эмпирических данных, описывающих особенности потребления российских детей и подростков. Именно этот шаг был предпринят автором.

Обратимся к краткому качественному описанию полученных результатов.

Для большинства российских подростков источником карманных денег являются родители (и/или другие родственники, включая старших сиблингов). Получаемая сумма растет с возрастом

ребенка и не зависит от его пола. При этом сам подросток оценивает любую сумму как достаточную. Чаще всего карманные деньги подростки тратят на покупку канцелярских товаров, оплату услуг мобильной связи и/или интернета или посещение кафе.

Примерно для половины современных российских подростков потребительские запросы этим исчерпываются.

Другая половина хотела бы приобрести вещи, на которые сейчас не хватает денег, выделяемых родителями. Три наиболее востребованных товарных группы: мелкая бытовая техника (связанная преимущественно с индивидуальным прослушиванием музыки и обеспечением мобильного доступа к интернету); подарки друзьям/родственникам (возможно, это обусловлено периодом полевого этапа исследования – декабрь – перед Новым годом) и одежда/обувь. Кроме указанных категорий юноши называли автомобили, в то время как у девушек шире спектр интересов в сфере покупок.

В целом было обнаружено, что специально сконструированный «индекс потребительства» имеет прямую связь с уровнем материального благосостояния родительской семьи, что представляется закономерным. В то же время высокие показатели этого индекса зафиксированы у подростков, имеющих одного сиблинга (брата/сестру), что отличает их, с одной стороны, от единственных детей, а с другой – от подростков из многодетных семей (в которых есть двое и более сиблингов).

Дальнейшее изучение особенностей процессов потребления, типов потребительского поведения подростков и молодых людей в России, а также их сравнение с результатами сходных исследований, проведенных в других странах, способно в настоящее время обеспечить лучшее понимание закономерностей и механизмов социализации современной молодежи.

Литература

- Колосова, Губанова 2019 – Колосова Е.А., Губанова А.Ю. Практики использования интернет-технологий и потребительского поведения: сравнительный анализ поколений Y и Z // Молодежь XXI века: образ будущего: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 341–342.
- Лопатина 2016 – Лопатина Е.А. Потребительское поведение подростков в контексте социализации: на материалах Ростовской области: Дис. ... канд. социол. наук. Юж. федер. ун-т, Ростов-н/Дону, 2016. 170 с.
- Ребзуев, Савельева 2011 – Ребзуев Б.Г., Савельева А.А. Потребительское поведение подростков // Вопросы психологии. 2011. № 11. С. 53–91.

- Солодников, Солодникова 2018 – *Солодников В.В., Солодникова Н.В.* Изучение потребительской социализации детей: обзор зарубежного опыта // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 2 (12). С. 43–64.
- Солодникова, Солодникова 2019 – *Солодникова И.В., Солодникова Н.В.* Потребительская социализация подростков: возрастная, гендерная и культурная гетерогенность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 64–82.
- Ткаченко 2016 – *Ткаченко О.В.* Потребительская социализация: современные практики и требования общества риска // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 11–1 (53). С. 142–144.
- Цыбикова (2010) – *Цыбикова Д.Г.* Потребительские установки населения современной России: социальная гетерогенность: Дис. ... канд. социол. наук. РГГУ, М., 2010. 156 с.
- Шайдакова 2011 – *Шайдакова Н.В.* Потребительская социализация в отечественных и зарубежных психологических исследованиях // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11. С. 345–348.
- Шайдакова 2015 – *Шайдакова Н.В.* Социально-психологические аспекты демонстративного потребления старшеклассников и студентов: Дис. ... канд. психол. наук. Моск. гор. психол.-пед. ин-т. М., 2015. 192 с.
- Ali, Batra, Ravichandran, Mustafa, Rehman 2012 – *Ali A., Batra D.K., Ravichandran N., Mustafa Z. and Rehman S.U.* Consumer Socialization of Children: Conceptual Framework // International Journal of Scientific and Research Publications. 2012. Vol. 2 (1). P. 1–5.
- Cody 2013 – *Cody K.* Consuming in the Thresholds: Stepping outside Socialization Theory to Understand the Contemporary Child Consumer // Research in Consumer Behavior. 2013. Vol. 15. P. 73–96.
- Flouri 2012 – *Flouri E.* Exploring the Relationship between Mother's and Fathers' Parenting Practices and Children Materialist Values // Journal of Economic Psychology. 2012. Vol. 25. P. 743–752.
- Hayta 2008 – *Hayta A.B.* Socialization of a Child as a Consumer // Family & Consumer Sciences Research Journal. 2008. Vol. 37 (2). P. 167–184.
- Roedder John D. 1999 – *Roedder John D.* Consumer Socialization of Children: A Retrospective Look at 25 Years of Research // Journal of Consumer Research. 1999. Vol. 1. P. 183–213.
- Rose, Dalakas, Kropp 2002 – *Rose G.M., Dalakas V., Kropp F.* A Five-nation Study of Developmental Timetables, Reciprocal Communication and Consumer Socialization // Journal of Business Research. 2002. Vol. 55. P. 943–949.
- Shim 1996 – *Shim S.* Adolescent Consumer Decision-Making Styles: the Consumer Socialization Perspective // Psychology & Marketing. 1996. Vol. 13 (6). P. 547–569.
- Wang, Yu, Wei 2012 – *Wang X., Yu C., Wei Y.* Social Media Peer Communication and Impacts on Purchase Intentions: A Consumer Socialization Framework // Journal of Interactive Marketing. 2012. Vol. 26. P. 198–208.

References

- Gubanova, A.Yu. and Kolosova, E.A. (2019), "Practices of using Internet technologies and consumer behavior. A comparative analysis of generations Y and Z", in Skvortsov, N.G. and Asochakov, Yu.V. (eds.), *Youth of the 21st century: image of the future*, Proceedings of the all-Russian scientific conference with international participation, Skifiya-print, Saint Petersburg, pp. 341-342.
- Lopatina, E.A. (2016), *Potrebitel'skoe povedenie podrostkov v kontekste socializacii: na materialah Rostovskoj oblasti* [Adolescents consumer behavior in context of socialization. By material on the Rostov Region], PhD thesis, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.
- Rebzuev, B.G. and Savelieva, A.A. (2011), "Consumer socialization of adolescents", *Voprosy Psikhologii*, vol. 11, pp. 53-91.
- Solodnikov, V.V. and Solodnikova, N.V. (2018), "Research on consumer socialization of children. A review of foreign research", *RSUH/RGGU Bulletin "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, vol. 2 (12), pp. 43-64.
- Solodnikova, I.V. and Solodnikova, N.V. (2019), "Consumer socialization of adolescents. The age, gender and cultural heterogeneity", *RSUH/RGGU Bulletin "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series*, vol. 1, pp. 64-82.
- Tkachenko, O.V. (2016), "Consumer socialization. Modern practices and demands of risk society", *International journal of science and research*, vol. 11-1 (53), pp. 142-144.
- Cibikova, D.G. (2010), *Potrebitel'skie ustanovki naseleniya sovremennoj Rossii: social'naya geterogenost'* [Consumer attitudes of Russians today. Social heterogeneity], PhD thesis, RGGU, Moscow, Russia
- Shaidakova, N.V. (2011), "Consumer socialization in Russian and foreign psychological research", *Social and economic phenomena and processes*, vol. 11. pp. 345-348.
- Shaidakova, N.V. (2015), *Social'no-psihologicheskie aspekty demonstrativnogo potrebleniya starsheklassnikov i studentov* [Social and psychological aspects of conspicuous consumption among senior school students and university students], PhD thesis, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.
- Ali, A., Batra, D.K., Ravichandran, N., Mustafa, Z. and Rehman, S.U. (2012), "Consumer Socialization of Children: Conceptual Framework", *International Journal of Scientific and Research Publications*, vol. 2 (1), pp. 1-5.
- Cody, K. (2013), "Consuming in the Thresholds: Stepping outside Socialization Theory to Understand the Contemporary Child Consumer", *Research in Consumer Behavior*, vol. 15, pp. 73-96.
- Flouri, E. (2012), "Exploring the Relationship between Mother's and Fathers' Parenting Practices and Children Materialist Values", *Journal of Economic Psychology*, vol. 25, pp. 743-752.
- Hayta, A.B. (2008), "Socialization of a Child as a Consumer", *Family & Consumer Sciences Research Journal*, vol. 37 (2), pp. 167-184.
- Roedder, John D. (1999), "Consumer Socialization of Children: A Retrospective Look at 25 Years of Research", *Journal of Consumer Research*, vol. 1, pp. 183-213.

- Rose, G.M., Dalakas, V. and Kropp, F. (2002), "A Five-nation Study of Developmental Timetables, Reciprocal Communication and Consumer Socialization", *Journal of Business Research*, vol. 55, pp. 943-949.
- Shim, S. (1996), "Adolescent Consumer Decision-Making Styles: the Consumer Socialization Perspective", *Psychology & Marketing*, vol. 13 (6), pp. 547-569.
- Wang, X., Yu, C. and Wei, Y. (2012), "Social Media Peer Communication and Impacts on Purchase Intentions: A Consumer Socialization Framework", *Journal of Interactive Marketing*, vol. 26, pp. 198-208.

Информация об авторе

Надежда В. Солодникова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nadia.v.solodnikova@yandex.ru

Information about the author

Nadezhda V. Solodnikova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; nadia.v.solodnikova@yandex.ru

УДК 316.35(049.32)

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-119-126

Рецензия на коллективную монографию:
Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки /
Отв. ред Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального
прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с.

Вера В. Гаврилюк

*Тюменский индустриальный университет,
Москва, Россия, gavriliuk@list.ru*

Аннотация. Статья содержит аналитический обзор новейших исследований социологического центра Российского государственного гуманитарного университета, посвященных состоянию и развитию социальной группы интеллигенции, представленных в коллективной монографии. Автор анализирует вопрос об отдельности, самостоятельности социальной группы интеллигенции, рассматривая ее социальный статус, ценности, повседневность этой дифференцированной группы. Методологической установкой проекта выступает социология жизни (Ж.Т. Тощенко), ключевым понятием которой является «жизненный мир» – общественное, групповое сознание; поведение, деятельность. В соответствии с выбранной методологией в книге представлены особенности жизненного мира современной гуманитарной интеллигенции. Логика очерков соответствует логике понятия о жизненных мирах: интеллигенция рассматривается как социально-профессиональные группы; как мировоззренческие общности; как субъект основных видов деятельности – профессиональных, бытовых, политических, социокультурных. Сквозным аспектом исследования выступает проблема прекаризации труда и образа жизни интеллигенции, присутствующая практически в каждой из глав монографии.

Ключевые слова: гуманитарная интеллигенция; интеллектуалы; средний класс; жизненный мир; прекариат; социальные мифы; роли и миссия интеллигенции

Для цитирования: Гаврилюк В.В. Рецензия на коллективную монографию: Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Отв. ред Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 119–126. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-119-126

© Гаврилюк В.В., 2020

Review of the collective monograph:
How are you, intelligentsia? Sociological essays /
Zh.T. Toshchenko (ed.). Moscow: Center for Social Forecasting
and Marketing, 2018. 360p.

Vera V. Gavriilyuk
Industrial University of Tyumen, Moscow, Russia,
gavriilyuk@list.ru

Abstract. The article contains an analytical review of the latest research of the Russian State University for the Humanities sociological center, devoted to the state and development of the social group of intelligentsia and presented in a collective monograph. The author analyzes the issue of the social group separateness and independence, considering its social status, values, and everyday life of that differentiated group. The methodological frame of the project is the sociology of life (Zh.T. Toshchenko), the key concept of which is a “life world” as public, group consciousness; behavior, activity. In accordance with the chosen methodology, the book presents the features of the modern humanitarian intelligentsia life world. The logic of the essays corresponds to the logic of the life worlds concept: the intelligentsia is regarded as social and professional groups; as worldview communities; as the subject of the main activities – professional, domestic, political, sociocultural. A cross-cutting aspect of the study is the issue of the labor and lifestyle precarization of the intelligentsia, which is present in almost every chapter of the monograph.

Keywords: humanitarian intelligentsia; intellectuals; middle class; life world; precariat; social myths; roles and mission of the intelligentsia

For citation: Gavriilyuk, V.V. (2020), “Review of the collective monograph How are you, intelligentsia? Sociological essays / Zh.T. Toshchenko (ed.). Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, 2018. 360 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 119–126, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-119-126

Одним из немногих социологических центров, последовательно изучающих состояние и развитие социальной группы интеллигенции, является научная школа РГГУ под руководством Ж.Т. Тощенко. Приверженность выбранной тематике на протяжении почти двух десятилетий позволила авторскому коллективу не просто накопить колоссальный исследовательский материал, но и концептуально обосновать историческую судьбу этой важнейшей для глобального мира социальной группы.

Для отечественной социологии вопрос о русской интеллигенции становится дискуссионным в 90-е гг. XX в., нет однозначного его решения и сегодня. Наиболее радикальная позиция в этом вопросе связана с отрицанием существования этой социальной группы (Покровский, Третьяков и др.) как исполнившей свою историческую миссию. Интеллигенция постсоветской России, по мнению этой группы авторов, достаточно быстро превратилась в группу «интеллектуалов», существующую сегодня во всех развитых странах. Более мягкий вариант отрицания существования этой группы в современной социальной структуре российского общества связан с утверждением о неоднородности, высокой степени дифференциации ранее однородного слоя интеллигенции. Сегодня представители этого слоя, по мнению Рывкиной, присутствуют в составе как правящего класса, бизнес-элиты, так и в массовых социально-профессиональных группах. В этом случае вопрос об отдельности, самостоятельности социальной группы интеллигенции утрачивает смысл, так как социальный статус, ценности, повседневность этих дифференцированных групп не просто различаются, а становятся зачастую прямо противоположными. Еще одна известная позиция связана с представлением о превращении части советской интеллигенции в ядро среднего класса новой России, а другой ее части в «новых бедных» (Шкаратан). В рассматриваемой монографии авторы исходят из установки не просто о наличии в современной России этой социальной группы, но и о сохранении общих жизненных ориентиров интеллигенции, констатируют ее особую роль в прошлом и настоящем страны, выражают уверенность в созидательной роли и влиянии на общественное развитие в будущем [Как живешь, интеллигенция, с. 53].

В рассматриваемой монографии объектом теоретического анализа и прикладного социологического исследования выступала гуманитарная интеллигенция: представители образования, культуры, здравоохранения. Такой выбор обусловлен наличием существенных отличий гуманитарной интеллигенции не только от других социальных групп, но даже и от представителей всего этого слоя. Гуманитарная интеллигенция, в отличие, например, от технической, в 90-е гг. XX в. выступала с требованиями о преобразовании всех общественных отношений, а не только экономических и политических. Профессиональная деятельность гуманитарной интеллигенции связана только с «субъект-субъектными» отношениями, что накладывает на ее жизненный мир характерные особенности. Еще одним основанием для выбора именно этой группы авторы называют наличие ее представителей во всех территориальных образованиях, социально-экономических, политических и культурных

структурах. Четвертым признаком гуманитарной интеллигенции является влияние ее на состояние общественного сознания, ее ведущая роль в формировании установок, ценностных ориентаций всего населения. И наконец, при явной социальной остроте проблем образования, медицины, культуры в настоящее время требования общества обращены прежде всего к профессиональным сообществам этих сфер [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 10].

Методологической установкой проекта выступает социология жизни (Ж.Т. Тощенко), ключевым понятием которой является «жизненный мир» – общественное, групповое сознание; поведение, деятельность в условиях макро-, мезо- и микросреды. В соответствии с выбранной методологией в книге представлены особенности жизненного мира современной гуманитарной интеллигенции (часто в сравнении с социологическими данными, полученными при изучении всего населения). Логика очерков соответствует логике понятия о жизненных мирах: интеллигенция рассматривается как социально-профессиональные группы; как мировоззренческие общности; как субъект основных видов деятельности (профессиональных, бытовых, политических, социокультурных). Сквозным аспектом исследования выступает проблема прекаризации труда и образа жизни интеллигенции, присутствующая практически в каждой из глав монографии.

Одной из центральных и наиболее дискуссионных тем книги является раздел о главных жизненных смыслах российской интеллигенции. Существенные отличия интеллигенции от других социальных групп современного российского общества авторы усматривают в сохранении высокой значимости образования; профессиональной самореализации; общественного признания; возможностей самосовершенствования; качества проведения досуга. Именно эти характеристики являются наиболее устойчивыми приоритетами в оценке качества жизни для интеллигенции. При этом в структуре ценностных ориентаций на первые места, как и для всего населения, выходят семья, работа, здоровье, друзья. Выбранные ценности относятся скорее к ментальным признакам современного общества, чем к характеристикам социальных групп. А вот роль политики в жизни интеллигенции все больше смещается на периферию их ценностного ориентирования, интерес к политическим проблемам сохраняет менее чем пятая часть опрошенных. Политические пристрастия гуманитарной интеллигенции оказались чрезвычайно размыты: от 31 до 39% опрошенных (по разным группам: образование, медицина, культура) вообще затруднились как-то определить свои политические взгляды. Примерно 20% определили их как «патриотические», зачастую вкладывая в это

определение самый разный смысл, а вот по «правым» и «левым» в целом распределились примерно 15% опрошенных. При этом наблюдается большой разброс между представителями работников культуры и образования. Среди представителей педагогического сообщества доминируют левые (социалистические, коммунистические) воззрения – 18,6%, практически столько же, сколько приверженцев правой, либеральной идеологии среди работников культуры. Эти позиции подтверждаются и в оценках необходимости поддерживать нынешнюю власть: работники культуры выразили наибольшие сомнения в этом и четко заявили о необходимости перемен (40%). Половина опрошенных педагогов и медиков однозначно определились в поддержке нынешней власти, что практически не отличается от распределения по «всему населению» – 55%. Таким образом, социальный критицизм современной интеллигенции сохраняется лишь среди представителей сферы культуры. Вероятно, для такой позиции профессионалов есть как объективные, так и субъективные обстоятельства: сфера культуры по-прежнему, как и в советский период, остается на периферии государственных бюджетов, более того, государственная политика по отношению к учреждениям и работникам этой сферы протекает под флагом «оптимизации», разрушительные последствия которой (особенно для российских регионов) осознаются пока только деятелями культуры. Коммерциализация культуры, с одной стороны, и явные или неявные ограничительные меры со стороны государства особенно чувствительны именно для работников культуры, интеллигенции, традиционно призванной служить и свободно творить.

Представление о том, что интеллигенция обладает большей политической компетентностью в сравнении с другими социальными слоями, не нашло своего подтверждения [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 146]. Были опровергнуты и другие социальные мифы: интеллигенции больше, чем другим социальным группам, присущи либеральные и демократические ценности; интеллигенция критически (даже оппозиционно) относится к власти; интеллигенция руководствуется социальными и нравственными обстоятельствами в своей деятельности [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 142–160].

Гуманитарная интеллигенция, признавая главным содержание своей работы, ценность профессиональной деятельности и ее высокую общественную значимость, несколько не заблуждается в оценке современного общественного сознания по поводу престижа и социального статуса человека в России XXI в. Иерархия статусных признаков сегодня: власть, деньги, связи. Именно такая последовательность отражает реалии российской повседневности, а отношение интеллигенции к этой реальности косвенно просматривается

через ее демонстративный уход от политических, общественных проблем в сферу собственной профессии. При этом сегодня, в отличие от последнего десятилетия XX в., интеллигенция не считает себя (да и объективно не относится) к бедным слоям населения. Если среди всего населения страны доля обеспеченных россиян составляет 36%, то среди интеллигенции достигает 50% (у медицинских работников). Таким образом, миф о «бедной, но гордой» интеллигенции опровергается новейшими исследованиями [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 45]. Приверженность профессии, возможность самосовершенствования, достойный досуг как основа представлений интеллигенции о высоком качестве жизни вполне соответствуют приоритетам среднего класса. Свобода, возможность выбора на рынках труда, достойная справедливая оплата и возможность обеспечить стабильный уровень жизни сближают, в условиях развитой рыночной экономики, традиционный слой интеллигенции и формирующийся средний класс, делая различия между ними неуловимыми. Может быть, сегодня и идет процесс формирования российского среднего класса на основе ценностного мира традиционной интеллигенции?

Признаки российского среднего класса, в отличие от классических показателей – обеспеченность, стабильность, устойчивость, гарантированность ее жизни, несут в себе другие, прямо противоположные характеристики. То, что характеризует положение современной отечественной гуманитарной интеллигенции: временность трудовых договоров, угроза сокращения, неясность будущего своего и своих детей, потеря определенности – это признаки прекариата. Именно поэтому тема прекарности интеллигенции находится в центре внимания авторов коллективной монографии, а анализ конкретного материала позволяет сделать вывод о весьма специфическом положении гуманитарной интеллигенции, да еще и при потере той роли, которую она играла на протяжении почти двух столетий.

Учитывая ценностные приоритеты гуманитарной интеллигенции, оправдано подробное описание в монографии ее социально-трудовых ценностей, анализ основных показателей благосостояния и социального статуса, выявление социально-экономической и профессиональной структуры. Эти разделы [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 3, 4, 5] содержат не просто описание и анализ авторского эмпирического материала, но поднимаются до значимых теоретических обобщений. Эти разделы построены на беспристрастном анализе динамики выделенных гуманитарных сфер (образование, здравоохранение, культура) с точки зрения развития (или сокращения) учреждений, численности работников и управ-

ленческого персонала, интенсификации труда, коммерциализации данных отраслей на основе статистики 1990–2015 гг. Интерес читателя могут вызвать не только отдельные тенденции (например: при значительном увеличении числа театров неизменность числа зрителей; значительное сокращение преподавательского состава не уменьшило число занятых в сфере образования), но и теоретические конструкты прекаризации труда интеллигенции [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 74–79], представление интеллигенции о себе как о среднем слое [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 88].

В соответствии с логикой исследования жизненного мира в монографии представлены разделы о воспроизводстве и влиянии образовательного капитала современной интеллигенции; характеристики духовного мира и культурного облика этой социальной группы; исследование социального доверия и повседневности.

Итак, как же отвечает интеллигенция на главный вопрос о своей особой миссии в современном обществе? «Значительной» считают роль интеллигенции в современной России лишь 17% респондентов, «незначительной» – 29%, а 14% вообще отрицают какую-либо ее роль в современном обществе. Учитывая процент уклонившихся от ответа (40%), можно считать, что интеллигенция уже не претендует на роль, миссию защитника и представителя интересов всего общества или отдельных его групп [Как живешь, интеллигенция 2018, с. 50].

В современной России активно идет процесс классообразования, обретают классовые черты «новые-старые» большие социальные группы: рабочий класс и капиталисты. Безусловно, эти классы отличаются как от пролетариата и буржуазии эпохи классического капитализма, так и советского рабочего класса и советской номенклатуры. Место и роль большой и значимой социальной группы интеллигенции сегодня однозначно не определены именно потому, что процесс формирования новой социальной структуры не завершен. Не случайно молодежь новой России, занятая в сфере интеллектуальных форм труда, отказывается от роли советской интеллигенции как «прослойки», предпочитая самоназвание «креативный класс».

Обобщение многолетнего исследовательского материала, ярко выраженная позиция авторов «...Очерков» содержат огромный эвристический потенциал. Книга уже становится заметным явлением в профессиональном социологическом сообществе и может быть востребована во всех сферах социального и гуманитарного знания.

Несмотря на общую методологию, согласие всех членов авторского коллектива с базовыми выводами о наличии интеллигенции и ее особой роли в настоящем и будущем российского

общества, в анализе конкретного исследовательского материала отражается весь спектр социологических воззрений на эти спорные, дискуссионные вопросы. Как живешь, интеллигенция? – открытый вопрос...

Литература

Как живешь, интеллигенция 2018 – Как живешь, интеллигенция? Социологические очерки / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2018. 360 с.

References

Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2018), *Kak zhivesh', intelligentsiya? Sotsiologicheskie ocherki* [How are you, intelligentsia? Sociological essays], Center for Social Forecasting and Marketing, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вера В. Гаврилюк, доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия; 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, д. 38; gavriliuk@list.ru

Information about the author

Vera V. Gavrilyuk, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia; bld. 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625003; gavriliuk@list.ru

УДК 75.03

DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-127-138

П.П. Рубенс: «Автопортрет в окружении друзей из Мантуи». Проблемы интерпретации

Людмила Ю. Лиманская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lydmila55@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется фрагмент из «Автопортрета Рубенса в окружении друзей из Мантуи» (1606) из Музея Вальрафа-Рихарца, Кёльн, на котором художник изобразил себя, брата Филиппа, Ю. Липсия и ученого-филолога, единомышленника Липсия Каспара Шоппе. Вопрос о том, кто еще входит в группу портретируемых, вызывает в науке дискуссии. В статье анализируется точка зрения, согласно которой на портрете напротив Рубенса изображен портрет Галилея, а смысл изображенного на портрете сообщества заключается в репрезентации дискуссии, которую вели современники Рубенса вокруг новой картины мира Галилея.

Ключевые слова: Рубенс, Галилей, картина мира, звездный вестник, телескоп

Для цитирования: Лиманская Л.Ю. П.П. Рубенс: «Автопортрет в окружении друзей из Мантуи». Проблемы интерпретации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 127–138. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-127-138

P.P. Rubens. “Self-portrait surrounded by friends from Mantua”. Interpretation issues

Lyudmila Yu. Limanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lydmila55@mail.ru*

Abstract. The article analyzes a fragment from “Self-portrait of Rubens surrounded by friends from Mantua” (1606), Wallraf-Richartz Museum, Cologne, in which the artist portrayed himself, brother Philip, J. Lipsius, and the scholar philologist, Lipsius’ like-minded Caspar Shoppe. The question of

© Лиманская Л.Ю., 2020

who else is presented in the group portrayed yet causes debate. The article considers the view that the portrait of Galileo is depicted in the portrait opposite Rubens, and the meaning of the community depicted in the portrait is to represent the discussion that Rubens contemporaries led around the new model of the world proposed by Galileo.

Keywords: Rubens, Galileo, model of the world, Sidereus Nuncius, telescope

For citation: Limanskaya, L.Yu. (2020), “P.P. Rubens. ‘Self-portrait surrounded by friends from Mantua’. Interpretation issues”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 127–138, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-127-138

Рис. 1. П.П. Рубенс. «Автопортрет в окружении друзей из Мантуи», 1606, *Музей Вальрафа Рихартца, Кёльн*

«Автопортрет в окружении друзей из Мантуи» (1606) П.П. Рубенса из музея Вальрафа Рихартца, Кельн, где художник изобразил себя, брата Филиппа Рубенса, его учителя Ю. Липсия и ученого-филолога, единомышленника Липсия Каспара Шоппе [Ниемер 1983, р. 175–196], вызывает дискуссии. В литературе последних лет поднимается вопрос о том, кто еще входит в группу портретируемых (рис. 1). Можно предположить, что на портрете изображены представители *Respublica literaria* – «Республики ученых», или «Республики наук», появившейся в эпоху Возрождения и к XVII в. обретшей характер интернациональной переписки: «Республика ученых» повлекла создание первых академий естественных наук, таких как Академия деи Линчеи в Риме, членом которой в 1611 г. стал Галилео Галилей. Академия деи Линчеи представляла собой коллективную лабораторию по обмену и обсуждению новых знаний о природе, социально-политических воззрений.

Важную роль в среде «Республики ученых» играл стоицизм. Очевидно, что «Автопортрет в окружении друзей из Мантуи» отсылает зрителя к варианту образного воплощения представителей среды «Республики ученых», собравшихся при дворе герцога Винченцо II Гонзага, а также к нравственным идеалам стоицизма, которые развивал в своем учении представленный на портрете Ю. Липсий и которые были близки и Рубенсу [Morford 1991], и Галилею [Huemmer 1983, p. 175].

Интересным представляется рассмотреть точку зрения на «Автопортрет в окружении друзей из Мантуи» как на изображенное сообщество «Республики ученых», обсуждающих новую картину мира Галилея, а образ, расположенный напротив Рубенса, – как портрет Галилея [Huemmer 1983, p. 175]. Известно, что зимой 1603–1604 гг. Галилей пребывал в Мантуе, и, очевидно, встреча Рубенса и Галилея произошла при дворе герцога Гонзага. Важную роль среди членов «Республики ученых» играла их социальная позиция: начиная с раннего гуманизма многие были увлечены стоицизмом. Можно предположить, что идея «Автопортрета с друзьями из Мантуи» представляет воображаемый диспут о новой системе мира, выдвинутой Коперником и Галилеем, обсуждение которой охватило сообщество «Республики ученых» и витало в среде неостоек при Мантуанском дворе герцога Винченцо II Гонзага [Reeves 1997, p. 24]. Продолжая традиции времен раннего Возрождения, когда в гуманистических кругах Италии были распространены ученые сообщества, основанные на стоических идеалах Сенеки, герцог Гонзага отводил важную роль личному общению с просвещенной элитой своего времени, о чем свидетельствует включенный в групповой автопортрет образ Ю. Липсия.

Многие художники, находясь под влиянием научных дискуссий «Республики ученых», были увлечены естественно-научными наблюдениями, обсуждавшимися в среде ученых. Интерес к астрономическим открытиям Галилея нашел отражение в произведениях Лодовико Чиголи, Питера Пауля Рубенса, Адама Эльсхаймера и других [Reeves 1997, p. 57–90]. Поскольку астрономические гипотезы Галилея, так же как нравственные идеалы неостоицизма, шли вразрез с католической доктриной, отношения между наукой и искусством развивались в контексте теологических и политических дискуссий времени.

Из письма К. Фабри де Пейреска Галилею известно, что Рубенс был большим поклонником талантов ученого [Miller 2000, p. 63]. Пейреск вел обширную переписку со многими эрудитами своего времени, обменивался письмами с Рубенсом, обсуждал вопросы теории и истории искусства, обменивался своими астрономическими

наблюдениями, был приверженцем стоических идеалов [Miller 2000, p. 63].

Обладая широким кругом исследовательских интересов, Пейреск вел переписку с Галилеем, в частности относительно изучения Луны, спутников Юпитера, наблюдений туманности Ориона. Рубенс, вовлеченный в философские дискуссии о новой системе мира, свои взгляды характеризовал как дружественные разногласия, и, предположительно, в «Автопортрете с друзьями из Мантуи» художник, обращаясь к аудитории, словно приглашает принять его сторону, в то время как Галилей протягивает руку, чтобы удержать его, но молчит. Справа – Липсий и группа учеников, противников коперниканства, а слева – ученики Липсия, сторонники Галилея [Huetner 1983, p. 175]. Суммируя вышесказанное, можно предположить, что кельнский «Автопортрет с друзьями из Мантуи» указывает на разнообразные взгляды научного сообщества относительно Новой системы мира Галилея, утверждавшей гелиоцентрическую подвижную модель Вселенной, которая носила антиаристотелевский, антисхоластический характер.

Первый биограф Галилея, его ученик Винченцо Вивиани, писал, что Галилей с большим удовольствием рисовал и говорил, что, если бы в молодости у него был выбор, он мог бы стать живописцем, отдавая предпочтение венецианской традиции. Галилей сам иллюстрировал свои наблюдения за Луной в телескопе и создал зарисовки лунной поверхности для «Звездного вестника». Примечательно, что Галилей проводил параллель между наукой и искусством и полагал, что и художник, и ученый подражают природе, отмечал важную роль Леонардо да Винчи, сумевшего в своем творчестве объединить эти области знания. Известно, что и Рубенс изучал творчество Леонардо, занимался копированием его работ, в частности фрески «Битва при Ангиари». Полагая, что в основе научного и художественного зрения лежат законы природы, Галилей писал:

Когда я наблюдаю за чудесными изобретениями в искусстве и в науке, мне кажется, что я не могу изобрести нечто новое... Когда я созерцаю великолепную статую, я говорю себе, когда ты научишься создавать в мраморе нечто подобное, открывать прекрасные формы, утаенные в камне? Или смешивать краски и накладывать их на холст или на стену так, как это делали Микеланжело, Рафаэль, Тициан?

Отдавая предпочтение красоте природных творений, он полагал, что естество женщины превосходит по красоте любую мраморную статую. Он так пояснял свою мысль:

Тогда что же это такое по сравнению с человеком, созданным природой, состоящим из множества внешних и внутренних членов, из множества мышц, сухожилий, нервных костей, которые служат стольким и столь разнообразным движениям? И что мы скажем о чувствах духовных, имеющих власть над разнообразными движениями? И что мы скажем о понимании чувств духовной силы? Может, создание статуи дает нам ключ к пониманию этого? Может, правильнее сказать, что создание статуи уступает в красоте законам формирования не только живого человека, но и даже червя? [Galileo 1661, p. 129]

Сходные мысли высказывал Рубенс относительно законов понимания живой природы и античной пластики. В трактате «О подражании статуям» он рекомендовал учитывать подвижность мышц, кожи, полупрозрачность теней, присущих живой природе, и не стремиться к прямому копированию скульптурных образцов:

Ведь даже лучшим статуям присущи многие свойства, на которые следует обратить внимание и избегать их... Особенно это касается различий в тенях, так как мышцы, кожа, хрящи некоей полупрозрачностью поверхности своей смягчают черноту теней, которые у статуй еще усиливаются благодаря плотности камня и становятся чрезвычайно резкими. Добавьте к этому, что мышцы при каждом движении изменяются и благодаря эластичности кожи то расслабляются, то сжимаются [Рубенс 1977].

В технике рисунков с античных оригиналов Рубенс стремился оживить образы античных героев. В эскизах к «Смерти Сенеки» 1611–1612 гг. и бюста Сенеки для портрета 1611 г. художник стремится придать облику статус жизнеподобия. Подвижность штриха в рисунке головы Сенеки направлена на преодоление пластической статики камня: и в рисунке, и в живописном изображении Сенеки акцентированы вьющиеся пряди волос, собравшиеся на теле складки кожи, припухлость вен. Рисунок бюста Сенеки, использованный затем в групповом автопортрете «Четыре философа» 1611 г., словно встраивает образ античного философа в сообщество его последователей (рис. 2).

Примечателен факт сотрудничества Галилея с художником Л. Чиголи во время наблюдений за Луной [Panofsky 1956, p. 3–15]. Чиголи ассистировал Галилею при изучении поверхности светила. Результатом совместной работы Чиголи и Галилея стало изображение неровной лунной поверхности во фреске «Успение Богоматери» (рис. 3) в куполе Санта Мария Маджоре в Риме. Чиголи изобразил деву Марию на поверхности Луны, покрытой кратерами,

*Рис. 2. П.П. Рубенс.
«Четыре философа», 1611,
Галерея Питти, Флоренция*

*Рис. 3. Л. Чиголи.
«Успение Богоматери», 1599,
церковь Санта-Мария-Маджоре,
Рим¹*

*Рис. 4. Ян Брейгель Старший,
П.П. Рубенс. «Аллегория зрения»,
1617, Музей Прадо, Мадрид*

¹ Можно встретить название «Непорочное зачатие» (Immacolata Concezione). Чиголи изображает Успение Пресвятой Богородицы, общую тему в итальянском искусстве барокко, где Мария изображена сопровождаемой на небеса сонмом ангелов. Часто в сцене «Успение Пресвятой Богородицы» изображали Богородицу, стоящую на зеркальной чистой поверхности Луны, так как Луна, как и Мария, считались непорочными небесными телами. Однако в ноябре 1609 г. Галилей с помощью телескопа обнаружил, что лунная поверхность покрыта пятнами, которые Галилей интерпретировал как кратеры. Это вызвало интерес у Л. Чиголи и привело к богословским дискуссиям относительно правомерности изображения Богородицы на поверхности Луны с пятнами, так как не соответствовало представлениям о Луне как непорочном небесном теле – традиционном иконографическом символе Богородицы.

подобно тому, как поверхность была зарисована Галилеем во время наблюдений в телескоп, за что он подвергся нападкам со стороны церкви. Неровная поверхность Луны не соответствовала религиозным представлениям о Луне, связываемым с образом Девы Марии. Так астрономические открытия Галилея внесли коррективы в трактовку традиционной религиозной иконографии. Например, открытие топографии Луны и причин, лежащих в основе ее неравномерной освещенности, привело к переосмыслению образов, связанных с догматом непорочного зачатия, так как белый, гладкий сверкающий Лунный диск являлся символом непорочности Девы Марии. Открытая Галилеем и изображенная Чиголи в «Успении Богородицы» неровная поверхность светила не согласовывалась с традиционными религиозными представлениями. Проследивая интерес Рубенса к астрономическим открытиям Галилея и его современников, интересно обратить внимание на написанную совместно с Яном Брейгелем Старшим в 1617 г. «Аллегорию зрения» (Прадо, Мадрид) (рис. 4), где изображена мастерская художника, а в центре – фигура Аллегории зрения, рядом с которой – телескоп и произведения Рубенса. По мастерской расставлены измерительные приборы – армиллярная сфера, астролябия, глобус, наугольник. Тем самым художники указывают на важную роль оптических, измерительных приборов в художественном созерцании.

Сравнивая фреску Чиголи «Успение Богоматери» в куполе Санта Мария Маджоре (1612) и алтарную композицию «Дева в образе Жены Апокалипсиса», написанную П.П. Рубенсом в 1623–1625 гг. для собора Фрайзинга (рис. 5), можно найти сходство в изображении Луны. Особенностью трактовки Луны и у Чиголи, и у Рубенса является то, что поверхность светила сходна с зарисовкой, сделанной Галилеем во время его наблюдений в телескоп (рис. 6). К. Ренгер, сопоставляя отрывок из «Звездного вестника» 1610 г. и форму лунного кратера под ногой Девы в образе Жены Апокалипсиса в композиции Рубенса, заметил сходство между формой пятна на Лунной поверхности, картой Богемии и фрагментом из текста «Звездного вестника» (рис. 6) Галилея [Renger 1990], который писал:

Я это заметил даже с некоторым удивлением. Середина Луны занята как бы некоторой впадиной, значительно большей, чем все остальные, и совершенно круглой по форме; ее я заметил вблизи обеих четвертей и, насколько возможно, изобразил во вторых частях приводимых рисунков. Она при затемнении и освещении представляет такой вид, как если бы на Земле область вроде Богемии была окружена со всех сторон величайшими горами, расположенными по окружности совершенного круга [Галилей 1964, т. 1, с. 27].

Рис. 5. П.П. Рубенс. «Дева в образе Жены Апокалипсиса», фрагмент, 1623–1625, церковь Богоматери, Фрайзинг

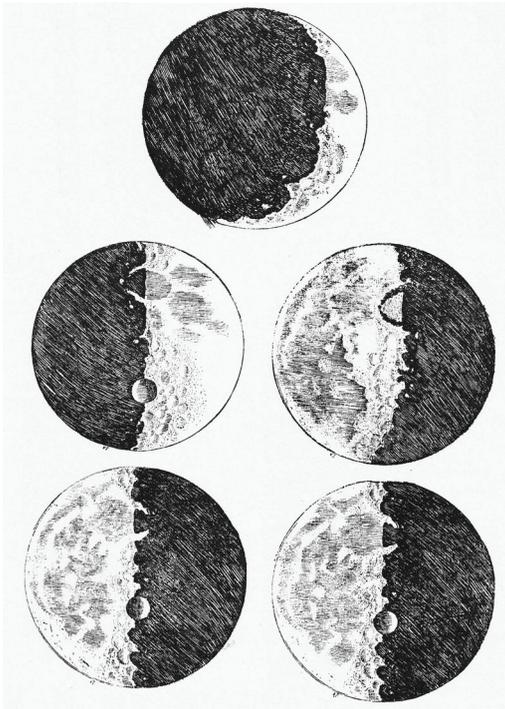

Рис. 6. Галилео Галилей. Рисунки Лунной поверхности. Звездный вестник, 1610

Алтарный образ был заказан Рубенсу Максимилианом Баварским, главой императорских войск католической лиги, одержавшим победу над протестантами при битве на Белой горе под Прагой 8 ноября 1620 г. Иконография сюжета «Дева в образе Жены Апокалипсиса» связывалась с образом христианской церкви в период гонений и в алтарном панно Рубенса указывает на победу католической лиги. Астрономические увлечения Рубенса прослеживаются и в таких поздних работах, как «Пейзаж в лунном свете» (1635–1640), «Сатурн, поедающий свое дитя» (1637–1640). Впервые наблюдая Сатурн через телескоп в 1609–1610 гг., Галилей заметил, что Сатурн выглядит не как единое небесное тело, а как три тела, почти касающихся друг друга, и высказал предположение, что это два крупных «компаньона» (спутника) Сатурна. Астрономические спутники планеты Сатурн, в соответствии с описанием Галилея, представлены в картине «Сатурн, поедающий свое дитя» (1637–1638).

В позднем «Пейзаже в лунном свете» (1635–1640, музей Курто, Лондон) звездное небо освещено сиянием Луны. Подобно тому, как Млечный путь в телескопе Галилея превратился из тумана в мириады новых звезд, так и образ ночного неба в пейзаже Рубенса оказался отражением реальных наблюдений за бесчисленными россыпямидвигающихся звезд, словно проясняющих зрителю новый взгляд на небеса. Рубенс неоднократно обращается к изображению Луны и лунного света в своих как ранних, так и поздних произведениях. При рассмотрении «Пейзажа в лунном свете» вспоминаются строки из «Звездного вестника», где Галилей писал: «...все лицо Луны, обращенное к Земле, освещается ярчайшим пламенем противостоящего Солнца, и земная поверхность сияет больше всего, залитая лунным блеском» [Галилей 1964, т. 1, с. 34]. Рубенс в пейзаже подчеркивает отражение лунного и звездного света в воде, что отсылает к мысли Галилея, который полагал, что Луна и Земля сияют отраженным светом.

Во время пребывания в Риме Рубенс был дружен с Адамом Эльсхаймером (1578–1610), жившим в Риме с 1600 г. и, очевидно, наблюдавшим звездное небо в телескоп. Трактовка лунного света и подвижного звездного неба у Рубенса в «Пейзаже в лунном свете» 1612 г. близка к образу неба в композиции Эльсхаймера «Бегство в Египет» (1609, Пинакотека, Мюнхен). В композициях Рубенса и Эльсхаймера изображение ночного неба освещено россыпью мерцающих подвижных звезд и полосой Млечного пути, напоминающих записи и зарисовки Галилея. В пейзажах изображена полная Луна, которая отражена на поверхности воды, и темные деревья. В «Бегстве в Египет» поставлен акцент на контрасте ночного света

и света факела в руке Иосифа, который переключается со светом костра пастухов [Костыря 2005].

Интерес к природе лунного света прослеживается в картине Рубенса «Святой Христофор, переходящий через реку с младенцем Христом» (1612, Пинакотека, Мюнхен), где изображены три вида света: лунный – естественный; свет, исходящий от Христа – божественный; и свет фонаря – искусственный. По легенде, римлянин, будущий святой Христофор, был человеком огромного роста. Как-то он встретил святого отшельника и спросил его, каким образом он может служить Христу. Отшельник отвел его к реке и сказал, что большой его рост и сила смогут оказать помощь во время переправы. Христофор стал перевозить через реку на своей спине путников. Однажды его попросил перенести через реку маленький мальчик. Посреди реки он стал настолько тяжел, что Христофор испугался, как бы они оба не утонули. Мальчик сказал ему, что он – Христос и несет с собой все тяготы мира. Затем Иисус крестил великана в реке, и тот получил свое новое имя – Христофор, «несущий Христа».

Это произведение Рубенс написал под впечатлением широко обсуждаемой в ученых кругах проблемы «вторичного света». Примечательно, что картина Рубенса близка по замыслу аналогичной работе А. Эльсхаймера «Святой Христофор» (1598–1599, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). В композиции Эльсхаймер использует три источника света: естественный – свет Луны, мистическое свечение нимба над головой младенца Христа, символизирующего его слова «Я – свет миру» (Ин. 8:12), и искусственный свет, исходящий от факела отшельника. Эльсхаймер использовал три вида света для того, чтобы подчеркнуть религиозно-мистический аспект замысла.

Рубенс в своей трактовке сюжета главный акцент ставит на наблюдении за физико-анатомическим изменением двигающейся в освещенном пространстве фигуры святого Христофора. Рубенса привлекает естественное расположение света от источников – Луны и фонаря отшельника. Луч фонаря падает на группу, двигающуюся навстречу зрителю, – Христофора и младенца, а фигура отшельника освещена вторичным светом Луны (у Эльсхаймера святой Христофор отражает свет, исходящий от младенца). Хотя нет прямых документальных свидетельств того, что Рубенс был полностью согласен с эстетическими и научными взглядами Галилея [Wootton 2010], его произведения ставят живописные проблемы, сходные с новой картиной мира.

Литература

- Галилей 1964 – *Галилей Г.* Звездный вестник // Галилей Г. Избранные произведения: В 2 т. М.: Наука, 1964. Т. 1.
- Костыря 2005 – *Костыря М.А.* Творчество Адама Эльсхаймера и западноевропейский ночной пейзаж XVII в. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2005. Вып. 1. С. 155–161.
- Рубенс 1977 – *Рубенс П.П.* О подражании статуям // Рубенс П.П. Письма, документы, суждения современников. М.: Искусство, 1977. 480 с.
- Galileo 1967 – *Galileo G.* Dialogue Concerning the Two Chief World System. Berkeley: University of California Press, 1967.
- Huemer 1983 – *Huemer F.* Rubens and Galileo 1604: Nature, Art, and Poetry // *Wallraf-Richartz-Jahrbuch*, 1983. Vol. 44. P. 175–196.
- Miller 2000 – *Miller P.* Peiresc's Europe Learning and Virtue in the Seventeenth Century. New Haven: Yale University Press, 2000. 246 p.
- Morford 1991 – *Morford M.* Stoics and Neostocs: Rubens and The Circle of Lipsius. Princeton: Princeton University Press, 1991. 246 p.
- Panofsky 1956 – *Panofsky E.* Galileo as a Critic of Arts: Aesthetic Attitude and Scientific Thought // *Isis*. 1956. Vol. 47, no 1. P. 3–15.
- Reeves E. 1997 – *Reeves E.* Painting the Heavens. Princeton: Princeton University Press, 1997. 310 p.
- Renger 1991 – *Renger K.* Peter Paul Rubens // *Altare für Bayern*. München: Alte Pinakothek, 1991. P. 46–48.
- Wootton 2010 – *Wootton D.* Galileo: Watcher of the Skies. New Haven: Yale University Press, 2010. 509 p.

References

- Galileo, G. (1967), *Dialogue Concerning the Two Chief World System*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Galilei, G. (1964), “Sidereal Messenger”, in Galilei, G., *Izbrannyye proizvedeniya v 2 t.* [Selected Works in 2 vols.], Nauka, Moscow, Russia, vol. 1.
- Kostyria, M.A. (2005), “Works of Adam Elsheimer and the Western European night landscape of the 17th century”, *Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 2*, vol. 1, pp. 155-161.
- Huemer, F. (1983), Rubens and Galileo 1604: Nature, Art, and Poetry, *Wallraf-Richartz-Jahrbuch*, vol. 44, pp. 175-196.
- Miller, P. (2000), *Peiresc's Europe Learning and Virtue in the Seventeenth Century*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Morford, M. (1991), *Stoics and Neostocs: Rubens and the Circle of Lipsius*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Panofsky, E. (1956), “Galileo as a Critic of Arts: Aesthetic Attitude and Scientific Thought”, *Isis*, vol. 47 (1), pp. 3-15.

- Reeves, E. (1997), *Painting the Heavens*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Renger, K. (1991), "Peter Paul Rubens", *Altare für Bayern*, Alte Pinakothek, Munich, Germany, pp. 46-48.
- Rubens, P.P. (1977), "Statues imitation", in Rubens, P.P., *Rubens: pis'ma, dokumenty, suzhdeniya sovremennikov* [Rubens: Letters, Documents, Testimonies], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Wootton, D. (2010), *Galileo: Watcher of the Skies*, Yale University Press, New Haven, USA.

Информация об авторе

Людмила Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lydmila55@mail.ru

Information about the author

Lyudmila Yu. Limanskaya, Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; lydmila55@mail.ru

Образы женщин-цветов, женщин-бабочек в художественном опыте искусства Италии и Франции эпохи модерна

Елена О. Графова

*Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,
Москва, Россия, smilesky@mail.ru*

Аннотация. Мотивы цветка и бабочки, раскрывающиеся в образах прекрасных женщин эпохи модерна, имеют символическое значение, олицетворяя понимание эстетики красоты в Италии и Франции в конце XIX – начале XX в. В образах женщин «прекрасной эпохи» художники итальянского искусства будут использовать прием, когда руки моделей, как и в танце Лойи Фуллер, подняты вверх, словно крылья бабочки. В статье дан анализ теоретиков французского искусства эпохи модерна, таких как Марсель Пруст, Морис Метерлинк, Поль Элье, чье влияние было значительно для создания художественных образов женщин-цветов и женщин-бабочек в Италии и Франции на рубеже XIX–XX вв. В статье рассматривается история создания танца «серпантин», что послужил источником вдохновения для создания художественных образов женщин-цветов и женщин-бабочек в Италии и Франции на рубеже XIX–XX вв. Это демонстрируют работы итальянских художников: Камилло Инноченти, Джованни Больдини, Гаэтано Превиатти, Помпео Мариани, Федерико Дзандомеги, Джозефа Энгельхарда и Леопольда Мелтиковиц, Элизабет Сонрель и Альфонса Мухи.

Ключевые слова: модерн, ар нуво, декоративное искусство, бабочки

Для цитирования: Графова Е.О. Образы женщин-цветов, женщин-бабочек в художественном опыте искусства Италии и Франции эпохи модерна // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 139–154. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-139-154

Images of women-flowers, women-butterflies
in the artistic experience of the art
of Italy and France in the Art Nouveau Age

Elena O. Grafova

*Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russia, smilesky@mail.ru*

Abstract. The flower and butterfly motifs, reflected in the images of beautiful women of the Art Nouveau age, have symbolic meaning, embodying an understanding of the beauty aesthetics in Italy and France in the late 19th and early 20th centuries. In the images of the “Beautiful Era” women, Italian artists use the technique when the arms of the models, as in the dance of Loie Fuller, are raised up like the wings of butterflies. The article analyzes theorists of French art in the Art Nouveau age, such as Marcel Proust, Maurice Maeterlinck, Paul Helleu, whose influence was significant for creating artistic images of women-flowers and women-butterflies in Italy and France at the turn of the 19th–20th centuries. The article discusses the history of the creation of the “serpentine” dance, which inspired the creation of the art images of women-flowers and women-butterflies in Italy and France at the turn of the 19th–20th centuries. That is demonstrated in works by such artists as Camillo Innocenti, Giovanni Boldini, Gaetano Previatti, Pompeo Marianni, Federico Zandomenighi, Joseph Engelhard and Leopoldo Melticovitz, Elizabeth Sonrel and Alphonse Mucha.

Keywords: Art Nouveau, modern style, decorative art, butterfly

For citation: Grafova, E.O. (2020), “Images of women-flowers, women-butterflies in the artistic experience of the art of Italy and France in the Art Nouveau Age”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 139–154, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-139-154

В художественных произведениях российского и европейского искусства модерна образы прекрасных дам представлены укутанными в шелка. Они парят в изысканных садах и в морских пейзажах, на балах и в театре, в уютных апартаментах комнат или просто на листе бумаги, где художник несколькими линиями передает их характер и красоту в художественных произведениях итальянского и французского искусства конца XIX–XX вв. Их образы напоминают летящих на свет бабочек и распускающиеся бутоны цветов, что тянутся к солнцу.

Образы женщин-цветов и женщин бабочек получают популярность на рубеже XIX–XX столетий благодаря популярности

разведения садов, выведению новых видов цветов, таких как розы, орхидеи, пеларгонии, акклиматизации растений и популяризации знаний, полученных из научных отчетов британской экспедиции «Челенджер», участником которой был немецкий ученый и философ Эрнест Геккель.

В издании «Мировые загадки. Общеизвестные очерки монистической философии» он дает определение новому стилю искусства, которое в XX в. получит название стиль «модерн» или «ар нуво»:

...новая форма искусства, которая возникла в нашем столетии на почве современного естествознания. Изумительное расширение нашего научного кругозора, открытие бесчисленных новых жизненных форм, поражающих своей красотой, породило в наше время совершенно новое эстетическое чувство и дало другое направление искусству. Многочисленные путешествия и научные экспедиции для исследования неизвестных земель и морей открыли нам уже в XVIII в., а в особенности в XIX столетии целую массу неизвестных дотоль органических форм, о которых прежде и догадываться нельзя было. Число новых животных и растительных видов росло в неизмеримой прогрессии, и между ними (в особенности в низших группах, которым прежде уделяли мало внимания) оказались тысячи красивых и интересных экземпляров, совершенно новые мотивы для живописи и скульптуры, для архитектуры и художественных промыслов. Обширные микроскопические исследования во второй половине XIX столетия открыли нам совершенно новый мир. <...> Впрочем, и без далеких путешествий и дорогих сочинений каждый человек может читать в книге природы. Он должен вглядеться в окружающее, внимательно созерцать его и изоощрять свою наблюдательность. На каждом шагу он найдет великое множество интересных и красивых предметов природы. В каждом листочке мха, в каждой травке, бабочке и жучке мы, при ближайшем рассмотрении, находим красоту, которая обыкновенно ускользает от человека, равнодушно проходящего мимо творений. А если еще рассматривать через лупу или через хороший микроскоп, то на каждом шагу находим здесь неисчерпаемые источники новых наслаждений [Геккель 1906, с. 178–179] (рис. 1; рис. 2).

Один из самых значимых символов эпохи модерна – это образ, воспроизведенный танцовщицей Лойе Фуллер, где благодаря особым движениям и конструкции платья танцовщица превращалась одновременно и в бабочку, и в цветок. Лойя Фуллер в танце «Серпантин» стала символом стиля модерн. По ее словам, она придумала этот танец совершенно случайно, играя в пьесе дух девушки. Он был впервые представлен артисткой публике в Нью-Йорке

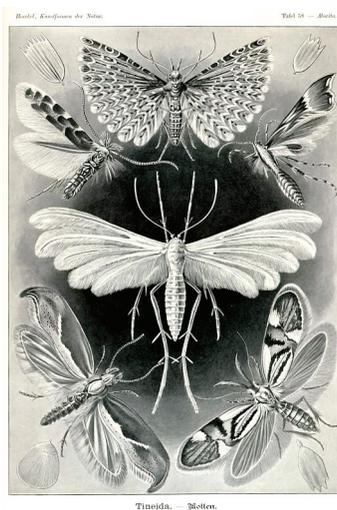

Рис. 1. Эрнест Геккель.
«Красота форм в природе», 1904, с. 58

Рис. 2. Эрнест Геккель.
«Красота форм в природе», 1904, с. 74

в 1890 г. Когда она привезла его в Париж, то публика была очарована! Методические поднимания рук и уникальный костюм с удлинённой юбкой и длинными рукавами были приняты зрителем за лепестки цветов орхидеи и крылья бабочки. Танец транслировал уникальную идею стиля модерн.

В книге «Что видела танцовщица», изданной в 1910 г. в России, Лойя Фуллер вспоминает, как был придуман танец, который подарил ей всемирную известность.

Зачарованная, в полусне – по меньшей мере с виду – мой взгляд прикованный к его взгляду, я повторяла все его движения. Мое платье было так длинно, что я то и дело на него наступала. Машинально подерживая его обеими руками, я их поднимала вместе с ним в воздух, продолжая в то же время носиться, как крылатый дух вокруг сцены. Вдруг из зала раздалось: «Бабочка! Бабочка!» Я начала кружиться с одного конца сцены до другого, и раздался другой крик: «Орхидея!» К моему глубокому изумлению раздалось дружные рукоплескания. Доктор все быстрее и быстрее носился вокруг сцены, и я быстрее и быстрее следовала за ним. Наконец в упоении я опустилась на землю, вся закутанная в облако воздушной материи. Публика биссировала сцену раз, другой...и, наконец, столько, что мы должны были повторить ее более двадцати раз [Фуллер 1910, с. 33–37].

Успех Лой Фуллер. Танцовщица представила спектакль, где сочетались балет и пантомима. Кроме того, в танце змеи она темпераментно вращала вокруг себя цветное полотнище из вуали, которое создавало впечатление волшебного светящегося круга. Использование стобоскопического эффекта, дробящего движения, опыт с искусственным освещением, проектирующим на экран ее платье, создавали хроматическую шкалу, ранее нигде не виданную. Танец мотылька, танец Лилии, Кувшинки, танец Облака, поиски синхронизации движений со светом в течение спектакля давали пищу уму и фантазии. В глазах своих поклонников, увидевших в ее исполнении материализации союза науки и искусства, некий энергетический поток и даже, по словам Стефана Малларме, «кружение воздуха, как при запуске ракеты», Лойе Фуллер воплощала эстетику трансформации, эстетику динамического контура, одним словом «Модерн»,

– как пишет теоретик французского искусства Ж.П. Мидан [Мидан 1999, с. 79–81] (рис. 3, рис. 4).

В художественных произведениях эпохи модерна Лои Фуллер в танце можно увидеть в работах таких французских художников, как Тулуз-Лотрек, Жюль Шере, скульпторов Рауля Ларша, Пьера Роша, Огюста Родена.

Рис. 3, 4. Лойе Фуллер. «Танец серпантин», 1902

Контекст танца Лойи Фуллер, когда цветок превращается в бабочку – это символ эпохи модерна. С одной стороны, это символ души, вечно стремящийся к свету, к новым открытиям, к путешествиям. С другой стороны, цветок крепко держится корнями за землю, где начинается его жизнь. В этом контексте художники модерна подчеркивают важность обращения к историческому наследию своей родины, познанию себя через призму стремления к свободе, к свету, к лучшей жизни. Цветок в контексте иконографии эпохи модерна – это символ силы и душевного роста человека, когда все усилия направлены на то, чтобы своей жизнью принести в мир доброту и совершенство.

Образ бабочки, которая связана в иконографическом смысле с Психеей (греч. «душа»), трансформируется из медленно ползущей по поверхности гусеницы в бабочку, побеждающую законы физики, а именно земного притяжения, и взлетающую над землей в поисках красивого цветка для того, чтобы переносить нектар с одного цветка на другой. Это аллегория обмена идеями и открытиями в ботанике, лепидоптерологии и искусстве между художниками, учеными и исследователями эпохи модерна Италии и Франции.

Эзотерический сюжет в итальянской живописи, в результате которого появился знаменитый танец Лойи Фуллер, где она изображала дух молодой девушки, создает на своем художественном полотне «Танец времени» итальянский художник Гаэтано Превиати (1852–1919) (рис. 5).

Рис. 5. Гаэтано Превиати. «Танец времени», 1899.
134 × 200, холст, масло, темпера

Освещенные солнечным светом танцующие девушки, которые двигаются по кругу, – символ итальянского модерна, где идеи поиска света и движение ему навстречу отражают концепцию стиля модерн. Образы девушек, парящие в лучах солнечного света над землей, в развевающихся одеждах, напоминающие лепестки и крылья, символизируют красоту, что находится в душе человека, чей ориентир – это поиск красоты, света и любви.

В образах женщин «прекрасной эпохи» художники итальянского искусства будут использовать прием, когда руки моделей, как и в танце Лойи Фуллер, подняты вверх, словно крылья бабочки. Это демонстрируют работы художника Камилло Инноченти (Camillo Innocenti) (рис. 6, рис. 7).

В литературных источниках определение женщин-цветов “*femmes de fleurs*” дал итало-французский писатель Робер Монтескье, описывая работы итальянских художников Джованни Больдини и Поля Элле. Все они работали и жили на рубеже веков в Париже. Их дружба позволяла им вдохновлять друг друга новыми идеями и наблюдениями об искусстве и научных открытиях в ботанике и лепидоптерологии.

Джовани Больдини – итальянский художник, создающий уникальные женские и мужские портреты, в которых есть экспрессия движения. Словно в танце Лойи Фуллер, его картины передают тот самый образ цветка и бабочки, который случайно нашла Лойе Фуллер и который стал символом эпохи. Движение, переданное

*Рис. 6. Камилло Инноченти.
Белое и голубое, 1907.
Городские музеи Удине*

*Рис. 7. Камилло Инноченти.
Утро, 1908.
Пинакотека дивизионизма, Тортона*

в художественном почерке Джованни Больдини, напоминает фотографическую съемку танца Лойе Фуллер (рис. 8, рис. 9).

Так, в его работе «Фейерверк» (1890) передано движение света за спиной модели. В работе «Портрет Марты Ренье» (1905) передано движение навстречу зрителю, словно в остановившемся мгновении танца. Художник воспроизводит этот миг в движении скользящего за моделью платья, напоминающего крылья бабочки за спиной. Портрет «Принцессы Рэдзвилл» (1910) украшают розы, приколотые к поясу платья, что также наводит на мысль о том, что флоральные мотивы важны в художественной манере Больдини. Портреты Джованни Больдини отличает движение, так характерное для танца Лойе Фуллер. Модели находятся в движении, и художнику удается запечатлеть это движение.

Больдини обладает особым художественным почерком. Создавая портреты женщин-цветов, он пользуется визуальными приемами, создающими впечатление вспышки, мгновения в ускользающем вихре времени. Это передано особенной экспрессией красок и положением модели в пространстве. Платья моделей часто украшены живыми цветами, приколотыми к декольте. Таким образом, художник подчеркивает в создаваемом им образе “femme de fleur” все те качества философии, о которой говорит Морис Метерлинк:

Рис. 8. Джованни Больдини.
«Испанская танцовщица», 1900.
Частная коллекция

Рис. 9. Джованни Больдини.
«Портрет Клео де Мерод», 1901.
Частная коллекция

Как бы то ни было, мы стоим перед новым реальным фактом, заключающимся в том, что мы живем в мире, где цветы стали прекраснее и многочисленнее, чем в прежние времена, и, быть может, мы вправе прибавить, что и мысли людей стали более справедливыми и жадными к истине. Малейшая обретенная радость и малейшая побежденная печаль должны быть отмечены в книге человечества. Не надо пренебрегать ни одним из доказательств, подтверждающих, что мы, наконец, начинаем распоряжаться некоторыми законами, управляющими судьбой живых существ, что мы акклиматизируемся на нашей планете, что мы украшаем наши дома и мало помалу увеличиваем счастье и красоту жизни [Метерлинк 2011, с. 135–136].

В книге «Полю Эльле: художник и гравер» (“Paul Helleu: peintre et gravure”) идеолог французского модерна «прекрасной эпохи» Робер Монтестью называет образы женщин итальянского художника Джованни Больдини и французского художника Поля Элье – женщины-цветы (*les femmes-fleurs*). Эти образы дам «прекрасной эпохи» вдохновили художников, поэтов и писателей на создание художественных произведений эпохи модерна.

Помпео Мариани, итальянский художник, в цикле художественных полотен и акварелей, посвященных дамам прекрасной эпохи, пишет женские образы, напоминающие цветы и бабочек. Мариани создает свои художественные полотна в Милане,

в Монте-Карло, в Бордигере и в городе Монца. Его работы рубежа XIX – начала XX в. в Милане и Бордигере передают атмосферу «прекрасной эпохи». Летящие женские образы, закутанные в шелка и украшенные цветами, – это символические контексты цветка и бабочки в новом звучании понимания света и цвета в художественных работах мастера.

Его акварели, этюды и полотна, на которых запечатлена жизнь «прекрасной эпохи» Лазурного побережья Средиземного моря в Бордигере, Монако, Монте-Карло и Сан-Ремо. Часто это сюжеты ночной жизни. И здесь читаются женские и мужские образы, как образы бабочек, порхающих и летящих на свет (рис. 10).

*Рис. 10. Помпео Мариани.
«Затерянные в Монте-Карло», 1909.
Картон, масло, 49 × 70 см. Частная коллекция*

Его работа «Бабочки ночи» дает прочтение женских образов как символов порхающих в ночи бабочек. Фигуры написаны схематично, словно в дымке или в тумане. Хорошо читаются силуэты скользящих платьев и широких элегантных шляп. Ночной свет обозначен морским пейзажем. Аллегория с символами женских образов, как летящих на свет бабочек, повторяется и в других художественных полотнах этого художника в период его жизни в Бордигере.

Летящие образы девушек Помпео Мариани в свете огней и цветов, на фоне садов и морских пейзажей – это символы эпохи ускользающей красоты, отраженной в дыхании ветра, полете бабочки и короткой, но полной мужества, поэзии и красоты жизни цветка. Именно так пишет женские фигуры этот итальянский художник.

В стиле модерн Италии и Франции раскрывается идея, когда бабочка и цветок становятся символом эпохи, задумавшейся о том, что такое красота природы и человека, об образах женщин, которыми нужно восхищаться, о недолговечности красоты, но о вечном обновлении ее.

Итальянский модерн раскрывается в стилистике образов через сюжеты лепидоптерологии и флоральные мотивы. Питер Беренс (Peter Behrens) на экспозиции «Выставки современного искусства» в Турине в 1902 г. использует мотив эльфов с крыльями бабочки.

Рафаэль Таруфи (Raphael Taruffi) иллюстрирует в стиле модерн фей-бабочек. Интересно, что все, кто имеет отношение к стилю модерн в Италии, работают в этом контексте словно для своего удовольствия, играючи.

Интересно с точки зрения интерпретации мотива бабочки в художественном произведении бельгийского художника Жана Девиля «Любовь душ». Жан Девиль (Jean Delville) с 1895 г. жил и работал в Италии благодаря римской премии (Prix de Rome). Интересно, как он интерпретирует сюжет Паоло и Франчески (Francesca da Rimini & Paolo Malatesta) в контексте символа бабочки. Две фигуры соединены в одну и представляют собой симметрию с распахнутыми крыльями, фигуры вписаны одна в другую и поддерживаются в воздухе благодаря энергетическим потокам или потокам воздуха снизу и потокам света солнца сверху, символизируя гармонию мира. В художественной работе «The lovesoul» влияние итальянских сюжетов, воспроизводимых в художественном почерке искусства Италии, несомненно. Симметрия фигур отсылает к геометрической симметрии крыльев бабочки как ведущего мотива в стиле модерн.

Джозеф Энгельхард (Josef Engelhart) – австрийский художник, работа которого «Ветер» (1897) символизирует в образе девушки бабочку с распахнутыми крыльями, отдающуюся потоку воздуха (рис. 11).

Работы этих европейских мастеров позволяют понять символическое значение мотивов «цветка и бабочки» в контексте прочтения иконографии модерна в женских образах искусства Италии и Франции. Больдини, Монтестью, Пруст, Галле, Моррис Метерлинк – их художественные произведения формируют эстетику модерна.

Образы цветов в художественные произведения мастеров приходят из повседневной жизни. Обмениваясь письмами, они присылают друг другу живые цветы или слепки с них. Так, в письме к своему другу Роберу де Монтестью Марсель Пруст отправил слепок цветка «пассифлора», живые гортензии.

Рис. 11. Джозеф Энгельхард.
«Ветер», 1897

Работа Поля Элье «Голубые гортензии» написана под влиянием книги Монтескье с одноименным названием. О ней также вспоминает Марсель Пруст: «Посылаю Вам с благодарностью за подарок и за обещание! “Гортензии!” – спешу заверить, что понимаю ценность этой книги, исполненной мысли, чувства, красоты и остроумия. Я ее часто читаю и хорошо изучил. И как мне представляется, научился понимать и любить» [Пруст 2002, с. 85].

Итальянский художник из Венеции, живший и умерший в Париже, Федерико Дзандоменегги (Federico Zandomeneghi) (1841–1917) считается наиболее близким к движению импрессионистов. В отличие от Больдини, который создавал портреты дам высшего общества, Дзандоменегги был сосредоточен на изображении образов девушек с Монмартра, где художник обитал рядом с Тулуз-Лотреком и его моделью Сюзанной Валадон. «Вечер-гала» (ок. 1890, холст, масло, 66 × 55 см. Коллекция Итало Сегалини), «В театре» (ок. 1895, Виареджио, Институт Маттеуччи), «На бал» (частная коллекция) – эти работы Федерико Дзандоменегги 1890-х годов отражают стиль модерн в контексте написания женщин, чьи образы созвучны “Les femmes-fleurs” (рис. 12).

Идея создавать портреты девушек, символизирующих времена года, приходит с Востока, из Японии. Для японцев природа – воплощение универсальных законов Вселенной. Единение с природой помогало людям обретать верное понимание вещей и самих себя. С каждым сезоном были связаны определенные обычаи и обряды.

*Рис. 12. Федерико Дзандомеги.
«Вечер-гала», ок. 1890.
Коллекция Итало Сегалини*

Особую значимость приобретали ханами – праздник «любование цветами», цукими «любование луной» и юкими «любование снегом», объединенные общим термином сэцугэцука, примером чему служат вертикальные свитки (триптих) Утагавы Тоераху (1735–1814) «Красавицы четырех сезонов». В репрезентации флоральных мотивов в японском искусстве важны глицинии, пионы, одуванчики, маки, чертополох, лилии, клематис, ирисы, кубышка японская – цветы, которые изображают на традиционных японских ширмах такие мастера, как Китагава Сосэцу (сер. XVII в.).

В итальянском искусстве модерна этот образ воплощен на известных афишах эпохи модерна иллюстратором Леопольдо Метликовитц (Leopoldo Metlicovitz) к опере Джакомо Пуччини «Мадам Баттерфляй», Ла Скала (1904) и к опере «Ирис» (рис. 13).

Другой итальянский художник Джузеппе де Ниттис в репрезентации женских образов также обращается к японскому празднику ханами – «любование цветами». Цветущие сады Италии и образы прекрасных женщин, напоминающих цветов и бабочку одновременно, служат примером итальянского стиля модерн в прочтении образов цветка и бабочки. Работа Джузеппе де Ниттиса «Синьора в саду», существующая в двух вариантах, близка к пониманию японских сюжетов в модерне, где образ девушки в саду напоминает о счастливых мгновениях любования цветами.

О том, что Помпео Мариани вдохновляла японская живопись, в контексте прочтения японской философии «любования садом», свидетельствует его работа «Японская девушка». Эти сюжеты отразились в нескольких сериях литографий чешского художника Альфонса Мухи, жившего в Париже в эпоху модерна, «Четыре

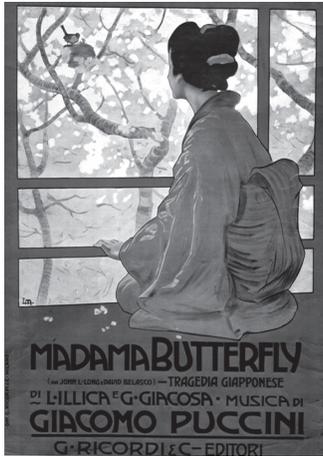

Рис. 13. Леопольдо Метликовитц.
Афиша к опере Джакомо Пуччини
«Мадам Баттерфляй».
Ля Скала, 1904

сезона». Художник пишет времена года в виде образов женщин, украшая их теми цветами, которые соответствуют каждому сезону в садах Франции. Цикл этих литографий выходит в 1896, 1897 и 1900 гг. В японском стиле выполнена работа французского художника Огюста Ренуара, где запечатлены женские образы в четырех сезонах года – весна, лето, осень и зима.

В 1896 г. выходит календарь с иллюстрациями французского художника Эжена Грассе “La belle jardinière”, где раскрывается образ девушки-садовницы и флоральных мотивов. Категоризация художественного и ботанического опыта показана в соответствии цветения растений с каждым месяцем. Февраль – подснежники, май – ирисы и ландыши, июнь – розы.

Эта идея найдет отражение и в литографии «Цветы» Альфонса Мухи (“Les Fleures”), где силуэты девушек будут вписаны во флоральные мотивы, соответствующие временам года – розы, лилии, ирисы и гвоздики. Сюда же следует отнести литографии Четырех цветочных циклов Альфонса Мухи (1900) и Элизабет Сонрель. В альбоме «Сезоны. Декоративные этюды» (“Les Saisons, Etudes Decoratives”) Элизабет Сонрель (Elizabeth Sonrel) временам года также соответствуют растения, которые цветут в указанный период – весна, лето, осень, зима. Сонрель любит работать с цветами, ее образы девушек украшают гортензии, лилии и другие цветы.

В Галерее современного искусства в Милане хранится работа итальянского художника Гаэтано Превиатти «Мадонна с лилиями». Мадонна написана художником с ребенком на руках, окруженная цветочным полем из лилий. Этот цветок – символ чистоты и без-

граничной гармонии мира, в иконографии часто связан с именем Девы Марии. Свет, который исходит от этой картины, символизирует идею, что душа человека, как и душа цветка, тянется к свету и является истинной красотой этого мира, как и любовь матери к своему ребенку. Поиск душевной красоты и гармонии, провозглашенный в книге Мориса Метерлинка и воспринятой культурным обществом Италии и Франции, говорит о важности этой идеи в конце XIX – начале XX в.

Таким образом, сила воли растения, его стремление к свету, его желание подарить миру красоту ценой своей жизни, долгий путь к ней во временной перспективе – зима, весна, лето, осень – любимое художественное решение эпохи модерна от Альфонса Мухи до Ренуара, где цветы, украшающие женский образ, обозначают время года.

Итак, мотивы цветка и бабочки, раскрывающиеся в образах прекрасных женщин эпохи модерна, имеют символическое значение, олицетворяя понимание эстетики красоты в Италии и Франции в конце XIX – начале XX в. Влияние восточной культуры, в частности японской традиции ханами – праздника «любование цветами», находит свое отражение в стилизации флоральных орнаментов эпохи модерна, в обрамлении которых художники пишут образы женщин «прекрасной эпохи».

Образы женщин-цветов, женщин-бабочек в художественном опыте искусства Италии и Франции эпохи модерна отражают взаимовлияние науки, искусства и культуры, характерное для рубежа XIX–XX столетий. Философские идеи Метерлинка, наблюдения Поля Элле и Марселя Пруста, а также воспоминания танцовщицы Лойе Фуллер о том, как был придуман танец, ставший символом эпохи модерна в художественном наследии европейского искусства, позволяют воссоздать иконографический контекст женщин-цветов, женщин-бабочек в художественном опыте искусства Италии и Франции эпохи модерна.

Литература

- Геккель 1906 – *Геккель Э.* Мировые загадки. Общедоступные очерки монистической философии. Лейпциг: А. Миллер; СПб.: Мысль; 1906.
- Метерлинка 2011 – *Метерлинка М.* Разум цветов: натурфилософские и философские очерки. Старомодные цветы. СПб.: Леонардо, 2011.
- Мидан 1999 – *Мидан Ж.-П.* Модерн, Франция. М.: Магма, 1999.
- Пруст 2002 – *Пруст М.* Письма (1836–1921). М.: Гласность, 2002.
- Фуллер 1910 – *Фуллер Л.* Что видела танцовщица / Пер. Н.М. Лагова. СПб., 1910.

References

- Haeckel, E. (1906), *Mirovye zagadki. Obshchedostupnye ocherki monisticheskoi filosofii* [World Riddles. Publicly Available Essays on Monistic Philosophy], Leipzig, Germany; St. Petersburg, Russia.
- Maeterlink, M. (2011), *Razum tsvetov: naturfilosofskie i filosofskie ocherki. Staromodnye tsvety* [The Mind of Colours: Natural Philosophical and Philosophical Essays. Old-fashioned Flowers], Leonardo, St. Petersburg, Russia.
- Midan, J. P. (1999), *Modern, Frantsiya* [Art Nouveau, France], Magma, Moscow, Russia.
- Proust, M. (2002), *Pis'ma (1836–1921)* [Letters (1836–1921)], Glasnost', Moscow, Russia.
- Fuller, L. (1910), *Chto videla tantsovshchitsa* [What the dancer saw], in Lagov, N.M. (transl.), St. Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Елена О. Графова, аспирант, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва, Россия; 119072, Россия, Москва, ул. Берсеневская, д. 20; smilesky@mail.ru

Information about the author

Elena O. Grafova, postgraduate student, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia; bld. 20, Ber-senevskaya Str., Moscow, Russia 119072; smilesky@mail.ru

Выставка как жанр пластического искусства: “Chanel”

Мария Т. Майстровская

*Московская государственная художественно-промышленная
академия им. С.Г. Строганова, Москва, Россия;
НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ,
Москва, Россия, mmaistro@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет собой первую часть рассмотрения и анализа двух выставок, прошедших в последние годы в Музее изобразительных искусств им. Пушкина – «Шанель: по законам искусства» (2007) и «Диор: под знаком искусства» (2011), посвященные крупнейшим модельерам современности. Оригинальные концепции и художественные решения экспозиционного дизайна этих выставок стали событиями не только в мире моды, но и в искусстве выставочной экспозиции. Эти выставки предъявили различные экспозиционные решения, яркие художественные образы, выразительную пространственную организацию, концептуальную и сценографическую аранжировку авторских коллекций в контексте высокого изобразительного искусства. Важнейшей концептуальной составляющей выставок было представить искусство модельеров, сопоставляя, рождая ассоциации и выстраивая аналогии и контексты с изобразительным искусством, на фоне которого и в кругу которого были выставлены уникальные коллекции. При этом едином концептуальном взгляде на их творчество, и едином пространстве музея, в котором проходили выставки, художественно-архитектурная стратегия выставок была диаметрально противоположной, раскрывая палитру и многообразие художественно выразительных средств и современного экспозиционного дизайна. Обе выставки были созданы современными зарубежными кураторами и дизайнерами и представляют собой талантливые и креативные экспозиционные проекты, анализ которых может быть полезен для отечественного средового дизайна в качестве ярких примеров экспозиции как жанра пластического искусства, которым и считается современная музейная и выставочная экспозиция в своих наиболее высоких и творческих формах.

Ключевые слова: музей, выставка, экспозиция, искусство, архитектура, пространство, инсталляция, художественный образ, концепция, средства художественной выразительности, сценография, коллекция

© Майстровская М.Т., 2020

Для цитирования: Майстровская М.Т. Выставка как жанр пластического искусства: “Chanel” // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 155–164. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-155-164

Exhibition as a genre of plastic art: “Chanel”

Maria T. Maystrovskaya

*Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts,
Moscow, Russia; Research Institute of Theory and History of Fine Arts
of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia, mmaystro@mail.ru*

Abstract. The article is the first part of the research that consider and analyze two exhibitions held in recent years at the Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin, “Chanel: according to the laws of art” (2007) and “Dior: under the sign of art” (2011), dedicated to the largest fashion designers of our time. The original concepts and artistic solutions of the exhibition design of these exhibitions became events not only in the fashion world, but also in the art of the exhibition. These exhibitions presented various exhibition solutions, vivid artistic images, expressive spatial organization, conceptual and scenographic arrangement of copyright collections in the context of high fine art. The most important conceptual component of the exhibitions was to present the art of fashion designers, juxtaposing, giving rise to associations and building analogies and contexts with visual art, against which unique collections were exhibited and in the circle. With this single conceptual view of their work, and the single space of the museum in which the exhibitions were held, the artistic and architectural strategy of the exhibitions was diametrically opposite, revealing the palette and variety of artistically expressive means and modern exhibition design. Both exhibitions were created by modern foreign curators and designers and represent talented and creative exposition projects, the analysis of which can be useful for domestic environmental design as vivid examples of the exposition as a genre of plastic art, which is considered the modern museum and exhibition exposition at its highest and creative forms.

Keywords: museum, exhibition, exposition, art, architecture, space, installation, artistic image, concept, means of artistic expression, scenography, collection

For citation: Maystrovskaya, M.T. (2020), “Exhibition as a genre of plastic art: ‘Chanel’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 155–164, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-155-164

Вспоминая и рассматривая выставочную экспозицию в качестве жанра пластического искусства, с очевидностью можно судить о ее широких художественно-выразительных возможностях и концептуальной направленности. Яркие и убедительно это продемонстрировали прошедшие в ГМИИ имени А.С. Пушкина две выставки высокой моды – «Шанель: по законам искусства» (2007) и «Диор: под знаком искусства» (2011). И несмотря на то что уже прошло время со дня их проведения, они остаются в памяти как ярчайшие и запоминающиеся экспозиционные образы, к сожалению, так и не получившие профессионального анализа своих творческих построений. Эти выставки были вовсе не характерны для залов крупнейшего художественного музея. И посвящены были не традиционным темам классического искусства и уникальным музейным экспонатам, а моде, искусству одежды, творчеству выдающихся модельеров XX в. – Габриэль Шанель и Кристиана Диора. Их концептуальной целью было раскрыть и продемонстрировать создание одежды как подлинную сферу искусства. Помимо этого они ярко предъявили саму экспозицию в качестве сложного жанра современного концептуального творчества.

Как выставочная тема, мода становится актуальной лишь в XX в., когда работа традиционного портного из ранга ремесла переходит в область искусства и рассматривается как одна из его форм. Это было связано с общим пересмотром всего предметного мира и конкретно декоративно-прикладного искусства, когда из утилитарной и сугубо функциональной вещи художник начинает создавать объект по законам искусства, меняя приоритеты и отходя от чистой функции в область образа, эмоции, реплики, иногда острого и яркого эпатажа. Попытаемся рассмотреть эти выставки с позиции экспозиционного творчества.

По всем законам построения экспозиции основой выставочного решения считается предмет-экспонат, вокруг которого строится вся стратегия экспозиционного образа, на раскрытии которого базируется концептуальное прочтение, организуется архитектурное пространство, избирается палитра средств выразительности, призванных предъявить выставку в том характере, который задают ей ее создатели.

Обе выставки демонстрировали один и тот же объект – одежду, моду, искусство модельеров. Но было это настолько по-разному, настолько не похоже, что своеобразие решения каждой из них подтверждала безграничность художественной интерпретации замысла. Выставки располагались в одном и том же пространстве, в одних и тех же залах ГМИИ имени А.С. Пушкина, используя различные композиционные стратегии, построение и аранжировку.

Выставки были созданы зарубежными дизайнерами, привлекали новаторскими идеями, новейшими средствами и выразительными возможностями, привнесшими в классический музей актуальную стилистику мировых выставочных комплексов.

Именно с этих позиций наиболее интересно рассмотреть эти примеры, представившие искусство экспозиции во всем его многообразии и выразительности. Выставки не только не похожи друг на друга, но даже в какой-то степени альтернативны по работе с пространством, с образной аранжировкой и экспозиционными формами. Сравнивая и анализируя их, становится очевидным значение творческой составляющей, авторской интерпретации, концепции и широчайшего диапазона современных приемов и возможностей в их построении.

В сферу внимания выставочной деятельности музеев произведения дизайнерского искусства попали лишь в XX в., и это был скорее дизайн промышленный, мебели, интерьеров и значительно реже – исторического и этнографического костюма. И только в конце прошлого века крупные музеи стали обращаться к истории моды, рассматривая ее как своеобразную и полноправную часть истории искусства. Подобные проекты способствуют включению моды и дизайна в контекст художественной культуры. Благодаря сотрудничеству художественных музеев и ведущих Домов моды творчество модельеров начало рассматриваться как продолжение тех традиций в сфере изобразительного искусства, которые были заложены в эпохи так называемых больших стилей и стали источниками вдохновения для мастеров-кутюрье. Они представляют ряд известных дизайнеров в жанре *haute couture*, которых можно назвать настоящими художниками: Поль Пуаре, Габриэль Шанель, Эльза Скиапарелли, Кристиан Диор, Ив Сен Лоран, Юбер Живанши, Джон Гальяно, Александр Маккуин и другие, кто на протяжении XX в. переводил моду из сугубо прикладного ремесла в разряд искусства. Мода *haute couture*, подчеркнуто нефункциональна, необязательна, ее смысл замкнут на ней самой, она существует ради себя, во имя и по законам красоты, представляя чистую эстетику в творческом поиске линии и формы.

Из современных выставок следует упомянуть крупные зарубежные выставки, такие как выставка «Сто лет искусства одежды» (10.1997 – 01.1998) в Гарвард-галерее в Лондоне, которую проектировала Заха Хадид. На выставке «Джорджо Армани» (10.2000 – 01.2001) в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке были выстроены грандиозные подиумы, раскинувшиеся на обширных пространствах музея и галереи пандуса. Они были заполнены оригинальными бестелесными манекенами, вырисовывая все

достоинства элегантных высоких фигур среди многочисленных точечных светильников, свет от которых проецировался острыми тонкими лучами, создавая световую графику экспозиционных композиций. Некоторые экспонаты невероятным образом зависали в пространстве, так же как и в Музее Гуггенхайма в Бильбао, Испания (03–09.2001), где экспонаты той же самой коллекции создавали в пространстве музея совершенно другую картину. Это были выразительные многофигурные инсталляции, некий художественный хаос, выстраивавший удаленные перспективы, заполненные красочными фантомами авторских нарядов. Из крупных отечественных выставок следует вспомнить выставку в Историческом музее нашего российского кутюрье «Модная история от Валентина Юдашкина» (2003).

Выставки «Шанель» и «Диор» выбраны не случайно. Они отличаются от продуманных, мастерски выстроенных и талантливо аранжированных выставок прошлых лет своей особой концептуальностью, четкой программностью и острой художественной выразительностью. Выставки показали экспозицию более сложным и многогранным художественным явлением, включающим концепцию как «путеводную звезду», поднимая в экспонировании более широкий и сложный пласт информации, не только коллекционный, но и тематический, выстраивая контекст и сопоставления, реплики и цитаты. Они своеобразно и выразительно визуализировали связующие нити между творчеством модельера и высоким изобразительным искусством.

Первой по хронологии была выставка «Шанель. По законам искусства» (2007), представившая творчество Габриэль Шанель – первой женщины-модельера, создавшей свой стиль, изменивший образ современной женщины, сделав одежду более адекватной новому времени и его устремлениям. Когда символами современности становятся автомобиль, тихоокеанский лайнер, аэроплан, железнодорожный экспресс, небоскреб, скорость и мобильность. Когда Европу сотрясают мировые войны и революции, и когда женщины начинают пересматривать свои установки и идеалы. И именно в это время меняется их образ, который становится более демократичным, рациональным и деловым. При этом сохраняется идеализация изысканной и романтической женщины.

Практически все нововведения, которые привносит в моду Шанель, имеют такую направленность. И несмотря на то что не она первой остригла волосы, надела брюки, сняла корсет, все эти нововведения приписывались именно ей. Но именно она переделала и передела женщин в мягкие, не мнущиеся джерси и пестрые твидовые костюмы, впервые использовав их для женской одежды.

А «маленькое черное платье», без малейшего украшения и декора, становится эталоном ее стиля на все времена.

«Предложение показать в Пушкинском музее выставку Габриэль Шанель было принято без колебаний, – говорила на открытии выставки директор музея в те годы Ирина Александровна Антонова. – Все, что сделано Шанель в области haute couture, в работах для театра и кинематографа, по праву входит в мир искусства... Шанель знала, что создает стиль. Но для создания стиля – явления искусства – надо стать художником. А это значило не только овладеть всем арсеналом художественно выразительных средств, но и создать свой неповторимый индивидуальный язык. И Шанель нашла его в пропорциях своих изделий, в их цветовой гамме, в подборе фактуры тканей...»

А накануне на пресс-конференции Ирина Антонова заявила, что «выставка представляет собой фантастический экспозиционный проект»¹. Идея показать современную моду в контексте искусства принадлежала Пушкинскому музею и легла в основу его требований к концептуальной разработке проекта.

Московской экспозиции работ Шанель предшествовала выставка в Метрополитен музее двумя годами ранее. Это был показ коллекций в традиционной системе истории моды, основанной на хронологии событий творческой жизни и биографии автора. В отличие от нью-йоркской, выставка в Москве представляла оригинальную концепцию показать творчество Шанель в контексте мирового изобразительного искусства, выявив невидимые нити, пересечения, единство интонаций и форм, которыми оно было связано с большим миром художественной культуры своего времени.

Творчество Шанель было представлено в экспозиции вместе с древнерусскими иконами из собрания Оружейной палаты, произведениями мастеров XVIII – первой половины XX в., работами современных авторов авангардной живописи и фотографии как свидетельство актуальности ее наследия. Среди экспонатов выставки достойное место заняли произведения Гейнсборо, Констебля, Ренуара, Пикассо, Ларионова, Родченко, Уорхола, скульптура Джакомо и Липшица, фотографии Ман Рея и других выдающихся художников современности. Представленные лондонской галереей Тейт, Парижским музеем Пикассо и Центром Помпиду, ГМИИ

¹ Видеообращение И.А. Антоновой на официальном сайте ГМИИ им. Пушкина [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГМИИ им. Пушкина. URL: http://artsmuseum.ru/news/archive/2011/04/slovo_directora_dior/index.php (дата обращения 10 марта 2020).

им. А.С. Пушкина, Третьяковской галереей, Музеями Кремля, а также многочисленными частными художественными собраниями, они включались в концептуальную стратегию выставки как ее важнейшие составляющие.

На протяжении жизни Шанель черпала вдохновение в современной ей художественной среде и своем окружении, которое составляли видные представители искусства – художники, музыканты, артисты. На выставке были представлены разнообразные свидетельства дружеских и творческих связей Шанель с Пикассо, Аполлинером, Дягилевым, Стравинским, Дали, Кокто, Лифарем и другими. Габриэль Шанель справедливо считают не просто модельером-новатором, но автором магистральных направлений моды XX в., сумевшим не только создать ряд выдающихся новаций в мире моды, но и выразить своими моделями новый образ современной эмансипированной женщины начала и середины XX в. При этом ее творчество нельзя ограничивать лишь этим периодом, хотя бы в силу того, что оно остается актуальным по сей день и обладает качеством подлинного творчества и дизайна – быть вне времени.

Выставку в ГМИИ делал французский куратор Жан-Луи Фроман, известный историк моды и создатель экспозиции Музея современного искусства в Бордо, а также интернациональная команда из Дома моды и музея Шанель в Париже. Для того чтобы выразить уникальный творческий потенциал художницы, связанный с ее непростой судьбой, мало представить факты ее творческой биографии, недостаточно перечисления и сухого предъявления ее работ – необходим миф, легенда. Именно поэтому создатели выставочного проекта отказались от историко-биографического повествования и традиционного показа авторских коллекций, а построили экспозицию на остро-концептуальной драматургической основе, на визуальном отображении и интерпретации ее главных творческих новаций.

Экспозиционный проект включал ряд новелл. По мнению Жана-Луи Фромана, их насчитывают пять: «Черный», «Красный», «Золото», «Джерси», «Твиды», которые соответствовали разделам выставки в ГМИИ и послужили основой создания экспозиционных образов. Четыре из них располагались в Белом зале – «Черный», «Красный», «Пески», «Венеция», а «Твиды» – в зале напротив. Для каждого из них была выстроена отдельная локальная зона. По словам координатора проекта Ирины Серебряковой, основной идеей выставки была не сама Шанель или история ее Дома моды, «а ее миры, вне времени – в пространстве свободной игры ассоциаций».

Экспозиция была четко и логично структурирована. Она представляла собой некий сложный мифологического лабиринт,

который встраивался в пространство Белого зала Музея изобразительных искусств, изменяя его до неузнаваемости и создавая совершенно новое пространство, пространство «мира Шанель». Это достигалось с помощью крупных архитектурных стендов, систем подиумов и переходов, вычленения из зала небольших объемов павильонов, в которых располагались предметы коллекции. Музыкальное сопровождение, цвет, а также запах духов соответствовал каждому экспозиционному разделу. Произведения искусства корреспондировали с той или иной коллекцией, навевали ассоциации, были созвучны произведениям модельера.

Попаст в каждый раздел можно было, пройдя через зону «Абстракции» – специальной небольшой кабины-подиума с особым музыкальным сопровождением, стены в которой были затянуты фактурными историческими тканями цвета раздела и пропитаны духами “Chanel”. В кабинах зрителя окутывал шквал визуальных, обонятельных, звуковых ощущений, создававших эффект «путешествия в мир чувств Шанель». Из «Абстракции» зритель попадал в зону с подлинными раритетными костюмами и платьями, дополненную крупными стендами с коллажами фотографий из модных журналов, в основном “Vogue”, среди которых были исторические фотографии Шанель в разные годы. Эти небольшие черно-белые фотографии не терялись в этом красочном ряду, а притягивали внимание, помещенные в контекст того времени и профессиональной среды. Стенды производили впечатление огромных иконостасов, но иконостасов иной религии – моды. Затем следовала зона искусства, выбор произведений которой призван был усилить эмоциональное восприятие, создавая систему отсылок и реплик, рождая зримые и незримые ассоциации творчества художницы с высоким искусством. В разделе «Черный», помимо легендарного маленького черного платья, можно было увидеть произведения Андреса Серрано, Александра Родченко и фотографии Ман Рэя. В «Венеции», рядом с византийской иконой и Евангелием в окладе, украшенном драгоценными камнями, чеканкой и эмалью, экспонировались вечерние платья, расшитые золотом и цветными стразами, поражающие пышностью декоративной отделки. Сопровождало их подлинное золотое шитье, выполненное мастерицами ателье Китмир, открытого в эмиграции Великой княгиней Марией Павловной. Раздел «Пески» был погружен в любимый Шанель бежевый оттенок, ассоциирующийся с пляжами Биаррица. Именно здесь она открыла свой первый модный магазин, изобретала спортивный стиль и познакомилась с Пабло Пикассо, а через него – со всеми остальными художниками и артистами, повлиявшими на ее жизнь и творческое становление. Раздел посвящен костюмам Шанель из трикотажа

бежевого цвета, курортному отдыху и роману с Великим князем Дмитрием Павловичем, начавшемуся там же в 1920 г. Этой истории мир обязан появлением духов «Шанель № 5», которые сделал для нее бывший парфюмер дома Романовых Эрнест Бо.

Подлинным документальным комментарием к мифологическому лабиринту был большой раздел, расположенный в колоннаде музея с фотографиями и книгами, подписанными всеми ее великими друзьями – от Жана Кокто до Лукино Висконти. В противовес сложному лабиринту этот раздел поражал простотой и лаконизмом. В нем не было ничего лишнего, лишь большие горизонтальные витрины, в которых находились личные вещи Шанель: золотой венецианский лев, ее талисман и знак зодиака, отпечаток руки, зарисовки и, наконец, раритет выставки – легендарный парфюм «Шанель № 5», выставленный отдельно в оригинальной упаковке 1920 г.

Пятый раздел выставки – «Твиды» – находился в отдельном зале. Этот деревенский материал стал синонимом простоты и удобства английского костюма, приспособленного Шанель для женщин. «Атмосфера Англии и ее пространство, запечатленные Констеблем и Гейнсборо, отражают зрительные впечатления, которые привели ее к изобретению женского варианта твида», – объясняла появление в экспозиции этих картин бывшая заместитель директора музея Зинаида Бонами. В экспозиции по замыслу ее создателей не было ни одной случайной вещи.

Концептуальным было и экспонирование самих моделей одежды. Они располагались не традиционно на манекенах, а висели рядами на вешалках, близко прилегая друг к другу, что откровенно мешало полноценно рассмотреть каждую из моделей, но создавало удивительную для выставки атмосферу салона моды, необычного экспозиционного представления. Помимо этого была небольшая экспозиция ювелирного искусства, расположенная в апсиде Белого зала. Самые разнообразные броши, кольца, серьги были оригинально подвешены на разных уровнях в темном пространстве на шарах синего цвета, с точечной подсветкой. Дополнительно в экспозицию был введен видеоряд. На белые муляжи стопок журналов проецировались динамические изображения моделей во время дефиле.

Концептуально решенное пространство Белого зала было неузнаваемо. Оно превратилось в лабиринт с разными уровнями полов и небольшими переходами. Разные цвета, темы коллекций и соответствующие им колорит обивки стен, да еще и запахи, интенсивный и направленный свет, динамичное видео формировали острое и оригинальное восприятие экспозиционной картины. Напротив, экспозиция по галерее была контрастной по отношению к Белому залу и выглядела сугубо классической и традиционной.

Вся выставка была пронизана творчеством этой маленькой одаренной женщины, искусство которой проявилось не только в безмерном количестве сделанных ею предметов одежды, ювелирных украшений и всемирно известных духов, сколько в создании стиля, нового образа современной женщины со всеми ее помыслами и устремлениями.

Однако, как и в творчестве самой Коко Шанель, выставка была пронизана утонченным вкусом, тонкими колористическими и световыми нюансами, неожиданной аранжировкой предметов и коллекций. Отличалась показом грандиозного объема фотографий и уникальных документов в контексте ряда произведений изобразительного искусства. Они корреспондировали друг с другом, являлись точками отсчета, сфокусированными сгустками образов, созвучных произведениям Шанель. При этом бесспорно, эти сопоставления принадлежали не талантливому модельеру, а создателям экспозиции, тем авторам, кто выстраивал эти сопоставления, создавая контексты и визуализируя содержательные и формальные связи моделей Шанель с высоким миром искусства, которые они сумели уловить и выразить.

Дизайн выставки продемонстрировал творчество Габриэль Шанель в полноте ее реализации, сделав это в таком же авангардном духе, как и она сама, выразительно представив зрителям ее творчество и судьбу в оригинальной экспозиционной сценографии. Тем самым подтверждая, что Дом “Chanel”, продолжая традиции Габриэль Шанель, действует на острие времени.

Информация об авторе

Мария Т. Майстровская, доктор искусствоведения, профессор, Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, Москва, Россия; 125080, Россия, Москва, Волоколамское шоссе, д. 9;

НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ, Москва, Россия; 115093, Россия, Москва, ул. Пречистенка, д. 21; mmaystro@mail.ru

Information about the author

Maria T. Maystrovskaya, Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts, Moscow, Russia; bld. 9, Volokolamskoe Highway, Moscow, Russia, 125080;

Research Institute of Theory and History of Fine Arts of the Russian Academy of Arts, Moscow, Russia; bld. 21, Prechistenka Str., Moscow, Russia, 115093; mmaystro@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 23.03.2020.

Формат $60 \times 90^{1/16}$.

Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 10,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № 922

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru